

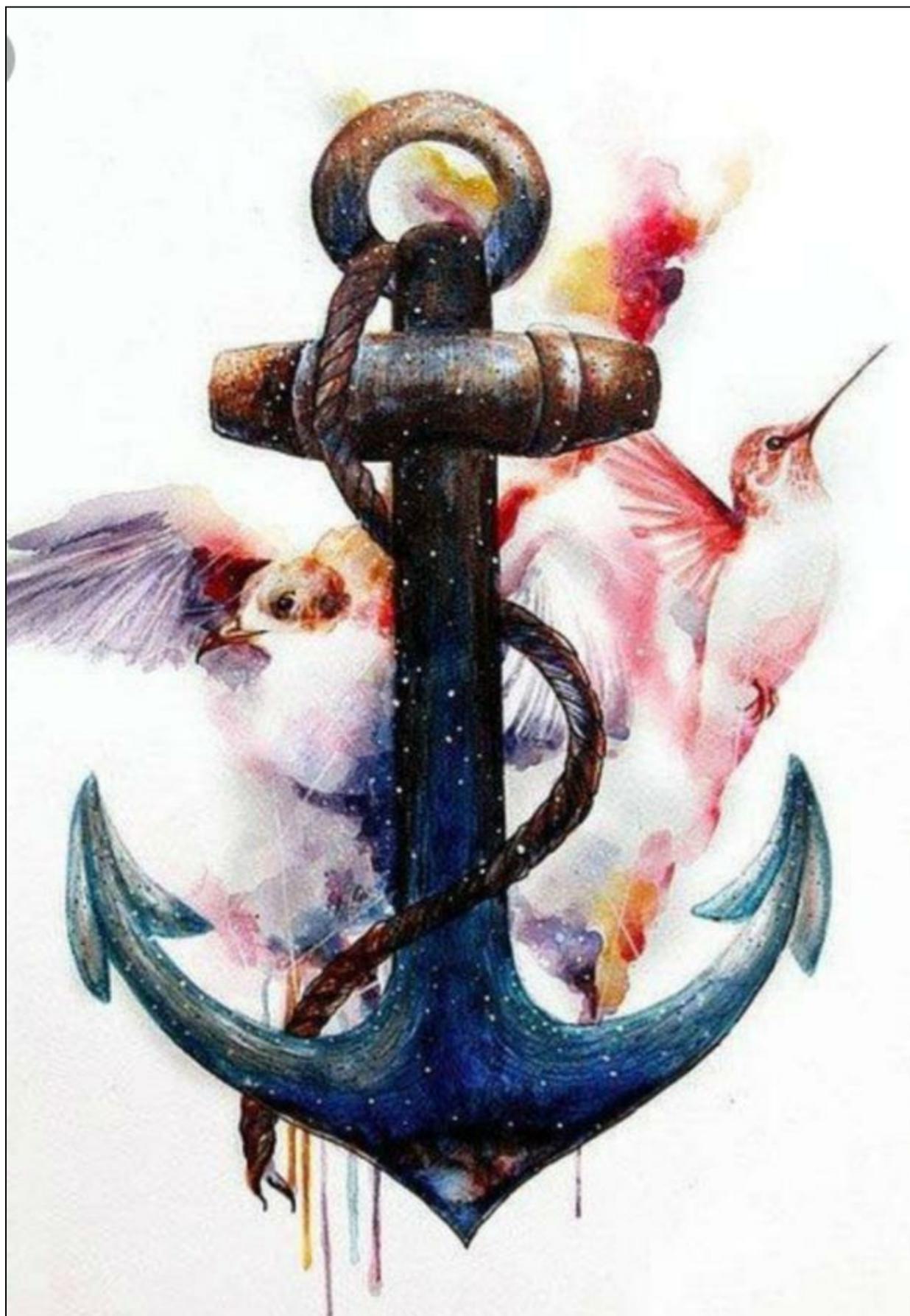
Эв. Петровичко

Не место
для
якоря

Пытаясь прорваться сквозь пески времени, герои посвящают свои жизни поиску: поиску ответов на вопросы, поиску места в мире, поиску оправданий для близких людей. Сами того не замечая, они передают друг другу самое важное в воспоминаниях, видениях, снах... Ответы уже маячат на горизонте, и каждый должен определить — что можно забрать с собой в следующую жизнь, а какой якорь ни в коем случае не нужно ставить.

Евгения Петроченко
Не место для якоря

«С тех пор, как я получила письмо, все события моей жизни предстали в ином свете. Я поверила Ему, я поверила в эту странную цепь случайностей, и теперь должна добавить в неё своё звено. Мне повезло, и мой поиск завершился. Надеюсь, я смогу помочь тебе в твоём, рассказав всю историю», — я закончила стучать по клавиатуре и задумалась. Именно такими словами я начала первый пост в своём блоге. Немного подумав, я добавила ещё одно предложение в заголовок, которое сразу должно отсеять простых любопытствующих.

Я откинулась на спинку коричневого вертящегося кресла, задумчиво посмотрела на ночник в виде желтой звезды и отхлебнула из кружки плоток чая с мятой. Было уже около двух ночи, я понимала, что не засну, поэтому и решила завести блог, чтобы дать волю мучившим меня мыслям и заодно продолжить его затею. За окном простиралось черная воющая мгла, даже луна отказывалась появляться, но свет от моей звезды и экрана ноутбука компенсировал тьму снаружи. Не люблю темноту.

Началось всё около полугода назад. Я решила поучаствовать в городской выставке для начинающих художников. Быть творческой личностью — новый тренд, и я тоже поддалась этой моде. Я училась на пятом курсе нашего местного государственного вуза на учителя химии и, положив руку на сердце, со всей искренностью могла заявить, что действительно любила органическую и неорганическую химию. Но ещё я любила рисовать.

Хотя, наверное, всё началось ещё раньше, когда маленькая я стала читать запоем «Гарри Поттера». Я мечтала оказаться в этом волшебном мире, прикоснуться к магии и стать частью чего-то очень важного. Затем я перешла на не только магические фэнтезийные миры, но и на фантастические. Мне казалось безумно увлекательным представлять себя на звездолетах, бороздящих просторы вселенной, вглядываться в бескрайнюю глубину космоса и исследовать, узнавать что-то новое, рушить стереотипы. Спутник в моих фантазиях тоже присутствовал, но я ведь девушка, мне не возбраняется любить романтические истории.

Когда я закрывала глаза и проваливалась в сон, я видела те же миры и там. Я выходила из стального космолета, поблескивающего в лучах оранжевого солнца, вся затянутая в синюю форму, а впереди, покуда хватало взгляда, расстилалась желтая пустыня. Песчинки песка переливались и отливали красным в лучах яркой звезды, совсем не похожей на наше Солнце. Каменистые образования причудливой формы, напоминающие останки строений некоей древней цивилизации, частично ещё сохраняли вид каких-то то ли храмов, то ли других сооружений городской среды. Большая часть их осыпалась и была подточена со всех сторон ветром, но то, что эти строения рукотворные, даже не вызывало сомнений. Растительности здесь почти не было, лишь какие-то белые длинные стебельки с желтыми шариками на концах колыхались от легкого ветра. Я делала вдох, очень странный вдох с непривычным ощущением в горле, и чувствовала ликование. И ощущала чьё-то присутствие рядом. Затем сходила по мостику на песок, поднимала глаза к небу и зажмурилась от слепящего света этой желто-красной звезды. Она была маленькой, но очень яркой, хотя намного больше её, даже больше нашей Луны, был спутник, серо-белой громадой выделявшийся на фоне желтого неба. Звезда пусть и ослепляла, но клонилась к закату, окрашивая тот конец неба и всю поверхность пустыни в пурпурный цвет. Потрясающее, совершенно непередаваемое зрелище.

Этот мир довольно часто приносил наутро ощущение небывалой бодрости духа,

хотелось куда-то идти, срочно что-то делать, чтобы и дальше чувствовать себя живой, чтобы это ощущение полноты жизни и важности каждого момента не проходило. Мне снились и другие странные планеты, странные животные, странные человекоподобные существа. Может, некоторые животные во снах тоже были разумными, кто их знает. Это ведь плоды всё воображения, подогретые чтением бесконечных фантастических книг.

Поэтому однажды я и начала рисовать. Многие любители фантастики на этой волне начинают сочинять собственные истории, пользуясь откровениями подсознания, я же не хотела писать. Эти яркие картинки вспыхивали, длясь всего несколько секунд и одновременно целую ночь. Мне хотелось запечатлеть образ. И было всё равно, что я никогда не ходила в художественную школу, я рисовала только ради этих миров и исключительно их.

Помню день той художественной выставки творчества современной молодежи нашего города. Я принесла всего пять своих работ с этими причудливыми мирами. Подруга помогла разместить их на деревянном стенде, который мы делили с другой художницей. Вокруг сновали люди, я же примостилась на сиденье недалеко от своих картин, чтобы наблюдать за зрителями, которые их рассматривают, и одновременно не стореть со стыда из-за отсутствия у меня мастерства. Ведь если никто не знает меня в лицо, можно сделать вид, что критика вовсе и не относится ко мне. А она была. Другие художницы шептались в стороне о том, что там нарушена перспектива, тут не так лежит тень, и они были правы. Образования специализированного у меня всё же нет, и это существенный недостаток моих работ. Но и похвалы тоже были. Ведь современное искусство оно тем и привлекает, что правила летят к чертям, и твои картины вполне могут понравиться лишь за идею.

Все эти шушуканья меня не обижали. Я вполне адекватно себя оценивала и понимала, что профессионализм в моих работах отсутствует. На выставку более серьезного уровня я бы в жизни не сунулась. Мне было просто интересно.

После пары часов с начала этого мероприятия, когда очередная приглашенная группа закончила играть, на импровизированную сцену вошли организаторы и стали благодарить за участие художников, музыкантов, мастеров хэндмэйда и гостей, а ещё давать слово именитым художникам и искусствоведам. Один из них мне запомнился особо. Это был член Союза художников России, регулярно выставляющийся в нашем выставочном зале и других по стране, импозантный невысокий пожилой мужчина, с торчащими в разные стороны усами и пиджаке в коричневую клетку. Он произнес речь о том, как гордится всеми нами, поблагодарил организаторов за то, что они вносят свой вклад в популяризацию искусства среди молодежи и пообещал сейчас же посмотреть все работы, а с авторами наиболее понравившихся картин побеседовать позднее.

Я восхищенно внимала его словам и с затаенной надеждой в сердце ждала его вердикта насчет моих работ. Но он начал с совершенно противоположного конца зала, подолгу стоял у каждого стенда, обсуждая с авторами свои замечания и одновременно развлекая столпившихся вокруг зрителей. Пока он дошел до меня, гости уже потеряли интерес, и он, к счастью, оказался в одиночестве перед стендом с моими картинами.

— Безобразие! — воскликнул старик и оглянулся вокруг в поисках восторженных слушателей. Ближе всего, в паре метров, была только я, делавшая вид, что просто отдыхаю на стульчике. — Это никуда не годится!

Так как последняя фраза была обращена явно ко мне, как к единственному зрителю, мне ничего не оставалось, как подняться с сиденья и подойти к нему. Возможно, обретя свободные уши так близко, он станет говорить тише, мне и так хотелось провалиться сквозь

паркет со стыда.

— Что там такое? — спросила я, с преувеличенным интересом рассматривая свои работы.

— Девушка, вы не поверите, до чего же дошла наглость молодежи! Это же выставка начинающих, тут никто и не претендует на что-то высокохудожественное, но это... это... — он с брезгливым видом потыкал в мою самую любимую работу, с той самой пустыней, — это переходит все границы! Наглый плагиат!

Стыд и злость одновременно охватили меня. И появилось то самое чувство, когда тебя обвиняют в чем-то несправедливом, ты чувствуешь, что негодование волной поднимается внутри, но предательские слезы застилают глаза, а ком в горле не дает высказать то, что я думаю об этом мужике. Какой ещё плагиат?!

— С чего вы так решили? — как можно нейтральной попыталась произнести я, стараясь, чтобы всхлип не вырвался из груди. Но старик и не заметил моего состояния, хоть и услышал вопрос.

— Без сомнения, манера рисунка другая, да и масло используется... — задумчиво протянул он, но затем вновь злость вернулась в его голос, — Обычных зрителей легко можно обмануть, но только не меня! Уж я-то знаю эту картину, я видел трое их этих образов... Немного другие ракурсы, но по сути всё то же самое!

Я ничего не понимала. Я никогда не увлекалась искусствоведением, художников знала только самых известных, вроде Да Винчи, Моне да Пикассо, никогда не читала специализированной литературы... Откуда я могла взять эти образы? Неужели какая-то из картин была иллюстрацией к фантастической книге и так крепко запала мне в подсознание, что я стала видеть о ней сны? Неужели я, сама того не ведая, скопировала чужие работы? Стало ещё более стыдно, но нужно было всё выяснить до конца.

— И на чьи же работы это плагиат? — уточнила я.

Ответ не заставил себя ждать. Художник провел пальцем по деревянной раме и, не отрывая глаз от фантастического пейзажа, сказал:

— Автор этого... «художества», видимо, хорошо подготовился. Мало кто распознает, что это подражание, ведь автор оригинальных картин... — тут он запнулся, — вернее, не картин, а рисунков, мало известен в наших кругах. Он, по сути, и художником-то не был, а скорее писателем. Было время, когда я выписывал литературные журналы, мне тогда нравится этот автор, который к тому же сам рисовал иллюстрации к своим произведениям.

Он усмехнулся, но как-то горько. Потом взглянул на меня, наконец убрал палец от рамы и скрестил руки на груди.

— Вы знаете, чьи это работы? Если можно их так назвать.

— Я?... Нет, — проблеяла я в ответ.

— Жаль. Хотел бы я встретиться тем, кто это намалевал, — старик произнес это как ругательство, затем поджал губы и вознамерился отойти от стенда.

— Подождите! — остановила его я. — Так кто автор-то оригинальных рисунков? Мне теперь очень интересно, — вежливо улыбнулась я.

— А... Этого писателя звали Бойко Видинский. Так себе художник, честно говоря. Но смелость образов для середины двадцатого века заставляет приглядеться к нему получше, — он покивал головой, старчески похмыкал и продолжил своё путешествие к работам следующего автора. Я же осталась в расстроенных чувствах, одновременно сгорая от стыда и охваченная жаждой узнать, что за Бойко испортил мне этот вечер и поставил крест на

эксклюзивности моих фантазий.

Всемогущий интернет ничем мне не помог. Я наткнулась на сканы коротких рассказов Видинского в журнале «Юный техник», и там и правда были иллюстрации, напоминающие мои работы, но сама фантастическая история использовала мои сны лишь в качестве декораций, где разворачивались приключенческие события после крушения космического корабля.

Путем здравого размышления я решила, что в этом нет ничего особенного, что какая-то пустыня с закатом стала плодом фантазии другого человека. Конечно, точно такая же растительность и разрушенные сооружения вызывали сомнения... но что бы я сделала на месте этого писателя? Если он решил поместить свою сюжетную линию в пустыню, то там должен быть закат, притом даже на Земле закат над ней бывает красным. Спутник и собственное солнце в других размерах вполне естественны. И даже в пустынях есть растительность, поэтому что тут странного, что Бойко придал ей такой вид? А остатки зданий древней цивилизации или просто разрушенные культовые сооружения существующей вполне логичны, так как сразу намекают героям, что тут была или есть разумная жизнь. Ведь у нас есть же пирамида Хеопса в пустыне? Почему бы не придумать разрушенный храм в инопланетной?

Пусть и ещё пара рисунков совпала с моими снами, но я помнила известную истину: все идеи уже кому-либо приходили в голову и невозможно создать что-то новое, что не было бы повторением старого. По всей видимости, моя задумка картины была лишь отражением ранее существовавших идей.

Я вздрогнула всем телом и резко распахнула глаза, словно от рывка. Сердце ухнуло вниз, пропустило удар, а потом заколотилось с новой силой. Прежде привычная двадцать пятая симфония Моцарта, которая вот уже как месяц была задана мамой в качестве мелодии для будильника, сегодня заставила всё тело содрогнуться в тревожном напряжении. Скрипка набирает обороты, а беспокойство внутри всё нарастает и нарастает.

Все проснулись. Будильник наконец-то отключился, видимо, кто-то из семьи всё же находился в семь утра в фазе глубокого дельта-сна, поэтому я услышала почти две минуты симфонии. И когда дыхание всех в квартире изменилось и показало состояние бодрствования, эта ужасная музыка прекратилась, и сердце перестало так отчаянно колотиться.

Тихо зашуршали жалюзи, давая утру проникнуть внутрь комнаты. Я встала с кровати, не испытывая ни малейшего желания засыпать дальше. Небо на востоке приобрело розовато-оранжевый оттенок, но солнца ещё не было видно из-за небоскребов. Туда-сюда сновали юркие флаеры, и пятый сектор был ещё практически пуст, что позволяло мне любоваться видом на Новоактоб, или Нью-Актобе, как любит говорить отец, ссылаясь на какие-то свои лингвистические теории происхождения названия родного сити. Как бы то ни было, вот уже столетие как город называется Новоактоб, и мне всё равно, был ли он основан в бывшем Казахстане, или Казахстане, или как там его.

Вид утреннего города всегда производит на меня умиротворяющее впечатление. Люди просыпаются, маленькие механические стрекозы и жучки везут их по делам, а наверху, стоит только подойти ближе к окну и поднять глаза выше, пытаюсь охватить хоть немного западной части неба, виднеются огненные полосы заходящих на посадку в нескольких сотнях километров отсюда космолетов. Ночью эти бело-желтые вихри заметны ещё сильнее, и мне этот вид нравится намного больше, что северное сияние или радуга. Правда, я не видела вживую это сияние, но мне кажется, что непродуманный фейерверк Новоактоба всё равно намного красивее.

Я глубоко вздохнула, отбрасывая остатки тревожности, и сменила пижаму на домашние штаны и футболку. Быстро провела консилером по зубам, освежая ротовую полость и обеспечивая необходимый ежедневный уход. Планшетная поверхность стола слабо мигала сквозь спящий режим, показывая, что есть какие-то сообщения, но мне было не до этого. Нужно приступить к домашним обязанностям.

На кухне ещё никого не было, я выдвинула ящик охлаждающего отсека и достала четыре упаковки каш. Мне больше нравилась овсяная с ароматом малины. Запах у неё просто замечательный, хотя я однажды пробовала натуральную малину на курсах, и вкус и субстанция показались мне странноватыми. Положив прозрачные упаковки в бокс для приготовления, я привычно выбрала режим разогрева, а затем достала из отсека абрикосы. Они были свежайшими, собранными вчера на плантации и словно пахли солнцем. Я порезала их на идеально ровные кусочки и добавила в разогретую кашу. Как раз послышались шаги.

Папа зашел на кухню, шлепая босыми ногами по полу. Его каштановые волосы были мокрыми и пахли теми же абрикосами, а сам он радостно улыбался и желал мне доброго утра. Он сел за круглый стол, стилизованный под ольху, а я стала расставлять на столе

контейнеры с кашей, вилки и стаканы. Затем достала бутылку цитрусового микса и налила всем утреннюю дозу. Не стала добавлять себе успокоительного, вроде бы я пришла к некоему внутреннему равновесию.

Следом за отцом влетел Натан, уже с присоединенной микрой у уха. Значит, успел выйти в сеть, хотя только минут пятнадцать как проснулся. Как всегда непричесанный, в любимой ретрофутболке со странным произведением Уорхола. Мама ненавидит эти консервные банки и, несмотря на образование искусствоведа, на свой субъективный взгляд не признает поп-арт искусством, как и большинство направлений двадцатого-двадцать первого веков.

Мама вошла позже всех, немного хмурая. Кажется, она волнуется ещё больше меня. Её темно-русые волосы с рыжеватым оттенком, точно такие же, как и у меня, были уже заплетены в косу, а карие глаза испытующе смотрели на меня. Сегодня даже её цветастое платье в желтые нарциссы излучало тревогу, хотя что может найти тревожного в желтом цвете?

Я тоже уселась за стол и наконец позволила рукам расслабиться. Они немного дрожали. Опустив их на колени, я принялась тереть край скатерти из синтетического хлопка, напечатанной по маминым эскизам. Жаль только, что структура ткани достаточно плотная, наверное, в старину было легче справиться с волнением, когда можно было из вылезающих ниток плести косички. Сейчас же я могу только бездумно проводить пальцем от одного края волана до другого.

Натан принялся есть кашу, глухо стуча ложкой по стенкам контейнера. Мама поздоровалась с нами, погладила брата по лохматой макушке и села напротив меня. Она посмотрела в свой бокс и улыбнулась кусочкам абрикосов в нем.

— Миша, милый, ты видел?

Папа проследил взглядом за ней и кивнул.

— Мири, я в тебе даже не сомневалась! — она взглянула на меня с некоторой гордостью в глазах. — Теперь я уверена, что всё будет хорошо.

Но, тем не менее, после этого она сказала «Новости» и на противоположной от кухонной панели стене началась их трансляция, нарушившая напряженное молчание между нами.

— Старт космолета «РФ-1007» откладывается по причине некомпетентности микробиолога девятого уровня, чье имя команда корабля отказывается разглашать. Введен внутренний карантин на семь дней, бригада вирусологов уже прибыла на место утечки и разбирается с последствиями непреднамеренной разгерметизации бокса с микроорганизмами с планеты МП-329, более известной нам как Вэйдвэст, которые должны были быть доставлены на межпланетарную базу Б-041 для дальнейшего исследования за пределами Земли. Несмотря на введение внутрикорабельного карантина, временно запрещены рейсы с двенадцатой площадки космодрома «Байконур», а также перемещение космолетов из примыкающего к площадке двенадцатого ангара в другие ангары. Директор космодрома, Димитрий Колос, заверил нас, что вероятнее всего эта ситуация будет вскоре разрешена, и через пару дней двенадцатую площадку и ангар переведут в обычный режим отправления... — приятный голос диктора продолжил что-то вещать, но я уже не вслушивалась, всё равно сижу спиной к экрану, а поворачиваться не особо хотелось. Проблемы ближайшего космодрома меня сейчас волновали меньше всего.

Сама я только раз вылетала за пределы Земли. Это была школьная экскурсия на Б- 015,

планетарную базу нашей Солнечной системы. Она располагалась совсем недалеко, вблизи Марса, но нам не позволили даже прогуляться в костюмах по поверхности. Видимо, школьная администрация решила потратить кредиты на что-то более весомое, чем экскурсия выпускников. И то верно. Большая часть нас в будущем всё равно не будет работать за пределами родной системы, так чего тратиться?

Мама посмотрела на руку. Сквозь смуглую кожу проступали светящиеся цифры, но мне с моего места не было видно, сколько же сейчас времени. Папа заметил это движение и тоже посмотрел на свою. Я не выдержала и повернулась к экрану. В уголке показывали 07:38. Как же медленно течет время!

Руки, казалось, жили отдельной жизнью. Внутри словно натянули струну. Я погладила то место на запястье, где у родителей был подсвеченный прямоугольник такой необходимой мне сейчас информации. Я могла бы следить за тем, как секунды сменяют друг друга, или узнать, какая погода сейчас за окном или атмосферное давление. Наверное, теперь мне тоже встроит чип. И такой маленький гаджет, как на руке у всех в моей семье, будет и у меня. Бесплатное приложение к чипу, так сказать. Но пока мне тринадцать. И ещё целых три месяца я буду жить без него и сохранять мнимую свободу выбора. А через минут пять выяснится, что выбора у меня нет, и эти три месяца будут последними, когда я буду чувствовать себя более-менее независимой.

Стакан сока возле меня оказался наполовину пуст. Хотя я думала, что он пуст совсем. Видимо, я не заметила, как кто-то долил ещё вместо выпитого. И как это мама разрешила? Хотя у неё самой тоже пол стакана заполнено, наверное, она сама и налила, решила забыть про режим в такой волнительный момент.

Последние сладкие минуты в неизвестности. Последний глоток сока, который кажется вкуснее, чем обычно, хотя для меня это вроде бы невозможно.

Первой замечает движение мама и как-то дергается всем телом. Взгляд брата становится осмысленным, он обратил внимание на маму и вышел из сети, где сидел всё то время после того, как доел кашу, и продемонстрировал чудеса выдержки, не возвращаясь в свою комнату и проникаясь ответственностью момента. Папа просто перевел взгляд на голограмму, возникшую возле окна.

Как мы знали, связь была односторонняя. Галотранспортер демонстрировал нам женщину средних лет, на первый взгляд, ей было около шестидесяти. Традиционный кремовый фартук, юбка и блузка не по форме колледжа. Но ей-то можно, она всё же глава приемной комиссии. Приятный грудной голос заставил автоматически смолкнуть диктора на экране:

— Доброе утро, уважаемые абитуриенты. Мы внимательно рассмотрели ваши кандидатуры всем составом комиссии и готовы огласить список пятидесяти прошедших отборочные испытания: Андрацумян Вайолетт, Аристов Андрей... — она смотрела одновременно на меня и на всех. Даже папа как-то подобрался и отвечал ей напряженным взглядом. Дошла очередь и до «Р»: — Резнов Родион, Робинсон Мириам, Савина Мирра...

В эту секунду радостные возгласы перекрыли голос голограммы. Мама подхватила с места и бросилась меня обнимать. Меланхоличный Натан подошел и хлопнул меня по спине, пробурчав при этом нечто одобрительное. Папа был ухвачен да руку мамой и оказался вынужден присоединиться к нашей кучке. Я слушала про то, какая же я умница, что никто и не сомневался в моих умениях, что теперь меня ждет счастливое будущее и множество открытых дверей... Как маленькая девочка, я не смогла сдержать слез.

Где-то на заднем плане голос продолжал: «Все перечисленные мной приняты во Всероссийский кулинарный колледж имени Александра Батунова. Дальнейшие распоряжения вы получите по мэйлу. Помните, что кулинария — это искусство, и вам надлежит много работать, чтобы довести свои врожденные умения или природный талант до совершенства».

Может, для кого-то теперь все двери и открыты, а я явственно слышала громкий стук поворачивающегося в замочной скважине ключа, отрезавшего меня от моей мечты.

Днем у меня ещё получалось жить обычной жизнью. Мы всей семьей планировали летний отдых, выбирая между солнечными пляжами Филиппин или бразильской Амазонией. В любой другой день я бы радовалась возможности побывать в низменностях Амазонки и настаивала бы именно на этом варианте, но сегодня мне было всё равно. Родители же обсуждали всё намного радостней и активнее, всё ещё находясь в восторге от утренних новостей. Они об этом мечтали для своей маленькой дочери — и это свершилось! Теперь можно и отдохнуть, потратив кредиты на нечто совершенно не необходимое, но вполне приятное.

Под вечер брат улетел на рейсовом флаере на турбазу где-то в Алтае. Именно там он встречался со своими однокурсниками и друзьями с факультета кибербезопасности. Родители переглядывались и мило улыбались, подозревая, что там замешана и некая девушка, но, зная моего брата, мне это казалось не особо вероятным. В его семнадцать лет он был достаточно скромным, да и, как все на их факультете, больше времени проводил в сети, чем в реальности.

Я могла бы вместе с братом полететь в Укокский заповедник или же дочитать интереснейшую статью по нейробионике, от которой мне пришлось оторваться вчера, чтобы не нарушить режим и лечь спать вовремя. Но сейчас мне не хотелось ни того, ни другого. Хорошо брату, он может обсудить проблемы с друзьями. Я же ещё три месяца, до начала учебного года, не смогу это сделать. Именно тогда у меня и должны появиться друзья. Вот и ещё один плюс в пользу изменений в моей жизни. Я должна радоваться! Каждый школьник мечтает о друзьях и о чипе, и мне осталось всего одно лето до исполнения этой детской мечты.

Вот в сентябре прибуду в Казань, размещусь в студенческом общежитии, освобожусь от родительского контроля, ведь колледж получит родительское одобрение на моё обучение, за лето освоюсь с чипом и смогу решать химические уравнения в уме... Хотя зачем мне решать уравнения, обучаясь кулинарии? Буду сохранять заинтересовавшие меня рецепты и готовить настоящие блюда на занятиях. Многие мечтают ежедневно есть только выращенные естественным способом продукты, я же буду из них готовить и получать за это оценки. Никаких «напечатанных» овощей, которые хоть в сотню раз полезнее, но ненастоящие. Через шесть лет закончу обучение, буду работать в команде какого-нибудь известного шеф-повара в той же Казани или вообще в Москве и будет у меня столько кредитов, что никогда мои собственные дети не окажутся в такой ситуации, как я.

Этим вечером потолок манил меня больше, чем когда-либо. Я знала, что так и будет. Я готовилась к этому все тринадцать лет своей жизни. Я должна была об этом мечтать и к этому стремиться. Мы все должны к этому стремиться: к интересной жизни, к добрым друзьям, увлеченным тем же, чем и ты, к созданию семьи... к тем же кредитам, в конце концов.

И этот день меня настиг. Я мечтала, чтобы он не наступал никогда. Чтобы это незнакомое чувство не поглотило меня. Это и есть отчаяние? Мне тринадцать и я в отчаянии? Как я могу это чувствовать? Я ещё не чувствовала дружбы и любви, почему же первым стало отчаяние? Почему всё то, в чем убеждали меня родители, неправда?

Говорят, что до середины двадцать третьего века все люди могли делать выбор, кем им быть. Их не сковывали родительские кредиты или их отсутствие. Они рождались, ходили в школы, потом отправлялись в колледж или университет, а после могли стать теми, на кого они учились. А могли и не стать. Если у них не было кредитов... нет, рублей... если у них не было рублей, то они могли пойти учиться на какую-то специальность, бесплатную или просто подешевле, а после, получив высшее образование или даже во время его получения, устроиться на работу своей мечты и пройти весь путь от какого-нибудь авторемонтника до автоконструктора. Сложно, но ведь возможно же!

В моей же жизни было полно насмешки. Я живу совсем рядом с Байконуром, но должна стать поваром. Я вовсе не хотела бы быть инженером или там пилотом-навигатором, нет. Я просто хотела бы видеть космос и другие миры не через стекло планетарной базы, быть среди этих исследователей, сделать пусть не первый, а хотя бы пятидесятый шаг человека на новую планету. Зачерпнуть рукой неземной песок, подбросить ботинком камешек и наблюдать, как высоко он взлетит и как быстро гравитация заставит его опуститься на поверхность, вдохнуть незнакомый воздух или даже кислород из баллонов, запрокинуть голову и увидеть над собой свет незнакомой звезды и спутников, или мелкую россыпь огоньков Млечного пути, или — мечтать так мечтать! — незнакомые звезды чужой галактики...

Мечтатели вроде меня иногда отклонялись от выбранного семьей курса и всё же имели шанс осуществить свою мечту, если она более приближена к реальности, чем моя. Для меня все шансы увидеть незнакомые планеты сводились к пятимерным игрушкам в сети. Будь я хотя бы мужчиной, ещё были бы варианты, а так...

Но всё же у меня ещё нет чипа. Я не на Амазонке. Я только две недели назад сдала выпускные экзамены. И у меня нет ни единого нарушения родительского запрета. Я могу рискнуть и знать, что я хотя бы попыталась, потому что в противном случае не смогу жить без угрызений совести и злости на саму себя.

Я оторвала взгляд от потолка и дотянулась до планшета в изголовье кровати. Те же сообщения, что мелькали утром на столе, мелькали и в почте планшета. Среди них было и сообщение из колледжа, но я не стала его открывать. Впервые я без опаски вошла на страницу Космического Флота, почувствовав полное безразличие по отношению к тому, что скажут родители, просматривая мою историю посещений. Так же, как и любой человек, я знала, как попадают в исследовательский штат КФ. Нельзя было просто сдать школьные экзамены, показать себя на каком-то вступительном испытании, как это было в Кулинарном колледже, и пройти или не пройти по баллам в Космическую Исследовательскую Академию. Тут всё намного сложнее, так как престижней этого вуза ничего нет, и он имеет лишь два филиала — в Сиднее и Хьюстоне, а главный студенческий городок располагается на острове Хайнань Азиатской конфедерации.

Два месяца перед началом учебного года, примерно с середины июня по середину августа, — это и есть сплошной вступительный экзамен. Он проходит в Центре тренировок и повышения квалификации космических работников, который летом становится лагерем для желающих вписаться в ряды космических исследователей. Здесь можно посетить занятия с

преподавателями, физкультурные тренировки, психологические эксперименты и разные игры, по результатам которых и отбираются лучшие из лучших. Очень большое количество претендентов по результатам летнего испытания отсеиваются, и таким образом формируются маленькие группы российских студентов, которые вливаются в общий поток курсантов со всего мира.

Конечно, можно было бы не усложнять себе жизнь и отправиться в любое заведение, подготавливающее космических работников. Туда вполне возможно поступить с микрой и потом всю свою жизнь работать на любой космической базе, любуясь звездами галактики и местным светилом. Это было бы слишком просто, а мечты не ищут легких путей. Мне же хотелось стать непременно космическим исследователем или не быть никем вовсе. Ну не совсем уж никем, а просто поваром. Поэтому разрешение участвовать в летнем испытании — это именно то, чего мне до смерти хотелось в данный момент, а его получить не так просто.

Я нашла на сайте раздел с летним лагерем будущих космоисследователей и с колотящимся сердцем и дрожью в руках отправила туда свой выпускной сертификат и паспорт.

Всё. Теперь от меня ничего не зависит. Я попробовала. Последствия этого легкого движения пальцами всегда меня пугали так же сильно, как и наступление того будущего, которое мне выбрали родители. По всем правилам принять меня не должны, но исключения есть всегда. Люди вроде меня иногда получают приглашение в лагерь и иногда проходят дальше. Такое бывает. Кто сказал, что я не могу стать тем исключением? Только страх внутри меня.

Терпкий приторный запах перегревшихся на солнце плодов абрикосового дерева разливался по саду. Густая листва создавала спасающую от невыносимой жары тень, задерживая прямые лучи поднявшегося высоко в небо светила. Тихий шелест листьев доносил до поселка легкое дыхание морского бриза без привычной примеси оттенков рыбы и затхлых водорослей, которые явственно чувствовались на побережье.

В это время дня следовало бы отдыхать после утренних забот и не выходить под палящие лучи солнца, как это делали все жители небольшого приморского селения, но мне не хотелось спать. Под деревом спелых оранжевых плодов уютно устроилась грубо сколоченная деревянная лавка, покрытая бордовым пледом, и я расположился под сенью кроны с книгой в руке. Перешептывание листвы в саду немного убаюкивало, и я то и дело погружался в легкую дремоту, в которой оживали старые воспоминания.

Только я позволил блаженной дреме окутать меня, как неожиданно до колен дотронулись чьи-то лапы, и шершавый язык провел линию от морщинистого запястья до ладони. Открыв глаза, я ожидаемо увидел мохнатого охламона, своего верного пса. Он весело махал хвостом, призывая обратить на него внимание, и я почесал между нелепо торчащими ушами, которым он не переставал шевелить, живо прислушиваясь к происходящему вокруг: звонкому щебетанию птиц, тихому жужжанию пчел, далеким детским голосам. Друг заглядывал в мои глаза с бесконечным доверием, и когда он запрыгнул на лавку и улегся, положив мне передние лапы и мокрый нос на колени, я не стал его тревожить, а лишь продолжил перебирать между пальцами длинную черно-белую шерсть, наслаждаясь покоем и умиротворением этого прекрасного летнего дня.

Вновь погрузиться в сон мне не дал стук калитки. Мелькнула белая косынка и тут же пропала под аркой виноградника, укрывающей путь к дому. Звонкий перестук невысоких каблуков оповещал о приближении гостьи, но как только она оказалась под увитым лозой навесом над крыльцом, то догадалась посмотреть по сторонам и увидела, что хозяин дома сидит на лавке. Нахмурившись, женщина сошла на вытопанную среди травы тропинку и медленно пошла к дереву, немного увязая каблуками в земле.

Остановившись передо мной, она сложила руки на груди, строго посмотрела на меня и моего друга и вместо приветствия категорично заявила:

— Вам нужно отдыхать. Почему вы не сидите дома?

Пес поднял мордочку и посмотрел на неё своими желтоватыми глазами, а затем завилял хвостом и спрыгнул с лавки. Женщина наклонилась, и, не меняя недовольную гримасу на лице, потрепала его по макушке.

— Танечка, такой прекрасный день, как можно сидеть дома? — я улыбнулся, поскольку был очень рад видеть её. — Присядь рядом. Я бы хотел прогуляться до моря, но боюсь, мне нужна будет компания.

— Только не в ближайшую неделю, — запретила мне она, но зато прошла вперед и уселась рядом, немного придерживая платье, чтобы не помялось. — Вы бы сейчас поосторожничаали, а не позволяли этому хулигану водить вас за нос.

Хулиган начал прыгать вокруг неё, призывая побегать вместе с ним по саду, но его усилия были напрасны. Тогда он просто уткнулся носом в её ногу, и Таня так же, как и я, не смогла устоять перед его обаянием и принялась нежно гладить весельчака.

Она сегодня выглядела свежей и отдохнувшей. Темные волосы спрятаны под белой косынкой, светло-голубое платье с круглым воротничком аккуратно выглажено и идеально сидит на немного пухлой фигурке, а маленькие ладошки в кои-то веки не изранены после стирки домашнего белья. Сегодня вновь начал работать садик после летних каникул, и двое её непосед теперь уже на попечении профессиональных воспитательниц.

Под влиянием дружелюбия моего друга морщинки на её лбу разглаживаются, а уголки губ трогает улыбка. Она смотрит своими добрыми глазами и не торопит меня перед неприятным делом.

— Всё время забываю, как его зовут?

— Пират, — я тоже немного наклоняюсь, несмотря на некоторое головокружение, и присоединяюсь её занятию, от чего пес блаженно жмурится. — Это легко запомнить. Видишь, вокруг левого глаза черное пятно, хотя мордочка белая? Поэтому он и Пират. Глаз как будто спрятан под темной повязкой, и можно представить, что Пират пережил немало морских приключений, прежде чем оказался у меня.

— Это о них вы Маруське с Павликом рассказывали? — она заинтересованно посмотрела на меня, думая, какие же сказки так увлекли её детей. — Машка вчера перед сном всё никак не могла уснуть, пока не пересказала мне, как Пират с подружкой спрятались в вагоне дальнего поезда в местах для сумок, приехали зайцами в соломенное бунгало на берегу океана и пытались разгадать тайну человека из газетной вырезки, разъезжая по всем окрестным деревням и, в конце концов, набредая на его могилу. Не очень-то веселая история, вам не кажется?

— Отчего же? Все люди рано или поздно умирают, и в смерти нет ничего пугающего. Зато они нашли ответы. Дети ведь не были огорчены? — я всё же решил уточнить у Татьяны, и она отрицательно покачала головой, доказывая, что мне удалось рассказать грустную историю в веселом ключе. — Вот и славно. Правда, они больше любят, когда Пират улетает на большой летающей тарелке в космос и встречает там синих енотов, любящих красные кактусы. Про это они готовы слушать бесконечно, я не успеваю сказки сочинять.

— А вы их поменьше конфетами кормите, — наставительно предложила Таня, улыбаясь, словно это я был школьником, падким на сладости. — Глядишь, и реже к вам бегать будут.

— Ну уж нет. Мне с ними веселее, к тому же я съел только один кусок тыквенного пирога, кто мне помогать будет? — я хитро посмотрел на неё, рассчитывая на её помощь.

— Конечно, помогу, — правильно поняла мой намек Татьяна. — Против ваших пирогов я устоять никак не могу, а пора бы уже, платье не сходится. Сама как ребенок, только помани кусочком. Правда, Пират?

Он услышал своё имя и зашевелил ушами, как мельница. Таня рассмеялась и, тепло приговаривая «Пират, какой хороший мальчик», погладила его вдоль спины, отчего пес вконец обнаглел и разлегся на траве пузом кверху, белым в черных подпалинах, вынуждая женщину наклониться ещё ниже.

Я полной грудью вдохнул сладкий запах сада, нащупал деревянную трость, прислоненную к спинке скамейки, и с трудом поднялся, немного кряхтя. Эх, где моя молодость? Кости так часто ломит теперь, и никак не сорваться в пляс или бег. Даже до моря в одиночку не дойти. Последний приступ совсем меня подкосил, и эта вечная слабость никак не проходила, отчего даже любимые занятия давались с трудом. Благо ребяташки с улицы так сильно полюбили Пирата, что не могли вечером не загнать на игру с ним и сказку

про его приключения. Хотя, как верно заметила Таня, конфеты их манили не меньше, но к их чести половиной сладостей они делились с нашим общим озорным другом. Право же, как можно было устоять, когда он, шустро подпрыгивая на одном месте и высунув язык, просил угостить и его?

— Давайте пройдем в дом. К чему оттягивать.

Татьяна только и ждала моих слов, потрепала в последний раз Пирата по макушке и пошла за мной. Дверь открылась с тихим скрипом, и не успел я распахнуть её сильнее, как быстрой тенью пес пронесся внутрь, не желая пропустить зрелище. Мы прошли на кухню, и я уселся в своё любимое кресло, в котором в несколько раз было сложено немного колючее зеленое одеяло.

Таня достала из сумки шприц и прочие медицинские принадлежности. Запахло спиртом. Пират втянул ноздрями воздух, недовольно помотал головой, чихнул и поспешил вернуться на улицу через так и оставшуюся немного открытой дверь. Мягкие руки медсестры немного охладили кожу, и вскоре я терпеливо наблюдал, как иголка входит в отчетливо выделяющуюся на белом фоне вену. Живой огонь побежал вверх по плечу, всему телу стало жарко, и перед глазами немного потемнело.

— Вы как? — тревожно спросила женщина, прикладывая вату к руке. — Хотите пить?

— Да, пожалуйста, — немного хриплый ответ насторожил Таню, и она мигом бросилась к стоящему у окна кувшину.

Налив немного теплой кипяченой воды, она поднесла стакан к моему рту. Стало немного легче, но я всё же закрыл глаза, чтобы избавиться от образа покачивающейся комнаты. Волны чего-то липкого и душного качали моё тело, плавно унося куда-то, и я позволил этому ощущению поглотить меня. Холодный палец медсестры на моем запястье, считающий мой пульс, постепенно возвращал к действительности, и когда я вновь открыл глаза, то узрел совершенно статичную кухню.

— Всё в порядке, — немного улыбнулся я, чтобы убрать тревогу с прелестного лица нашей сельской медсестры.

— И тем не менее не двигайтесь. Сидите. Я ещё присмотрю за вами, не к чему спешить, — заверила она меня и в доказательство своих слов уселась за стол и принялась медленно складывать инструменты в сумочку.

— Тогда к чему терять время? — улыбнулся я, но судя по настороженному взгляду гостыи, это её не убедило. — Пирог вот там, возле раковины, прикрыт салфеткой. Ставьте чайник, не стесняйтесь.

Татьяна не стала возражать и деловито набрала в белый чайник с красным традиционным орнаментом воды из крана, поставила его на газовую плиту и чиркнула спичкой. Затем сняла тканевую салфетку с пирога и перенесла его на обеденный стол.

— Вкусно пахнет, — улыбнулась она, подбадривая. — Помню ещё вашу тыквенную кашу, пальчики просто оближешь. У меня всё никак не получается как у вас её приготовить. Что вы в неё добавляете?

— Да по-разному. И яблоки, и изюм, и курагу с черносливом бывает... Под настроение делаю её то с рисом, то с пшеном, а если задумываю сладить её несладкой, то добавляю морковь, кабачок, помидорчики, желтый перец да петрушку с укропом, — охотно поясняю я. В конце концов, чем ещё заняться одинокому старику с огородом под боком, как не готовить? А если ещё и гость какой, то в моем серванте всегда найдется бутылочка абрикосовой или рябиновой настоечки, а то и менты. Осенью обещался приехать Януш, он

мне и привезет бутылочку мастики или инжирной ракии. Если снова не забудет, что она моя любимая, а то только абрикосовую и тащит. А они у меня и так за окнами растут, я сам кому хочешь вино сделаю, нечего такое из Болгарии тащить.

— Надо попробовать, — улыбается Татьяна, и тут вновь в комнату влетает Пират и начинает принюхиваться. Подходит ко мне, проводит шершавым языком по руке, а после, посчитав, что такого утешения достаточно, начинает вилять хвостом перед Таней, выпрашивая кусочек пирога. Та сдается и, аккуратно придерживая его вилкой и ножом, относит в угол, где стоят собачьи миски. Затем она выливает недопитую мной воду из кружки ему, и молча наблюдает, как он расправляется с пирогом и затем жадно пьет.

Свистит на плите чайник. Таня заботливо спрашивает, что я буду пить, и опускает мне в кружку ложечку зеленого чая, пару стебельков чабреца и несколько листьев мяты, которые хранятся в жестяной коробке. Обычно летом я хожу в поле и рву ещё и зверобой, но в этом году, по всей видимости, придется обойтись без привычных трав.

Татьяна ставит кружку рядом с моим креслом, на журнальный столик, чтобы я мог не вставать и не идти к столу. От кружки идет приятный аромат, и я улыбаюсь такой заботе. Дети вчера уехали, хоть и боялись меня оставлять одного, но Таня заверила, что сможет за мной поухаживать. Скоро они вернуться, привезут внуков и в доме снова станет шумно, а Пират перестанет просить с ним поиграть и будет прятаться даже от непривычно серьезного в десятилетнем возрасте Димки. Они — неразлучные друзья, и только пес может отвлечь внука от книжек, которыми тот зачитывается даже на каникулах.

— Откуда вы его взяли? Это Головневых щенок, от их Белки? — интересуется Таня, отламывая чайной ложечкой кусочек оранжево-коричневого пирога.

— Нет, я его из самого Мелитополя привез, — гордо заявляю я, а Пират тем временем укладывается спать в дверном проеме. — Мы всей семьей гуляли по парку Горького, время пролетело совсем незаметно, так что возвращались к моим затемно. Тут ещё и ветер разыгрался, и дождь стал накрапывать, а все в футболках да шортах. Идём быстро, Илья несет маленькую Соню на руках, а тут Дима вдруг шмыг в кусты. Все давай на него ругаться, Сонька плачет, а Димка появляется из-за сирени и держит в руках это чудо. Щенок был крошечный совсем, чумазый, глаза только-только открыл и жметесь к внуку. Ира, жена Ильи, кричит «брось его, вдруг заразный», а Соня ещё сильнее реветь, только теперь из-за щенка. Дети родителей просят, чтобы разрешили Пирата оставить, а те ни в какую. И всё под дождем, даже молнии сверкали. Тут уж я вступился и сказал, что к себе в деревню заберу, только пойдёте в дом. Вот так он и появился.

— Говорят, подобранные собаки самые верные, — улыбается Таня, и Пират, словно понимая, о чем мы болтаем, поднимает голову и смотрит на неё немигающим взглядом, свесив вбок язык.

— Согласен. Когда-то у нас, ещё в Болгарии, тоже была дворняжка, Арджи, так он пятнадцать лет верно семье служил: и с детьми играл, и дом охранял, и никогда из своих никого не кусал. Когда умер, от старости уже, все вместе плакали. Я после него зарекся собак брать, вроде и неразумная животина, а когда подходит его срок, то как будто член семьи умирает. И в сердце такая боль, как не от всякого родича бывает, — я вспомнил своего верного Арджи, который всегда так был рад мне.

Когда я получал плохую отметку в школе и боялся нагоняя от родителей, то обнимал его за теплую шею, вдыхал запах псины, и он казался мне самым успокаивающим запахом на всей планете. Вот и сейчас, спустя шесть десятков лет, не могу забыть его преданных глаз.

Наверное, моё детство кончилось именно тогда, когда его не стало. Я вдруг резко повзрослел и словно другими глазами взглянул на мир. Все беды и неприятности стали казаться такими реальными, такими неподъемными, и все сказки вдруг утратили смысл, и тот Бог, которому молилась матушка, вдруг показался образцом несправедливости. Я вдруг отчетливо понял, что если абсолютно безобидное, доброе и любящее существо может умереть ни за что, то не всякое зло будет наказано по заслугам и не всякое добро получит помощь в нужный момент. В такой ситуации оставалось только верить, верить, что мой самый верный Арджи сейчас в лучшем месте и что все псы непременно попадают в рай.

Рассвет застал меня лежащей на кровати с открытыми глазами. За окном был сумрак, небо только-только начало светлеть. До звонка будильника оставалось ещё больше двух часов. Я знала, что мне нужно делать. Казалось, я всю жизнь только и нарушала родительские запреты, насколько четкий план созрел в моей голове. В этом не было ничего сложного, но это было настолько непривычно и вопиюще неправильно, что только новая волна радостно-тревожного волнения смогла заткнуть мою сварливую совесть. Противное чувство под ложечкой не отпускало, но на четкость действий никак не влияло.

Я встала и первым делом подошла к планшету стола. Как всегда, мигали сообщения, пришедшие за ночь. Но я не стала их открывать. Обслуживающая система нашей квартиры давала человеку пятнадцать минут на бодрствование среди ночи и попытку заснуть самостоятельно, затем сон наступал в принудительном порядке под воздействием безвредного снотворного, распыляющегося в воздухе временно изолированной комнаты, после чего воздушный баланс восстанавливался, а человек засыпал. Такие строгие меры мама ввела из-за Натана, который, как и все люди с микрой, просыпаясь ночью, стремился выйти в сеть. Дома на него действовал родительский контроль, а режим сна, еды и воспитания детей, которого придерживалась мама, не позволял ему делать это среди ночи. Так что нам с ним приходилось мириться. Уверена, в спальне родителей другие правила.

Справиться с системой очень просто. Нужно было лишь отключить планшетную поверхность на столе, которая являлась частью общей системы квартиры, и комната становилась изолированной. Мне никогда и в голову не приходило этим заниматься, ведь родительский режим был абсолютно целесообразен и просчитан до мелочей, поскольку это время сна было необходимо для нашей нормальной жизнедеятельности. Натан тем более не нарушал режим, поскольку для него это было совершенно бесполезно: вместе с отключением от системы комната изолировалась и от сети, а микра становилась ненужной безделушкой.

Я провела рукой по той стороне стола, что граничила со стеной, и нашла выступ, которым они соединялись, а там и обычный сенсорный выключатель. Одно движение — и стол обесточен, а вместе с ним и комната. Хорошо, что не забыла открыть жалюзи, а то осталась бы сейчас в кромешной тьме.

Так как света всё равно было очень мало, я практически наощупь нашла стандартный школьный комбинезон. Его надеть было проще, чем школьную форму из двух вещей. Стальной цвет материала в полумраке казался черным, понять, где верх и низ, можно было лишь по белому воротничку и белым манжетам. Красно-желтая эмблема нашей школы слилась с цветом всей ткани и практически не выделялась.

С обувью дело обстояло значительно сложнее. В темноте шкафа она была совершенно неразличима, и только наведя приличный разгром в нижнем отделении, я нашла искомое и кое-как напялила на ноги. Остается надеяться, что носки внутри были одинакового цвета.

Свои волнистые волосы до плеч я только расчесала, найти резинку сейчас представлялось героическим подвигом, к тому же в ушах шумело от страха, а сердце стучало, словно у загнанной лошади, и каждую секунду казалось, что кто-то войдет в комнату и разрушит все мои планы. Консилер по зубам, ручной планшет в сумку, туда же электронный лист паспорта. Кредитов у меня нет, но пока я в своей стране, мне они и не нужны.

Зачем-то на цыпочках подкравшись к двери, я взялась за ранее неиспользовавшуюся мною ручку, слегка выступающую над поверхностью, и открыла дверь. Естественно, в коридоре никого не было. Мягко ступая, я дошла до входной двери и вышла. Лишь когда она закрылась за моей спиной и тихо щелкнула, наглухо запечатавшись для посторонних, я вздохнула с облегчением. Пустой стеклянный лифт довез меня от нашего сто пятого этажа до уровня третьего сектора. Выйдя в холл, я прошла метров двадцать до транспортной площадки. С трех сторон она примыкала к нашему дому. Одна сторона выходила в холл, две боковые были наполовину врезаны в стены и наполовину выглядывали на улицу, позволяя сквозь стеклянные стены видеть оживающий город и одновременно защищая от ветра, который вечно пронизывал насквозь на такой высоте. Четвертая же сторона была ничем не отгорожена и именно здесь, на немного выступающей вперед из массива здания площадке, останавливались пассажирские флаеры.

На площадке было всего три сонных человека, которые уже стояли вблизи от места остановки транспорта. Я подошла к сенсорной панели справа от площадки и выбрала маршрут. Мне нужно было в Байконур.

Через пару минут, когда я уже осталась на остановке совершенно одна, подлетел двадцатиместный флаер и завис над площадкой. Я быстро в него забралась и устроилась в кресле у окна. Флаер взмыл вверх, перестроившись в четвертый междугородний сектор, и в мгновение ока мой дом остался лишь точкой посреди густого тумана. Небоскребы Новоактоба превратились в маленькие зернышки изюма в мякоти молочно-туманного йогурта, а вскоре и вовсе остались позади.

Часть пути пройдена. Через двадцать минут я прибуду в Байконур, и моя судьба будет решена. Полученный вчера ответ от приемной комиссии испытательного лагеря одновременно радовал и огорчал. Меня не приняли, но и не отклонили мою кандидатуру, что уже само по себе неплохо. Мне назначили собеседование на десять утра в представительстве Космического Флота в Байконуре, как ближайшем ко мне городе, где присутствует исследователь, наделенный полномочиями зачислять в лагерь. И именно туда я летела.

Время до собеседования я скоротала в центральном парке на лавочке среди его ранних и ещё немного сонных посетителей: нескольких школьников, выгуливающих собак и шоринцев, четвероногих и очень дружелюбных лесостепных животных Вэйдвэста, чем-то напоминающих мохнатых ежей, компании студентов со странными приборами, из которых я узнала только телескоп, одиноких бегунов, косящихся на выгуливающих животных, ведь если от шоринцев никакой опасности не исходило, то собака вполне могла проявить к ним интерес. Автомат синтезировал и выдал мне порцию черного чая и ароматную булочку, совершенно не отличимых от натуральных для большинства жителей, но не для меня. Зато сразу стало теплее и как-то легче, на голодный желудок в голову лезли сплошь тревожные мысли.

Без пятнадцати десять я поднялась на остановочную площадку второго внутригородского сектора и указала нужный мне маршрут. Секунд через двадцать я села в остановившийся флаер, который унес меня к представительству КФ.

Здание Космического Флота было выполнено в не выходящим из моды вот уже пару столетий стиле биотек. Большинство сооружений в Новоактобе были устаревшими, и мой дом не исключение. Хай-тек уже давно сдал свои позиции перед биоурбанистикой, и практически весь Байконур был единым органическим целым, великолепным образцом

симбиоза технологии и природы. Местное представительство копировало природную форму шишки, и серебристые чешуйки-ячейки сверкали на солнце россыпью стеклянных окон. Увенчивала эту биоморфную структуру всемирно известная эмблема космофлота с ракетой на фоне Солнечной системы. А на огромной площадке перед зданием возвышалась скульптура улыбающегося Юрия Гагарина с голубем в руках. Его добрая улыбка приободрила меня, и я вспомнила, зачем всё это делаю, потому что за последние дни страх перед неопределенностью затмил мою мечту, и я делала такие необходимые и множество раз продуманные шаги вперед не со светлыми надеждами и стремлениями, а с мрачной решимостью.

Дав себе минуту на любование фигурой, вдохновлявшей не одно поколение космонавтов, я всё же пересекла площадь и приложила палец к одной из входных панелей. Большинство людей просто прикладывали руку, и информация о посетителе считывалась с чипа, но эта система не работала для исследователей. Затем луч света просканировал сетчатку глаза, и после этого металлизированная пластина отъехала вверх, пропуская меня внутрь. Я вздохнула с облегчением. У меня было глупое опасение, что это всё какая-то шутка, нелепый розыгрыш или, даже если приглашение на собеседование — правда, кто-то забудет внести мои данные для пропуска. Но не забыли.

Просторный зал был полон всех представителей космических профессий. Черная форма обслуживающего и военного персонала космических баз и наземных космодромов, редкие темно-красные вкрапления мундиров командного состава, обычная, неформенная одежда научных работников... и мелькнувшие несколько раз синие костюмы исследователей. Я пыталась всматриваться в лица, запомнить кого-то, но поневоле взгляд фокусировался только на разных оттенках синего, а лица так и остались размытыми.

В центре холла располагались прозрачные трубки лифтов, внутри которых группы людей перемещались по разным траекториям в зависимости от нужного сектора. Я подошла к одной из таких трубок, ожидая его прибытия вниз. Затем вместе с несколькими черными фигурами взмыла вверх, до нужного мне тридцать восьмого этажа и двенадцатого структурного сектора. Некоторые немного удивленно косились на меня, форма школьника не позволяла принять меня за курсанта и этим объяснить моё пребывание здесь. В лифте не о чем не говорили, хотя люди явно были знакомы между собой, так как поздоровались общим приветствием «Скай!».

Выйдя из лифта и пройдя по коридору сектора до нужной мне двери, я остановилась. Сейчас всё решится. Сейчас мне дадут маленький шанс или отнимут всякую надежду. Надо взять себя в руки. Я пригладила растрепанные волосы, пожалев, что так и не нашла резинку. Подумала, что стоит отключить звук на планшете, но потом вспомнила, что я его уже вырубилла совсем, чтобы родители не смогли мне помешать. Пальцы сжались в кулаки, короткие ногти впились в кожу на мгновение, но я заставила себя расслабиться и приложила палец к панели. Затем снова просканировалась сетчатка глаза. Дверь беззвучно взмыла вверх.

Я вошла в небольшой, явно нерабочий кабинет, который, по-видимому, располагался в одной из ячеек «шишки» и служил местом приема разных посетителей. Огромное панорамное окно, выходившее на солнечную в данный момент сторону, светлые стены с гигантской, во всю правую стену, эмблемой космофлота, и четыре диванчика в центре комнаты, а посередине квадратного пространства между ними — стеклянный стол. В углу, между немного выпуклым панорамным окном и стеной, располагался пищевой автомат, и

именно возле него стоял тот, кто будет решать мою судьбу. Я видела лишь синюю спину и странного золотистого цвета волосы, в которых играли блики света.

Фигура обернулась, видимо, почувствовав мой взгляд, так как дверь не издала ни звука, когда пропустила меня внутрь, а я так и стояла на пороге. Исследователем оказался молодой парень, на вид ему было лет двадцать, а значит, скорее всего, он ещё был курсантом или выпускником. Парень держал в руке стаканчик с каким-то напитком и приветливо улыбался.

— Вы Мирра Савина, верно? — спросил он, не двигаясь с места.

— Да, — проблеяла я, затем опомнилась и поздоровалась, — Добрый день!

— Добрый, добрый, — ещё раз улыбнулся курсант и спросил: — Будете что-нибудь? А то как-то неловко получается, я буду пить, а вы нет. И присаживайтесь, не стойте на пороге. В ногах правды нет, знаете такую поговорку?

— Да, конечно, — мне оставалось только смущенного улыбнуться и последовать на негнущихся ногах к одному из диванчиков. Я выбрала красный, ближе к выходу и напротив окна, — Я бы не отказалась от чая, ройбуша, стандартного размера с двойным сахаром.

— Хорошо, — вежливый парень снова улыбнулся и отвернулся к автомату, листая меню и регулируя порцию. Через пол минуты он уже приблизился ко мне со стаканом чая, поставил его на стол передо мной и сел не напротив, а на черный диван справа, боком к окну. Это не укрыло его от прямого солнечного света, но лучи не слепили глаза, а немного рассеивались в стекле, поэтому в жалюзи не было никакой необходимости. Зато свет превращал его волнистые, торчащие во все стороны волосы в некое подобие золотой короны, и это было невероятно красиво. Он поднял на меня свои глаза пронзительного чистого голубого оттенка и снова улыбнулся:

— Ну, давайте знакомиться. Как вы могли догадаться, я курсант-выпускник. Атон Стингрэй. Я находился здесь для оформления стажировки на корабле «РФ-1053», которая начнется осенью, а до этого я назначен тренером летнего лагеря при космофлоте. Вероятно, вы ожидали, что собеседование будет проводить преподаватель научного направления, а не пилот, — он виновато указал на свою нашивку, на которую я даже забыла посмотреть, замороженная искрами в его глазах, — но могу вас заверить, что моя квалификация вполне позволяет заниматься приемом в лагерь не только абитуриентов военного направления. Я единственный в Байконуре, кто может вас принять или отклонить вашу кандидатуру.

С этими словами он достал из нагрудного кармана сложенный планшет, развернул его до нормального состояния и стал листать страницы. Я молчала, переваривая сказанное им и осознавая, что он сначала озвучил мои сомнения, а потом развеял их. Действительно, пилот выпускного курса вполне может принимать в лагерь, даже военные исследователи обладают необходимыми знаниями в разных научных дисциплинах, иначе бы они не поступили на своё направление. Атон, которого так и хотелось назвать атомом из-за одинакового ударения на «а» в этих словах, выглядел внушающим доверие и излучающим спокойствие, и я почему-то не испытывала страха, хотя по идее стоило бы. Я сделала маленький глоток чая, чтобы случайно не закашляться, и выжидающе посмотрела на курсанта, хотя по сути он уже закончил обучение, осталась лишь годовая стажировка. По всей видимости, он искал данные моего выпускного сертификата и паспорта. Найдя нужное, Атон вновь посмотрел на меня:

— Я уже просматривал информацию о вас, мне её сразу перенаправили при получении, чтобы я принял решение о вашем зачислении или отклонении заявки. И я всё же решил с вами встретиться. Меня удивила ваша странная генная модификация и ваше желание быть при этом исследователем. Кем вы должны стать?

Я ожидала этого вопроса. Он не мог его не задать.

— Поваром.

— О, необычно, — он улыбнулся одними глазами и продолжил: — Я думал, может вы парфюмер? Как-то повар не пришел в голову, уж слишком редкая специализация, а теперь всё стало на свои места. И правда, усиленное обоняние, повышенная чувствительность вкусовых рецепторов плюс высокая точность движений... кем ещё вы могли быть?!

— Я родилась кулинаром, но всегда мечтала о космосе, так что мои данные совершенно не отражают того, кто я есть, — надеюсь, это не прозвучало слишком резко. Я знаю, что при таких исходных параметрах трудно быть кем-то ещё и что родители не предоставили мне выбора.

Он как-то особенно остро взглянул на меня, видимо, всё же уловив что-то в моем голосе.

— Даже заявки с обычной для исследователей модификацией иногда отклоняют, а если и принимают, то не все проходят лагерные испытания. Хорошо, что вы попытались. Я понимаю, что для вас это было непросто, очень необычный набор свойств. Но, поверьте, когда у человека модельные изменения внешности, у него ещё меньше шансов. И такие заявки тоже приходят, — он замолчал, посмотрел в окно, а потом на меня. Пауза затягивалась. Атон как будто чего-то от меня ожидал.

— Вы ничего не хотите спросить? Ваш вопрос был бы логичен в связи с темой беседы, все его рано или поздно задают. Хотя... у вас очень высокие баллы по химии и биологии, видимо, из-за подготовки к вступлению в ряды поваров. Вы знаете ответ? Или у вас даже не возникает такого вопроса?

— Какого? — я ничего не поняла.

— Обычно школьники, да и взрослые уже курсанты или даже кто-то из космофлота, любят спросить, не сверхчеловек ли я, — он улыбнулся, и по его выражению лица было понятно, что он считает этот вопрос крайней степенью глупости.

— Конечно, нет, — быстро вставила я, чтобы он не зачислил меня в ряды этих глупцов.

— И почему вы так думаете? — он откинулся на спинку дивана. — И почему так могут подумать другие? Знаете ответ?

Я на несколько секунд задумалась, понимая, что он имеет в виду, но пытаюсь сформулировать то, о чем я даже не размышляла. Хотя он прав, многие могли бы задать этот вопрос.

— Мне кажется, что в этом месте диалога вас могли бы спросить, как вас приняли в ряды исследователей, если у вас модельная модификация. Или же пойти дальше и задать тот глупый вопрос про сверхчеловека. Я бы спросила только про вашу модификацию, ведь невозможно, чтобы вы были пилотом в любом из этих случаев.

— Почему? — он поднял бровь, с интересом глядя на меня.

— При модельном изменении внешности, а в вашем случае на это могут указывать необычный оттенок волос, голубые глаза и светлая кожа или что-то другое, что не было дано вам природой, вы не смогли бы поступить на военное направление. Никогда. Только разве что стать научным исследователем, но это уж я не знаю, бывают ли такие исследователи? Пилотом вы бы не стали точно. А сказки про сверхчеловека до сих пор ходят среди школьников и детей, хотя достоверно известно, что их больше нет.

— Вы знаете, почему их нет?

— Знаю. Когда с середины двадцать второго века стало набирать обороты развитие

генной инженерии, многие обеспеченные люди пытались изменить генный состав своих только что зачатых детей. На взрослых людях этот эксперимент провалился, давая чудовищные результаты, в результате чего это стало запрещено законом. Но с детьми было иначе — чем больше денег, тем сильнее изменяли их родители. По мере взросления подобных детей становилось ясно, что их психика не выдерживает этого ощущения могущества и силы, к моменту совершеннолетия они становились опасны для общества либо сходили с ума. Только один из тысячи в итоге приспособивался, но это был провал. В течение дальнейших исследований было выявлено, что не опасными для жизни и психического здоровья являются только три одновременных набора генных модификаций. Что и было зафиксировано в законодательстве. Но и это не положило конец проблеме. Сверхлюди всё ещё появлялись в редких случаях, когда дети одновременно наследовали более четырех модификаций от родителей. Такие случайные совпадения были практически невозможны, но тем не менее случались. Тогда и вовсе запретили делать модификации наследственными. Я, к сожалению, плохо знаю этот генетический процесс, наверное, измененные гены делаются рецессивными, а потом подавляются или что-то вроде того... Этого не преподают в школе. Но в любом случае, вы просто не можете наследовать эти гены, уже больше века с тех пор прошло. А ваш цвет волос, который и вызывает большинство вопросов, является лишь доказательством того, что ваши предки никогда не выбирали набор модельных модификаций. Насколько мне известно, в то время было модно делать детей блондинами и рыжими, а когда эти гены полностью изъяли из генного набора большей части рождающихся людей из-за их искусственности, чтобы избежать появления сверхлюдей даже по внешним параметрам, блондины и рыжие практически перестали рождаться, как и люди с настолько светлой кожей. Голубые глаза продолжают встречаться. Всё это значит лишь то, что в вашей семье никто не баловался изменениями внешности в этом ключе.

— Верно, — он сменил расслабленную позу на более сдержанную и кивнул. — Хороший ответ.

Курсант Стингрэй ещё раз провел пальцем по планшету, акцентируясь на каком-то моменте моей биографии.

— При отправке данных вы не указали, какое из научных направлений выбираете. А надо было указать. Не будь у вас настолько высоких баллов, вряд ли бы мне вообще стали перенаправлять ваши данные. В чем причина? Вы просто забыли это сделать?

И опять ожидаемый вопрос. Я знала, что это моя ошибка. Я прекрасно осознавала, в каком направлении хочу работать, но ещё больше я хотела быть просто в числе тех, кто будет проходить испытание.

— Я... ммм... — как бы это сформулировать? — Я не забыла. Я указала лишь намерение оказаться в числе студентов научного направления, а не военного, так как больше всего я хочу стать полноправным членом сообщества космических исследователей. И хотя у меня всё же есть некоторые предпочтения, я решила, что справлюсь с любой специализацией и буду трудиться до тех пор, пока не освою её в совершенстве. Я надеялась, что если где-то будет недобор или более слабые претенденты, если такое вообще возможно, то меня зачислят именно туда. Я знаю, что моя модификация... странная, мягко говоря. Я этого не могу изменить. Но ещё я осознаю, что мне безумно интересно всё, что связано с дальним космосом, и я буду трудиться в любом направлении, куда бы меня ни зачислили.

— Очень интересно, — Атон снова улыбнулся одними лишь глазами, которые выглядывали поверх стаканчика с кофе. Кажется, по запаху это был именно он. — Это и

похвально, с одной стороны. И не очень, если взглянуть с другой. Сейчас ещё выяснится, что у вас нет родительского согласия.

Я отрицательно покачала головой, и он даже не удивился.

— Так и знал, — стаканчик вновь занял своё место на столе, а курсант испытующе продолжил: — Думаю, теперь пришло время раскрыть вам эту тайну. Кем же вы хотите быть на самом деле?

— Думаю, мой ответ вас снова не удивит, — теперь моя очередь улыбаться. — Я хочу стать астробиологом. И как любой школьник, отдающий предпочтение астробиологии, мечтаю однажды стать ксенобиологом. Кажется, это мечта всего человечества — встретить наконец разумную форму жизни, даже если она не основана на углероде или не использует кислородное дыхание. Но, пока мы не встретили ни одного «брата по разуму» и эта наука остается полностью теоретической, я бы выбрала такое направление астробиологии, как этология, чтобы изучать поведение и инстинкты внеземных животных, обусловленные генетически. Тогда, если мы однажды встретим разумных инопланетян, я смогу переквалифицироваться и на основе геномного или любого другого анализа составить представление об их поведении и о том, каким образом нужно с ними общаться. Мне кажется, это самое лучшее практическое направление в биологии для «первого контакта», ведь именно на него сейчас все так надеются.

— Да вы мечтательница, — улыбнулся Атон.

— А разве вы бы этого не хотели? — удивилась я.

— Знаете, проходя военную подготовку и рассматривая различные виды опасности, исходящие из космоса, начинаешь к этому иначе относиться. Это интересно, увлекательно, ожидаемо всей Землей наверное уже с начала двадцатого века... и очень, очень опасно, — тут он нахмурился и снова взял стакан с кофе. Оранжевые лучи солнца делали его похожим на печального ангела, никогда прежде не видела вживую людей с такими волосами. Даже не представляла, как это должно выглядеть. Но, как оказалось, когда на лице подобного человека мелькает тревога, это как-то не сочетается со всем его внешним образом. Или я просто ещё не привыкла.

Я тоже взяла стакан с чаем в руки. Отхлебнула. Мягкое тепло разлилось по телу, руки совсем не дрожали, я даже не пыталась их контролировать, как делала всегда, когда необходимо было подключить точность моей модификации. Стингрей всё ещё задумчиво молчал, думая о чем-то своем. Или придумывая для меня каверзный вопрос. Интересно, чего он будет касаться? Как-то продолжать печальную для него тему?

— Вы ведь догадываетесь, почему для исследователей запрещены чипы и тем более микры?

Даа, вопрос с подвохом. Никто этого не знал. Некоторые предполагали, что конструкция или ядерное сердце космолетов для дальних перелетов слишком сложны и не позволяют, чтобы вся команда корабля выходила во внутреннюю сеть или, что ещё хуже, пыталась пересылать данные на такое гигантское расстояние. Высокий расход топлива, или радиация, или что-то в этом духе... Многие так думали. Возможно, так и оно и было. Но мне казалось иначе.

— Так как этого точно не известно обычным людям, я могу только строить догадки, — я всё же решила озвучить свою версию. — Так как такой запрет распространяется только на исследователей дальнего космоса, то он связан либо с характеристиками корабля, либо с чем-то другим.

Я искоса посмотрела на Атона, надеясь увидеть его реакцию. Он лишь выжидательно следил за мной, а потом кивнул, дескать, продолжай. И непонятно было, правильно я говорю или несу откровенную чушь.

— Я думаю, что с чем-то другим, — стала развивать свою мысль я. — Возможно, причиной запрета послужил какой-то инцидент, неизвестный большей части общества, или же какие-то гипотезы, но мне кажется, что запрет связан как раз с возможностью встречи инопланетной разумной жизни. Ведь если они будут развиваться по схожему с нашим эволюционному сценарию и придут к постройке техногенного общества... или если они намного опережают нас в развитии, то любое электронное устройство, подсоединенное напрямую к мозгу человека и которое невозможно отключить неоперабельным способом, способно выдать информацию, которая может показаться им опасной, или неправильной, или аморальной, ведь история Земли такая длинная и люди всякого наделали, прежде чем прийти к миру... или же выдаст им самое страшное — технические чертежи оружия, кораблей или даже координаты Земли, что может оказаться катастрофой, если вдруг они настроены враждебно, а такую вероятность нельзя исключать. Я это понимаю. Конечно, если они развивают бионику, то тогда есть опасность, что они подключатся напрямую к мозгу, но это настолько сложно, мы сами в этом ещё не разобрались. Это скорее необходимый риск. А раз чипы можно исключить и не рисковать таким образом, тогда почему бы этого не сделать?

Я снова посмотрела прямо на него и обнаружила, что он совершенно открыто, не скрываясь, улыбается. Без насмешки. Я улыбнулась в ответ, осознавая, что моя собственная теория более правдива и что это испытание я прошла.

Он молча, одним махом допил свой кофе и поднялся с дивана. Затем протянул мне руку. Я поднялась и протянула свою в ответ. Его теплая ладонь коснулась моей, а сам он ободряюще улыбнулся и сказал:

— Возможно, из вас что-нибудь да получится. Вы приняты в лагерь.

Мерное покачивание вагона поезда убаюкивало. Книга так и норовит выскользнуть из рук, а глаза то пытаются закрыться и отправить хозяйку в царство сна, то так и норовят сползти со страницы и хоть искоса посмотреть наружу, на сменяющие друг друга поля и леса. Когда я путешествовала на верхней полке, то очень любила лечь на живот, укрыться легкой простыней и смотреть на великолепие за грязным стеклом: зеленый травяной настил с красными и желтыми вкраплениями полевых цветов плавно переходил в молодую поросль стройных березок и сосен, а потом вступал в своё право густой и темный лес с высокими хвойными и раскидистыми, более свободными, листопадными деревьями. На такой скорости пейзаж напоминал акварельный рисунок, где не нужно было прорисовывать детали, чтобы передать всю красоту живой природы.

Но в этот раз, к моему неудовольствию и радости подруги, мне досталась нижняя полка. Что ж, сама виновата. Нужно было не передавать паспорт для покупки билета, а заняться этим делом самостоятельно. В своё оправдание могу лишь сказать, что выпускные экзамены и сдача диплома так меня замучили, что хотелось провалиться дома лишней денек и не вылезать под пасмурную летнюю погоду, которая установилась у нас в июле.

Из этого холодного города и неопределенности будущего хотелось сбежать, и мы с Сашей, освободившись от университета и получив долгожданные бумаги о признании нас специалистами с высшим образованием, решили отправиться в настоящее теплое украинское лето.

Мы обе понимали, что празднование выпускного и покупка красивых платьев обошлись нашим родителям недешево, поэтому отмели из летнего списка самый логичный вариант — Крымский полуостров. Это стремление уменьшить сумму трат семьи на нас неожиданно оказалось мне на руку, и я предложила поехать в маленький городок Геническ возле Арбатской стрелки на Азовском море. Оно хоть и было более грязным, чем Черное море, но зато и более теплым. А именно отсутствие тепла выгнало нас из своего города.

Мною двигало любопытство, из-за которого я чувствовала некоторую вину перед Сашей, ведь именно я настояла на этом скучной варианте, ведь, по сути, кроме ласкового моря и более низких цен Геническ ничем не мог привлечь туристов. А всё из-за того, что я не смогла успокоиться из-за Бойко Видинского и, совершенно отчаявшись, написала комментарий на форуме, где была опубликована его фантастическая повесть. Спустя месяц на просьбу рассказать побольше об этом писателе мне ответили, что его полное имя — Бойко Минчев Видинский, он был историком, родился в Болгарии, затем переехал на Украину, где долгое время жил в окрестностях Геническа или просто в Херсонской области. Эта тайна, несмотря на данное мной самой разумное объяснение, не давала покоя, и чем больше я читала тот его короткий рассказ и всматривалась в иллюстрации, тем сильнее мне хотелось хоть что-нибудь узнать об их авторе. Но его биографии нигде не было. Я понимала, что вряд ли смогу что-то выяснить в самом Геническе, так как не имела ни малейшего понятия, как детективы ищут людей, но одна идея у меня всё же была — посмотреть в местной библиотеке подшивки газет. Ещё я слышала, что можно искать что-либо в архивах, но я не была уверена, что меня, гражданка другой страны, туда пустят.

И вот я уже еду в Геническ. Саша не знает о задуманном мной расследовании и вряд ли бы одобрила, если бы я ей рассказала. Она очень умная, настоящий реалист и не верит в

сказки, и этот странное совпадение назвала бы чистой случайностью.

Я закрыла глаза и отложила книгу, не в силах читать, когда мысли не дают покоя. Зачем мне это? При просмотре фильмов ужасов, когда герой приближается к темной и страшной пещере, я всегда отворачивалась в сторону, боясь того, что случится, и не понимая, что заставляет этих глупых людей идти навстречу опасности. Обо всём, что вызывало моё любопытство, я могла прочитать в интернете или даже посмотреть документальный и художественный фильм. В наше время так мало осталось неизведанного — практически все уголки Земли исследованы, теперь можно лишь доказывать существование бозона Хиггса, дополнять Стандартную модель или заниматься прочими малопонятными занятиями, которые никак не меняют жизнь обычных людей вроде меня.

Но эта маленькая странность никак не вписывалась в мою жизнь и заставляла думать и думать о ней, не переставая. Будущее и поиск работы пугали, хотелось привнести в это хлипкое и изменчивое положение вещей хоть какую-нибудь стабильность, и я была уверена, что разгадка этого совпадения поможет мне тверже стоять на ногах и меньше сомневаться в себе.

— Может, чаю попьем? — голос Саши с соседнего места в плацкарте заставил меня вернуться в реальность.

Пить чай в душном вагоне — не самая лучшая идея, но плюс горячего чая в том, что он когда-нибудь остынет и уж всяко на вкус будет приятнее теплой минералки.

Я завязала растрепавшиеся волосы в хвост, радуясь, что все попутчики — совершенно незнакомые мне люди. Ближе в вечеру волосы станут слипшимися и грязными, и это зрелище не для слабонервных. Влажная салфетка принесла лицу хоть небольшую порцию свежести, но от макияжа не осталось и следа. В принципе, в поезде девушка без макияжа вполне равнялась девушке с ним, поскольку тушь от душности имела свойство растекаться, а пудра не спасала от появления жирного блеска на лице.

Пока Саша заваривала нам освежающий зеленый чай с мятой, я разворачивала упаковку с печеньем. По красноречивому взгляду подруги я поняла, что нужно приготовить покушать что-то более серьезное, и стала нарезать хлеб, колбасу и огурцы. В поездах постоянно сильнее хочется есть, как будто срочно нужны калории на преодоление расстояния в тысячу километров, правда, как-то забывалось, что движется-то поезд, а ты сам сидишь на месте.

Громко и со скрипом хлопнула дверь тамбура, заранее предупреждая, что ночью не даст нам спать. Послышались мужские голоса, слишком веселые и радостные для такой духоты. Ночью им должно стать ещё веселее после употребления горячительных напитков, и тогда спать станет ещё невозможнее. А я-то обрадовалась, что в нашем вагоне нет детей.

Топот приближался и неожиданно прекратился у нашего отделения плацкарта. Ну вот, начинается. Парням захотелось познакомиться с девушками и побалагурить. Мы это уже проходили. Я не обращаю внимания на застывшие фигуры и сосредоточенно режу огурец, не провоцируя их взглядом на начало разговора. Такие личности всегда вызывают лишь раздражение и стремление смыться со своего же законного места.

Но этот случай оказался не тем, что я уже успела представить в своей голове.

— Свет, это ты что ли?

Удивленный голос показался до боли знакомым, рука неожиданно задрожала, и я, чтобы не выдать волнения, быстро положила нож на стол.

Поднимаю глаза и вижу его, своего старого знакомого. Он заметно повзрослел с нашей последней встречи лет семь назад, и теперь передо мной стоял не смазливый и немного

нескладный подросток, а молодой мужчина. Его каштановые волосы с рыжиной сейчас были темными, так как он решил проблему духоты кардинально — просто намочил их. К удивлению в серых глазах добавились искорки смеха, и я вспомнила, почему так часто над ним издевалась в детстве — эти смешинки во взгляде заставляли чувствовать себя неуверенной, несмышлённой девчонкой, все поступки которой вызывают только ироничное снисхождение. Этим и объяснялось то, что я, вместо своего привычного дружелюбия, с которым я отношусь ко всем знакомым, к нему проявляла некоторую злость, безрезультатно пытаясь поставить его в то же положение, в какое он ставил меня одним только взглядом.

— Привет... Ян, — так непривычно произносить его имя. Я так давно никого так не называла.

— Привет, девчонки, — сказал его смеющийся друг, как раз такой тип, которые любят подходить знакомиться в поезде.

— Сто лет не виделись. Вот уж не ожидал встретить тебя здесь, — он несколько растерянно улыбнулся, но тут встрял его друг:

— А давайте все знакомиться! Я — Саша, а это Ян, если кто не понял, — он указал на Яна, обращаясь к моей подруге.

— Это тоже Саша, а я Света, если кто не понял, — повторила его слова я, показывая на Сашу. Та с интересом смотрела на парней. Наверное, если бы друга Яна не звали так же, как и её, они бы не вызвали такое любопытство, но Саша всегда обращала внимание на парней с таким же именем, как у неё.

— Ааа, тёзка! — расплылся в улыбке русоволосый парень с такими же мокрыми волосами, как у Яна. — Может, чаем угостите? Вижу, у вас тут и бутерброды намечаются...

— Да, конечно, — как можно приветливее ответила я, при этом не представляя, как дорезать огурец.

Я вперила взгляд в подругу, а та — в меня. Кажется, она увидела что-то такое в моих глазах, отчего быстро метнула взгляд на Яна и посмотрела на меня с вопросом. Я коротко кивнула, подтверждая, что это он. Саша должна помнить ту давнюю историю, рассказанную тёмной ночью со смущенным хихиканьем во время нашей совместной ночевки много лет назад. Она как-то догадалась, что мне и сейчас, спустя столько лет, не по себе, и как бы невзначай придвинула нож с огурцом на свою половину стола.

Тем временем Саша плюхнулся на место рядом со мной и принялся наблюдать за тем, как моя Саша аккуратно дорезает овощ, а Ян остался стоять.

— Пойду я тогда за кружками что ли, — внес он дельное предложение и развернулся к выходу из нашего вагона.

Я выдохнула и почувствовала непонятное облегчение. Что за черт? Почему та детская неуверенность вернулась? Надо срочно приходиться в себя и успокаивать колотящееся сердце.

— Откуда вы с Яном знакомы? Я вроде всех его девушек знаю, — шутливо спросил Саша и повернулся ко мне, приподняв бровь. У него была очень живая мимика и забавные брови домиком, и он производил впечатление «рубахи-парня», очень открытого и прямого.

Я взяла в руки кружку с уже не таким горячим чаем, надеясь тем самым вернуть себе уверенность. Несмотря на легкий подкол Саша, я действительно потихоньку успокаивалась. Всё же эта встреча хоть и была очень неожиданной, но не несла в себе ничего плохого. Я и сама думала иногда, что было бы интересно вновь встретить Яна, узнать, изменился ли он. Как выяснилось, перемены всё же имели место. Руки стали крепкими и мускулистыми, но не перекачанными, вся фигура утратила юношескую стройность и некоторую нескладность и

превратилась в более мужественную и основательную. Черты лица стали тверже, скулы выделялись сильнее, а губы теперь казались резко очерченными, словно для рисования их контура художник сменил мягкую акварель на строгий карандаш. Теперь он не выглядел веселым шалопаем, озорным бабником, но ироничные глаза всё равно придавали облику некоторую чертовщинку.

— Я не его девушка, — немного резко ответила я. — И никогда не была. Мы в детстве дружили с его сестрой, и он часто приезжал на каникулы к ней. И даже пару раз летом наши с ней родители отправляли нас к их общей бабушке. Правда, мы уже очень давно не виделись из-за того, что вся семья подруги переехала в Новосибирск.

— Ааа... — протянул Саша и стал наблюдать за тем, как подруга сооружает бутерброды из колбасы, хлеба и огурцов. Сыр мы почему-то в поезд решили не брать, и сейчас я пожалела об этом.

— А вы давно знакомы? — теперь уже настал мой черед задавать вопросы.

— С первого дня в универе, — улыбнулся Саша. — Потом и служили вместе...

— Понятно, — я кивнула головой и отхлебнула чая. Ещё горячий, и оттого теплая волна прошла по телу, заставляя вспомнить о том, что я нахожусь в душном поезде, что на голове у меня непонятный хвостик, а на лице — ни грамма косметики. Не в таком виде я бы хотела встретиться с другом детства. Ну почти другом, всё-таки подростковый период внёс разлад в нашу детскую дружбу и заставил испытать несколько смущающих моментов. Хотелось узнать о Яне побольше, но я боялась выдать своё любопытство, и это напоминало мне ту маленькую меня, которая изо всех сил воротила от него нос и доказывала, что её мальчики не интересуют.

— Я принес! — Ян торжественно поднял две кружки, уже наполненные кипятком, а потом осторожно поставил их на стол и сел рядом с Сашей.

— У нас только зелёный. Мятный, — я достала пару пакетиков и вопросительно уставилась на Сашу-парня, стараясь не смотреть на Яна.

— Сойдёт, — ответил Ян. В его голосе звучала улыбка, наверное, на лице она тоже была.

Я занялась ответственным делом по завариванию чая, между делом узнав, что друзья пьют его без сахара. Саша стал рассказывать о том, что они едут в Геничesk в соседнем вагоне вместе с небольшой компанией — ещё парой парней с девушками, потому что какой-то парень там уже отдыхал и уговорил всех отправиться в понравившееся место и на этот год, но насчет дома или пансионата он не договорился, хотя утверждал, что с этим проблем не будет. А в наш вагон они зашли в поиске холодной минералки, надеясь, что у наших проводников будет холодильник.

— А вы где остановитесь? — спросил Ян, и я наконец подняла глаза к нему. Правда, обращался он к Саше.

— Мы забронировали комнату в пансионате на самом берегу моря. Через интернет, — пояснила Саша. — Если хотите, я дам вам номер, вдруг там есть места. На втором этаже обещали кондиционер, телевизор, холодильник и туалет в каждой комнате, а на первом, кажется, чего-то из этого нет. И там дешевле.

— Надо будет на остановке позвонить, — подхватил идею друг Яна. — Когда сеть появится.

Я решила перестать вести себя глупо и прятать глаза и обратилась к Яну:

— Как там Катя? Я давно не получала от неё вестей.

— У неё всё хорошо, — Ян посмотрел мне в глаза и добавил: — Закончила универ зимой, на заочке училась, работает уже с полгода бухгалтером в юридической фирме. Они собирались поехать отдыхать всей семьей, наверное, и по пути и к нам заглянут.

— Ааа... — протянула я. — Значит, мы встретимся, наши мамы наверняка созвонятся.

Я замерла, не решаясь спрашивать дальше, но потом всё же заставила себя загнать неуверенность куда подальше и вести нормальный диалог:

— А как ты? Я даже не знаю, где ты учился... И где сейчас работаешь?

— Работаю инструктором по прыжкам с парашютом. Мы с друзьями основали аэроклуб пару лет назад, сейчас вот наконец начинаем получать доход от этой затеи, — он усмехнулся, и я подумала, что это очень ему подходит. Наверняка девчонок, которые боятся прыгать, убеждает вмиг своей улыбкой. — Я ещё доучиваюсь на заочке на инженера автомобильного транспорта, делал перерыв из-за армии. А ты где учишься?

— Я вот с неделю как закончила. Буду учителем химии.

— Тебе подходит, — Ан озорно улыбнулся. — Будешь там детей строить только так.

— С чего ты взял? — я не смогла убрать недовольство в своем голосе. Вот снова он начинает так себя вести.

— Ну меня же ты строила, — он обезоруживающе улыбнулся, словно раздавал комплименты, а не называл меня строгой училкой.

— Ха-ха, — изобразила я притворный смех над его шуткой. — Тебя построишь!

— Ребят, брейк! — влез Саша. — Вы ещё подеритесь, только встретились же. Тоже мне, старые друзья. Он что, твою куклу сломал?

Даже Саша понял, что дело нечисто. Я думала, что детские игры забыты, но раз Ян позволяет себе шутить по поводу бывшего, значит, помнит. Ещё одна причина жутко стесняться.

— Да нет, ты же знаешь детей, вечно они дерутся и ссорятся, — я улыбнулась и отхлебнула чая. Мята всегда успокаивала и придавала уверенности. И правда, к чему эти детские обиды? — А вы угощайтесь бутербродами, да и чай ваш тоже наверное немного остыл.

Друзья послушались и протянули руки за чаем, прихватив по бутерброду. Нам повезло, что верхние места ещё не заняты, наверное, позже пассажиры подсядут. Все временно замолчали, немного покачиваясь в такт поезду. Тем временем он начал замедлять ход, означая тем самым близость остановки. Саша это понял, переписал телефон нашего пансионата и убежал к друзьям, чтобы рассказать им об этом и позвонить туда всем вместе. Ян же остался жевать бутерброд, хитро на меня поглядывая.

— А где ваши с Сашей девушки? — задала невероятно глупый вопрос Саша.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам, и безумно захотелось провалиться сквозь пол поезда.

— А ты интересуешься? — Ян нахально закинул в рот маленькую рыбку-печенье, не переставая улыбаться, и подмигнул Саше. Та смело ответила на его улыбку не менее нахальной.

Видимо, ей и вправду понравился его друг, раз она напрямую это спрашивает. Ждет наших ночных соседей сегодня не только не дающий спать скрип двери тамбура, но и наше шушуканье.

— А почему бы и нет? — подруга пожала плечами. Мы ехали развлекаться, так почему бы не начать это делать прямо сейчас? Только я в мыслях-то смелая, а на деле получается,

что и слова без раздумий вымолвить не могу.

— Нет у Саши девушки. И у меня нет.

Наверное, он так же продолжал улыбаться, но я с преувеличенным вниманием принялась рассматривать торговки мягкими игрушками на перроне. Раньше я думала, что они никому не нужны и не понимала, кто их вообще здесь покупает, пока мама в прошлом году не привезла мне огромную обезьяну с бананом в руке. По всему выходило, что спрос всё же есть.

— Всё, мы с вами! — ворвался вихрь в виде возбужденного Саши. — Все на верхнем этаже! Круто же!

— Да, отлично, — радостно улыбнулась Саша и поймала хитрый взгляд Яна. Кажется, нам предстоит веселый отдых.

— Ага, — ответила я, наконец отвлекаясь от действия за окном.

— Только нам надо возвращаться, — словно извиняясь, сказал Саша и взял свою кружку. — Граница же.

— Тогда завтра увидимся? — наглости Саше было не занимать, когда она видела цель. А сейчас цель виновато улыбалась и радостно плыла к ней в руки.

— Встретимся на перроне и поедем все вместе, — распорядился Ян, вставая и забирая кружку. — Рад был повидаться.

— Я тоже, — ответила я, несмело улыбнувшись в ответ на его полуулыбку-полуухмылку.

— И я рад знакомству с такими прелестными девушками, — галантно добавил бабник Саша, переводя взгляд с меня на подругу.

— И мы, — Саша не прекращала растягивать губы в улыбке. — А теперь идите уже, а то вдруг высадят или ещё чего.

Парни ещё раз попрощались, поблагодарили за чай и наконец ушли. Я же облегченно откинулась на стену и закрыла глаза, пытаясь понять, как же мне справиться с нахлынувшими чувствами. Он снова делает это со мной, только теперь я уже взрослая, но это не мешает мне попасться на ту же самую удочку. Я его не видела так долго, но, знает бог, я не забывала своего озорного друга никогда.

Этот мальчик защищал меня от собаки в квартире, когда я пряталась за штору. Этот мальчик учил меня рыбачить теплым летним вечером, когда наши родственники выезжали отдыхать на озеро. Этот мальчик отдавал мне половинку своего Киндер Сюрприза, когда ему его покупали. Этот мальчик смотрел со мной «Анастасию» и смеялся, когда я пугалась Распутина. Этот мальчик терпел, когда мы с подругой заставляли его играть с нами в «Любовь с первого взгляда».

А потом получилось так, что мы не виделись пару лет, и мальчик повзрослел. Этот же мальчик стал ходить на свидания с девочками. Этот же мальчик не понимал, почему я вырываюсь, когда он в шутку брал меня на руки и носил по комнате. Этот же мальчик залезал ночью к нам в кровать и рассказывал о взрослых вещах. Этот же мальчик очень тепло обнимал, когда я не отстранялась. Этот же мальчик чуть ли насильно пытался меня поцеловать, когда мы прощались.

Этот мальчик стал первым парнем, к которому я начала испытывать совсем не дружеские чувства. Это было ново, совершенно непонятно и очень смущающе. Казалось настолько страшным поддаться чувствам и понять, что мы уже не дети, принять то, что он повзрослел раньше меня, и довериться ему. Казалось таким ужасающим позволить ему поцеловать себя, хоть этого так безумно хотелось. Я оттолкнула его в тот день и долго

жалела, что мой первый поцелуй был не с ним.

Спустя время я дала название тем пугающим подростковым чувствам. Страх не давал признать то, что я влюбилась. Я чувствовала притяжение к своему другу, но вместо того, чтобы прикоснуться к нему, я его отталкивала. А он злился и смеялся надо мной в ответ, выставляя меня маленькой дурочкой.

Одно событие в наше последнее лето вместе мне особенно врезалось в память. Мы ездили на природу, но в процессе празднования народу прибавилось, и ночью нам пришлось возвращаться домой в забитых под завязку машинах. Его посадили на заднее сиденье, а меня, как самую маленькую и худенькую, пристроили у него на коленях. Было совершенно глупо вырваться из рук своего друга, которым он был в глазах наших родителей, и я приняла неизбежное — позволила ему обнять меня. За окном проносились желтые огоньки, но мне не хотелось за ними наблюдать. Я закрыла глаза, чувствуя приятное тепло его рук на животе, твердую упругую грудь за спиной и подбородок, упирающийся мне в затылок. И в тот момент я была счастлива.

И снова флаер. В этот раз он был совсем маленький, четырехместный, и вместе со мной летела лишь одна пожилая женщина, которую мы выбрали в Байконуре. Пилот отгородился от нас звуконепроницаемой панелью и, кажется, совершенно расслабился. Полет над Сибирью предстоял в режиме полуавтоматики. Почти все пилоты включают его, выходя в четвертый сектор, где не нужно быть предельно осторожным, ведь шансы столкнуться с кем-то на такой высоте чрезвычайно малы, а приборы всегда подстрахуют.

Наш путь пролегал к городу Айхал в Якутии. Именно здесь располагался летний лагерь для исследователей, он же Центр тренировок и повышения квалификации космических работников преимущественно из Российской Федерации. Когда-то там была зона вечной мерзлоты, и именно это привлекло в этот район сотрудников космофлота. Людей в округе почти нет, зато река присутствует и ландшафт практически нетронутый. Здесь и построили этот уединенный центр. Он считался частью города, хотя и располагался в пятнадцати километрах от него. Центр жил совершенно изолированно, местные в него не допускались, а прогресс в свою очередь не доходил до местных. Когда поставили климатические вышки, чтобы в Центре можно было спокойно поработать и комфортно существовать, местные, всё ещё игнорируя технологию трехмерной печати, начали активно развивать земледельчество. Поэтому получилась в итоге дикая смесь культур: по одну сторону реки Сохсолоох якуты да эвены возделывали почву в духе двадцатого века, а по другую работники космической отрасли строили планы по покорению межзвездного пространства.

Вскоре это многообразие предстало и перед моими глазами. Я увидела тонкую ленту реки и даже не город, а поселок со множеством частных домов с красными крышами из пластиковой черепицы и редкими вкраплениями высоток не больше тридцати этажей. По другую сторону Сохсолооха раскинулся лагерь. Он занимал квадратное пространство и был около двух километров в длину и в ширину. Его огораживал высокий прозрачный забор с каким-то магнитным полем, которое слегка переливалось голубоватыми оттенками. А внутри была явно регулируемая климатическая зона со множеством газонов, выстриженных кустарников, прудиков, небольших жилых домиков и зданий покрупнее с лабораториями, учебными комнатами и инженерными отсеками. Отдельно выделялся большой крытый ангар, а в целом вид не вызывал опасений, и я даже не могла применить к этому мирному пейзажу слово «испытания», а именно они меня и ждали. Правда, когда уже мы стали спускаться на площадку на крыше ангара, я решила поглядеть по сторонам и увидела километрах в двадцати отсюда серебристые очертания огромного замкнутого сооружения, которое, по-видимому, было одним из полигонов.

Флаер высадил меня на крыше и сразу улетел, видимо, женщине нужно было в сам Айхал. Я подошла к информационной панели и привычно приложила палец, а затем терпеливо подождала, пока просканируют сетчатку. После завершения этого действия место подо мной преобразовалось в лифтовую площадку, и меня медленно унесло внутрь ангара. Я оказалась в просторном нерабочем помещении и не видела, есть ли внутри ангара какие-либо транспортные средства. Открывать двери по краям холла и интересоваться содержимым отсеков не было никакого смысла, всё равно ведь нет допуска. Поэтому я просто последовала к светящейся вывеске «выход» и собственно вышла наружу. Тут снова стояла информационная панель, я поискала по ней домик, где мне предстояло жить, а потом

подключила планшет и загрузила карту лагеря. Никакой регистрации здесь не нужно, я получила приглашение сюда, а как только прикоснулась пальцем к панели, система получила сигнал о моем прибытии.

За мной из ангара вышел высокий парень, слишком мускулистый для своих тринадцати, хотя мне ли судить? Я никогда не видела подростков своего возраста с какой-либо военной генной модификацией. В моей неспециализированной школе вообще было мало учеников с изменениями, в классе я и вовсе была одна такая. Особых школ для людей, подобных мне, не было, поэтому я просто училась в естественно-математическом классе для самых обычных детей. Наверное, теперь мои одноклассники уже получили чипы или даже микры. Им осталось приспособиться к ним, и уже через год они станут неотделимы, так как весь мыслительный процесс человека с присоединенным к нему микропроцессором и сетевым каналом кардинально меняется. Если его извлечь, знания останутся на уровне школы, а со временем и то позабудется. А мало кто хорошо учится в школе, зная, что скоро станет ходячей энциклопедией без малейших усилий со своей стороны. Я была одной из лучших по баллам, потому что пыталась учиться думать и запоминать самостоятельно, чтобы получить свой шанс на другую жизнь. Каждому генномодифицированному, который видит своё будущее в дальней космической разведке, приходится учиться думать самому. Поэтому даже самая дорогая модификация не является гарантией приглашения в лагерь.

Возможно, мне не стоило так шарахаться от панели, завидев этого парня. Я должна была завести с ним разговор или просто поздороваться. Я теперь могу уже заводить друзей, хоть мой путь ещё и не определен, но это люди, в среде которых я хотела бы провести свою жизнь. В школе у одноклассников практически не возникает чувство эмоциональной привязанности. Мы все знали, что будем учиться и работать в разных местах земного шара, а некоторые и вовсе на космических базах. Нам нужно было накапливать знания любым возможным способом, а продуктивная коммуникация была лишь одним из навыков, которыми мы владели, но не более того. В этом не было дружеской поддержки и сопереживания. Родители мне всегда говорили, что дружба — это очень весело и интересно, но нужно подождать до тринадцати лет, чтобы после выбора не стать существами с разных планет. Так, хоть мы в детстве и не особо общались с братом, после присоединения к нему микры ещё больше отдалились друг от друга. У него сейчас есть друзья, они много времени проводят вместе на учебе, за её пределами и в виртуальной реальности, а мне там нет места. Но это было ожидаемо.

А вообще Натан отличный парень. Если бы не он, не видать бы мне родительского одобрения, пришлось бы активировать процедуру отказа от родительской опеки, к чему можно было прибегнуть только в крайнем случае. Я знаю, что родители хотели как лучше.

Когда они поженились, то жили только за счет общества, совершенно не имея кредитов. У них была квартира, еда и одежда, как и у любого члена федерации. Общедоступный софт для трехмерного моделирования и производства обеспечивал их всем необходимым, к тому же мама, будучи искусствоведом, добавляла свои оригинальные детали к стандартной программе. Через пару лет на их счете уже были какие-то средства, которые они заслужили хорошей работой и стремлением к совершенствованию нашего общества. Но их было достаточно только на какие-то небесплатные излишества вроде поездки в другие страны или посещение экскурсий на планетах нашей системы.

Когда чип на руке показал маме, что через девять месяцев у неё родится Натан, они ничего не смогли сделать для его будущего. Поэтому у него есть только микра. Когда же

через четыре года они подкопили кредитов для моего появления, то решили проявить фантазию, так как на самое дорогое всё равно не хватало. В возрасте недели я получила общий и бесплатный для всех детей генный анализ, на основе которого были исправлены предрасположенности к смертельным болезням и выявлены мои склонности. И тут природа меня подвела.

Я была словно чистый лист, одинаково предрасположена ко всему. Поэтому родители, чувствуя полную свободу и осознавая, что из меня можно вылепить что угодно, подарили мне дорогостоящую высокую точность движений и очень дешевые вкусовые и обонятельные модификации. Сами по себе они практически бесполезны, но в сочетании с точностью делали меня гениальным кулинаром, что обеспечивало мне практически стопроцентное попадание в Кулинарный колледж. Мама всё равно переживала, а вдруг не получилось, но всё прошло как по маслу и меня зачислили.

На самом деле это был очень элегантный ход с их стороны, не многие до такого дошли бы. Подумать только: в век употребления практически одной искусственной пищи программировать ребенка на повара! Оригинально. Есть определенные категории людей, которые тратят огромное количество кредитов на еду из натуральных продуктов и на их приготовление человеческими руками по древним рецептам. Поэтому, как только мне исполнилось три года, родители стали покупать разные овощи и фрукты естественного происхождения, чтобы я на вкус могла их отличить от ненатуральных. И мне это удавалось.

Они вложили в меня так много, а я одним утром просто сбежала, выключив планшет. Им пришлось срочно связываться с отдыхающим Натаном, чтобы он, как специалист по безопасности, по каким-то своим каналам отыскал меня. И он отыскал. И срочно приехал. Дома он показал им мою историю посещений в системе домашней защиты, которую они крайне редко просматривали, доверяя мне. Как умные люди, мама с папой сложили два и два. И даже договорились не ругать меня, а успокаивать по приезду, списывая всё на подростковые метания и ощущение своей собственной исключительности. А Натан им поддакивал и убеждал, что всем в моем возрасте, только выпустившись из школы, хочется пойти против системы и попробовать что-нибудь эдакое. Они и не сомневались, что в лагерь меня не позовут. Каково же было их удивление, когда я попросила родительское одобрение на поездку! Клятвенно пообещав, что, если ничего не получится, в сентябре я непременно отправлюсь в колледж и не буду ничего выдумывать, я с чистой совестью и легким сердцем провела последние несколько дней перед отбытием в круг семьи. А затем я полетела в Айхал, а родители — на Амазонку, каждый уверенный в своей правоте: я в том, что мечты имеют свойство сбываться, а они — что всё будет так, как ими запланировано, но пусть я проведу своё последнее лето перед взрослой жизнью, как мне заблагорассудится.

Меня разместили в одной из комнат маленького двухэтажного домика у северной границы квадрата. В нем было около двадцати комнат на обоих уровнях. На первом также располагалась довольно уютная гостиная с удобными диванчиками, креслами, «журнальными» столиками и одним большим столом у панорамного окна напротив входа, рядом с пищевыми автоматами. Наверное, это для того, чтобы мы все собирались и принимали пищу, но вряд ли кто-то будет в этом заинтересован. Хотя было бы наивно думать, что этот стол поставили только ради нас, наверняка приезжающие сюда сотрудники космофлота были здесь как в своей тарелке и получали удовольствие от общения между собой.

Судя по данным, предоставленным информационной панелью, все комнаты в итоге будут заселены абитуриентами разных направлений. Их имена мне, естественно, ни о чем не говорили. И кроме меня ни одного биолога в доме не было.

В комнате на кровати меня ждали два комбинезона голубого цвета. В этом просматривалась некая ирония: пока ещё не синий, но ещё чуть-чуть больше краски, и получится нужный оттенок. На нашивке, которая почему-то так называлась, хотя уже пару веков никто ничего никуда не нашивал, было написано моё имя и общее направление «биология». И то верно. Более узкую специализацию мы получим только после третьего курса и последующие четыре года посвятим её изучению.

Я не стала выходить в гостиную и наблюдать за прибывающими. Это было ни к чему. Не имеет никакого смысла пытаться заводить друзей, если около двадцати процентов желающих пройти испытание в итоге отсеются. Кто знает, сделаю ли я правильный выбор? Да и, уверена, другие подумают также и заранее отнесут меня в те самые двадцать, стоит им только узнать про мою модификацию. То, что у меня нет силы и скорости, видно невооруженным глазом: рост средний, телосложение худощавое, совершенно обычное для подростка, взросление замедленное, так что никакие внешние отличительные женские признаки ещё не проявились. А всего-то и есть — темно-русые кучерявые волосы да темные миндалевидные глаза и высокие скулы, выдающие моих индейских предков по матери.

Пребывание в одиночестве меня нисколько не угнетало. Тревожности больше не было, я была настроена на результат и планировала выложиться по максимуму. Такого шанса мне больше не предоставят, так что нужно мобилизовать все свои ресурсы и не размениваться по мелочам. Но так как план занятий ещё не пришел, я решила немного отдохнуть и посмотреть публичный видеотчет с помещения новой космической базы в одну из точек Лангража вблизи Юпитера.

Поздно вечером, после ужина по старому маминому режиму, прислали расписание. На занятия-беседы отводилось семь недель и, судя по графику, мне предстояло по большей части посещать то, в чем у меня были существенные пробелы — утренние спортивные тренировки, общую космическую навигацию, строение космических аппаратов и основы их пилотирования, астрометрию, астрофизику и практическое трехмерное моделирование. По биологии было лишь три занятия в неделю, латинский язык я хорошо изучила и в школе, а лингву, искусственный международный язык, на котором негласно принято общаться в космосе, знала в совершенстве.

Расписание подтвердило мои подозрения: я была хороша в своей области, но этого недостаточно. Поэтому мне нужно доказать, что я могу учиться, что у меня получится освоить то, что не принято изучать в школе, вроде основ пилотирования. И что из своей физической формы я смогу выжать столько, сколько вообще возможно, и приму необходимость соответствовать международным стандартам. Я должна показать всю свою пластичность, стать глиной самого высокого качества, чтобы уже в академии из меня можно было слепить всё, что угодно космофлоту и что заложено в стандартах Космической доктрины.

Ещё вчера моё утро было наполнено напряженным ожиданием и желанием поскорее начать действовать, поскорее начать приближаться хотя бы малюсенькими шажками к конечной цели, поскорее прекратить это время неопределенности...

Сегодня я завидовала себе вчерашней. Полседьмого утра, а я не бегу по гладким

дорожкам стадиона, а ежеминутно перескакиваю через камни не огороженного вышками плоскогорья за пределами лагеря. Кто сказал, что тренировки будут напоминать школьные? Почему окружающий пейзаж прежде не внушал мне такого опасения? Почему я ничего не подозревала, даже когда наше стадо из ста человек погрузили в многоместный флаер, который выше грузового первого сектора не взлетал? Я что, думала, мы на экскурсию летим?

Через двадцать минут бега ноги стали заплетаться, перепрыгивать камни становится всё сложнее, а подъем на невысокий холм превратился в пытку. Я плетусь почти в самом конце, но не последней. Самые первые счастливицы наверняка в модификациях имеют выносливость, и это садист Атон тоже. Зря я обрадовалась, когда его увидела, ох как зря. Единственное знакомое лицо оказалось маской учителя, золотая макушка впереди не внушала оптимизма и тем более улыбки.

Это не был бег на скорость, мы все должны были прийти к конечной точке вместе, как команда. Но никто явно не испытывал командного духа, а голограмма непропорционально крупного красного флажка вдали на одном из холмов и не думала приближаться. Рядом со мной на одном уровне бежал высокий темнокожий парень, достаточно крупный по телосложению. Было совершенно непонятно, почему он не впереди, почему его модификация не позволяет ему бежать быстрее. Нашивка на его груди мелькала и вздрагивала от бега, не позволяя прочесть, кем он хочет быть. Смуглая девушка справа с черными волосами, заплетенными в косички, периодически то обгоняла меня, то оказывалась чуть позади. Мне это представлялось маленьким соревнованием — не уступить ей, раз уж я уступаю практически всем.

В боку кололо. Это чувство было мне совершенно незнакомо, никогда прежде мой организм меня не подводил. Я знала, что подобное ещё ощущали люди в начале второго тысячелетия, но теперь обязательные генные изменения при рождении лишали нас этого в повседневности или, как я теперь обнаружила, при школьных нагрузках. Интересно, что видит Атон? В начале тренировки всем на руку приклеили маленькие пластыри, нам они ничего не показывали, видимо, передавали информацию ему. Сообщат, когда нужно будет вызывать медкапсулу?

Более половины пути уже пройдено. Легендарное второе дыхание не открылось. Я лишь один раз на бегу отпила из маленькой бутылочки воды, пристегнутой к комбинезону. Только бы дотерпеть, только бы не остаться позади всех. Смуглая девушка перешла на шаг, но через минуту снова меня нагнала. Может, и мне стоит позволить себе маленькую передышку? Разрыв между бегущими впереди, самыми выносливыми испытуемыми, и плетущимися позади всё увеличивался и ярко иллюстрировал, у кого есть дорогие модификации, а у кого их нет.

Климатоустойчивая ткань комбинезона не позволяла пронизывающему ветру проникнуть внутрь и захватить в свои ледяные когти тело, но головы это не касалось. Утро было весьма прохладное, а в этой климатической зоне от лета сохранялась одно только название. Кончики ушей отмерзали, нос тоже, хотя всему телу было очень даже тепло.

Прижав руки к ушам в надежде согреть их хоть на минутку, я допустила серьезную ошибку — перестала смотреть под ноги. Очередной камень появился словно из ниоткуда, я споткнулась, взмахнула беспомощно руками и растянулась на каменистой поверхности, приложившись щекой о выступающий среди редкой травы кусок горной породы. Несмотря на боль, я даже немного обрадовалась блаженному ощущению свободы от бега.

Но насладиться этим сладким моментом мне не дали. В мгновение ока Атон оказался

рядом и поднял меня на ноги:

— Ну что же вы, Мирра? Вас в детстве не учили смотреть под ноги? — он осторожно ощупал щеку, затем достал из нагрудного кармана очищающий бактерицидный пластырь и аккуратно приклеил его, стараясь не приклеить вместе с ним растрепавшиеся волосы, которые резинка больше не фиксировала так же туго, как прежде.

Я лишь виновато пожала плечами, приготовившись бежать дальше. Он протянул руку и ухватил меня за плечо, пресекая этот порыв.

— Остановитесь. Глубоко вдохните. Почувствуйте всё своё тело. Где-нибудь ещё болит? — его рубленые фразы заставили меня всё сделать в точности. Вдох. Сосредоточенность. И сильная боль в правом колене.

Стингрэй увидел, как я сморщилась. Пришлось показать на колено. Он опустил на корточки и дотронулся пальцами до ноги, ощупывая ее и смотря на свою руку. Видимо, то, что там показывалось, удовлетворило его.

— У вас только сильная ссадина, наверняка рваная рана, перелома нет. Комбинезон не даст проникнуть внутрь инфекции, так что придется бежать дальше. Вы ведь справитесь, Мирра? — и улыбнулся, как и прежде, очень добро и понимающе.

— Да, конечно, я побегу, — я и не думала сдаваться, но было приятно, что он спросил и при этом улыбнулся. Кажется, его улыбка для меня становится наравне с вдохновляющей улыбкой Гагарина.

Я ещё раз взглянула на своё колено, которое сильно саднило. Кожей чувствовала кровь, которая стекала ниже по ноге. Но этого не было видно. Упади я хоть сто раз, ткань всё равно не порвется и не намокнет. Глубокий вдох. И вперед!

Атон бежал со мной наравне, постепенно приближаясь к отделившейся группе. Не было сомнений, что сам он бы давно меня перегнал, но, видимо, ему хотелось убедиться, что я не свалюсь ещё раз. Вот стыдобища.

Я искоса взглянула на него, абсолютно невозмутимого и совершенно незапыхавшегося, и решила спросить:

— У вас ведь есть выносливость, да?

— Да, — он мельком глянул на меня, — а ещё сила и скорость реакции. А вообще не стоит разговаривать, если хотите добежать до флага.

Но меня было не остановить:

— А у нас так теперь каждый день будет?

— Да, — короткий ответ. Легкая улыбка в этот раз показалась зловещей. Я бы на его месте смеялась вовсю, наблюдая за нами. А за мной в особенности.

Мы догнали группу, и я даже заприметила впереди по левой стороне ту девочку с косичками. Вот она — моя цель на сегодня. Надо бы её догнать. Но веселее бежать с Атоном, хотя он подстраивался под меня.

Тут курсант резко взглянул на руку и что-то там увидел, отчего быстро изменил направление и с нечеловеческой скоростью побежал вперед. Ту самую девочку больше не пришлось догонять. Она тоже упала, а он её поднимал и осматривал.

Вскоре я их перегнала и теперь равнялась на темнокожего высоченного парня. Финиш был уже близко, красный флаг заигрывал с ветром и нас так и манил, и, кажется, я поняла, что значит «второе дыхание». Дышать стало легче, а сильная боль превратилась в легкий зуд. Но что это по сравнению с близостью цели? Совсем немного осталось, подъем наверх под легким наклоном, камешки под ногами отскакивают и летят вниз, к оставшейся далеко

позади девушке с косичками, темнокожий парень с наконец-то рассмотренной мной нашивкой «Шота Алиев. Медицина» задорно поглядывает на меня и вперед, на уже собравшуюся у флага группу людей. Атона среди них не было, наверное, всё помогал кому-то, но не время смотреть назад, когда остался последний рывок. Мы с Шотой финишировали почти одновременно и радостно переглянулись. По его лицу расплывалась победная улыбка, подозреваю, что на моем была такая же.

Некоторые люди даже ещё не взобрались на холм, и я ощутила маленький прилив гордости, который не смогли затмить ни выпрыгивающее из груди сердце, ни свербящее ощущение в горле, ни вконец околевшие уши, ни вернувшаяся острая боль в ноге, ни пронизывающий ветер, который трепал выбившиеся пряди... Одно маленькое испытание позади, одна маленькая победа, один маленький шаг вперед...

Пансионат оказался очень ухоженным комплексом из двух небольших двухэтажных зданий, в одном из которых жили хозяева и сдавались комнаты более простых условий проживания. Этот дом был расположен перпендикулярно к морю, и по всему выходило, что изначально он был построен семьей для собственного пользования. Когда же Геническ постепенно стал привлекать туристов, сначала — низкими ценами, а затем — разумным сочетанием тихого семейного отдыха и среднего бюджета, то владельцы участка на песчаном берегу Азовского моря решили построить ещё один коттедж, предназначенный специально для приезжих.

Окна номеров на втором этаже выходили на море, и один длинный балкон с кованой решеткой и увитый декоративным плющом соединял между собой все пять номеров верхнего уровня и заканчивался спиральным завитком лестницы, ведущим во внутренний дворик. На уложенном каменной плиткой пространстве между двумя домами располагалась круглая клумба с яркими красными и фиолетовыми цветами и конусообразной туей посередине, а сбоку — крытая беседка с мангалом и большим столом, чьи стены тоже были покрыты плющевыми зарослями.

Весь вид мини-отеля располагал к необременяющему домашнему отдыху в кругу родных, и сразу, как только мы прибыли на такси по грунтовой дороге к этому дому в конце улицы, я влюбилась в это спокойное место вдаль от шумных ресторанов и ночных клубов. Наши попутчики неожиданно тоже оказались вполне довольны, а девушки так же, как и мы, очарованы этим незатейливым уютом, создаваемым хозяевами.

Не успели мы заселиться, как на балконе раздался шум, и заглянувший к нам в номер Саша сообщил, что они отправились искупнуться в утреннем море и чтобы мы поскорее к ним присоединялись. Подруга клятвенно заверила, что мы тоже не заставим себя ждать.

Я неторопливо перекладывала вещи в небольшой шкаф, затем стала устраивать тюбики со скрабом, гелем, шампунем и прочими косметическими средствами на полки в ванной. Мне совсем не хотелось быстрее отправляться на пляж, потому что, чтобы туда попасть, необходимо было надеть купальник, а это не так-то просто, когда среди отдыхающих есть тот, кто тебе очень нравится.

Я поставила зубную щетку в стаканчик, оперлась руками о края раковины и стала разглядывать себя в зеркале. Время неприятия себя давно осталось в прошлом, вместе со взрослением пришло и смирение со собственной внешностью, и любовь к себе такой, какая я есть. А я себе нравилась.

На меня смотрело немного кругловатое лицо в обрамлении светло-русых непослушных волос длиной чуть ниже плеч. Они немного завивались от воды, но пока были стянуты с резинкой и делали моё лицо менее привлекательным. Мне никогда не шел тугий хвост. Главным моим достоинством и самой любимой чертой внешности были глаза. Их немного кошачий разрез и насыщенные зеленый цвет был предметом моей гордости, именно из-за них прочие ничем не примечательные черты лица становились вдруг симпатичными и придавали мне некоторую изюминку.

Я медленно стянула обычную футболку и спортивные шорты, которые надевала для удобной поездки в поезде. Купленный специально для этого отдыха купальник цвета хаки хоть и не привлекал яркостью расцветки, но прекрасно сочетался с цветом глаз и

подчеркивал достоинства фигуры. К сожалению, грудь не была в их числе, но и не отсутствовала вовсе. Зато мне досталась тонкая талия с плавным переходом в бедра, и именно эта наследственность от матери помогала смириться с невысоким ростом. Рядом с Яном в детстве я всегда была коротышкой и поэтому проигрывала во всех наших боях, приходясь ему всего лишь на несколько сантиметров выше плеча. И теперь история повторяется. Я выросла и стала носить каблуки, но мы с ним встречаемся на море, где их не наденешь на пляж.

Я хватаю панамку и соломенную подстилку, и мы с Сашей выходим из нашего номера. Саша выглядит моей полной противоположностью — короткие темные волосы по мочки ушей, более резкие черты лица и темно-карие глаза. Она выше меня, и я этому немножко завидую. Подруга так же, как и я, устала от учебы и нуждается сейчас в чем-то легком и приятном, и веселый Саша её именно этим и привлекает. Кажется, половину ночей я буду проводить в комнате одна, пока она будет наверстывать пропущенные свободные деньки во время сдачи госов.

Мы переходим пыльную дорогу и идем по сухой желтой траве, которая немного покалывает босые ступни. Вскоре она сменяется горячим песком, и я начинаю двигаться на цыпочках, жалея, что так легко поддалась очарованию настоящего лета и не надела шлепанцы. Саша замечает сначала макушки Димы и Артема, которые, приподнявшись на локтях, наблюдают за резвящимися в море девушками — пухлой рыжей Аней и крепкой высокой Леной, которые брызгают друг в друга водой и весело хохочут.

— Как водичка? — спрашивает подруга, расстилая свой пляжный соломенный коврик и бросая рядом с ним панамку.

— Хороша-а, — протягивает Артем и поднимает руку, когда замечает растерянно озирающегося Сашу, который вместе с Яном только вышел из воды и немного дезориентировался.

Друзья медленно подходят к нам, и чувствую себя, как в рекламе мороженого, где действие происходит на пляже. Взгляд фокусируется только на оливковой коже Яна, поблескивающей маленькими каплями воды под лучами яркого солнца. Без одежды он выглядит ещё лучше, и я не знаю, что мне нравится больше — широкие мускулистые плечи или немного рельефный торс, выдающие в нем не завсегдатая качалки, а настоящего спортсмена. Маленький друг и правда превратился во взрослого уверенного мужчину, и от неизбежности моего к нему влечения теперь никуда не спрячешься.

— Ну наконец и вы решились, — улыбается Саша, с интересом рассматривая мою подругу.

Я же чувствую себя неуютно под мягким взглядом Яна, который словно понимает, что со мной сейчас происходит. Несмышленная девочка внутри снова просыпается, и я даже не чувствую, как песок опалает кожу ног. Перевожу взгляд с Саши на Яна, пока моя подруга что-то им говорит, и пытаюсь убрать неуверенность, которая возникает, как только я понимаю, насколько миниатюрная и скованная по сравнению с ним.

Наконец они заканчивают обмен незначительными репликами, и мы с Сашей идем к морю. Я чувствую преследующие нас взгляды, но как только кончики пальцев ног касаются кромки воды, я забываю обо всем и стремлюсь вперед, а затем резко погружаюсь в морскую прохладу и отплываю от берега. Волны нежно качают меня на своих крыльях, принося умиротворение, и стоит мне закрыть глаза, спасая их от налетающих соленых капель, как я слышу в их легком шуршании отдаленный шелест трав под порывами ветра.

Мне всегда хотелось однажды ночью устроиться на берегу моря с любимым человеком, вслушиваться в шепот волн и любоваться лунной дорожкой, ощущая под пальцами мелкие шершавые крупинки песка. Или же я представляла, как оказываюсь в пшеничном поле, ложусь на спину и смотрю в голубое бесконечное небо, по которому плывут легкие перистые облака. Этот цвет бескрайней глубины меня всегда манил и приносил успокоение, словно говоря, что всё будет хорошо и что кто-то сверху мне обязательно поможет, потому что всё, что происходит под этим прекрасным небом, не может принести ничего плохого.

Море остудило моё волнение, и на берег я уже вышла преображенной, с тихой надеждой в сердце. Соломенная поверхность подстилки нагрелась и пахла летним полем, я вдохнула этот травяной запах и позволила теплым лучам прикоснуться к моей спине. Рядом говорили о чем-то веселом и в то же время неважном, но я выделяла только слова Яна. От тембра его бархатного голоса бежали мурашки по телу, но я постепенно вновь к нему привыкала. Он изменился и перестал быть безбашенным скейтером, не сомневающимся, что каждая девочка только о нём и мечтает. На смену самоуверенности пришла мужская надежность и внутренне достоинство, от чего он казался намного более притягательным.

Я стала переворачиваться на спину и поймала взгляд Яна. Он был спокойным и изучающим, и мне не захотелось быстро отводить глаза, беспокоясь, что меня поймали с поличным. Я легонько улыбнулась ему уголками губ, а потом откинулась на коврик и посмотрела на небо. На русском языке это слово такое удивительное, немного нежное и при этом основательное, а на английском — звонкое и лучистое. В такие солнечные дни этой голубой бесконечности больше подходит название «скай», это простое словосочетание звуков словно манит в свою глубину и зовет совершать подвиги, немного необдуманные, но обязательно с хорошим концом.

Когда солнце начало обжигать, мы решили пойти пообедать в кафе, располагавшееся рядом с пляжем, предварительно переодевшись и приняв душ. Я надела легкое цветное платье с тропическим рисунком, а волосы не стала мыть после морской воды. Они очень красиво завились, так как высохли на солнце не расчесанными, и хотя от соли были немного жестковатыми, мне не хотелось их мучить достижениями цивилизации. Пришло время наслаждаться отдыхом, и я буду такой, какая я есть.

Обед прошел весело и непринужденно, и я, к своему удивлению, смогла расслабиться и даже шутить, хотя незнакомые компании меня обычно немного пугали. Ян с Сашей вспоминали забавные случаи с их работы или службы в воздушно-десантных войсках, а их друзья уверяли, что однажды они тоже обязательно прыгнут с парашютом и подбивали своих девушек составить им компанию. Я, хоть и всегда хотела полетать на самолете, открещивалась, потому что парашют — это уж слишком экстремально, а вот Саша заинтересовалась, вернее, её привлекала возможность обучения у одного конкретного инструктора.

После обеда кто отправился подремать в комнаты и восполнять отсутствие сна после поезда, мы же с Сашей решили поскорей загореть и вновь пошли на пляж в самое пекло. Обычно духота в городе вызывала у меня неприязнь, а когда я представляла, какво людям живется в тропических лесах в повышенной влажности и высокими температурами, мне становилось совсем не по себе. Наверное, это то ещё испытание — находиться там. Но в том, как солнце опаляло кожу, было что-то мазохистски-приятное, и почему-то совсем не беспокоил тот факт, что крем от загара мы с Сашей так и не купили, но у нее, в отличие от меня, кожа более смуглая.

Когда к нам присоединились остальные, во всё ещё ярком вечернем солнце кожа выглядела лишь немного подрумянившейся, но по приходу в номер в свете обычной лампы ясно стало видно, что поход на пляж в полдень был глупой ошибкой. Струи воды под душем не приносили свежести, а лишь уносили с собой песок и как будто обжигали особо красные места — живот, грудь и верхнюю часть ног. А про нос и щеки и вовсе говорить нечего.

Ещё в кафе мы совместным решением определили, что в те дни, когда не будем никуда ходить обедать, готовить будет каждая комната по очереди, и в этот раз нам очень повезло, что был не наш черед. Наша компания уместилась за двумя столиками, которые стояли прежде по отдельности в разных частях балкона.

Когда я вышла на ужин, аля не только от ожогов, но и от стыда за свою непредусмотрительность, то удостоилась сочувствующих вздохов и шутливых подколов. Не совсем на это я рассчитывала, когда намеревалась поскорее приобрести золотистый загар. В молчании я быстро расправилась со своей порцией омлета, потом посидела ещё немного, не принимая особого участия в разговоре, и отправилась в номер, ссылаясь на головную боль от перегрева. Очень не хотелось, чтобы Ян видел меня такой, но деваться было некуда, поэтому единственное, на что я могла надеяться — запереться в комнате на вечер и ожидать, что завтра краснота спадет.

Я устроилась на кровати с легкой романтической книгой, но никак не получалось вникнуть в сюжет и не думать о Яне. Забежала Саша, сказала, что они всё же немного прогуляются по улице, но я отказалась присоединяться к компании, к тому же голова и правда начала болеть. Я надела пижаму, состоящую из коротких шортиков и свободной майки, и устроилась под одеялом, не прекращая попыток понять смысл происходящего в романе.

Через пару часов, когда маленькие барабанчики прекратили отбивать первобытный ритм в моей голове и стало клонить в сон, послышался стук в дверь. Учтывая, что никаких шумных голосов, возвещающих о возвращении компании, на балконе не было, я насторожилась и совсем некстати вспомнила, что не заперла дверь. Но делать было нечего, кому-то я всё-таки понадобилась.

— Войдите, — это единственное, что я могла ответить, понадеявшись, что никакой грабитель всё же не заинтересовался мой скромной персоной и не менее скромным кошельком.

Дверь отворилась, и вошел Ян, одетый в легкие бежевые штаны и более темного оттенка футболку. Он внимательно оглядел комнату, сначала не заметив меня на кровати, а потом застыл на месте:

— Ты уже спишь?

Я приподнялась повыше на подушке, так как во время чтения скатывалась всё ниже и ниже, и можно было и вправду подумать, что я решила поспать.

— Да нет, книжку просто читаю, — я немного подняла вверх руку с книгой, одновременно радуясь, что он зашел, и не понимая, как себя с ним вести.

— Хорошо, — он улыбнулся. — Я принес тебе крем после загара. Когда мы гуляли, я заметил ещё открытую аптеку и вспомнил, что кто-то из нас в нем срочно нуждается.

Ян подошел ближе и замер возле стола, а потом спросил:

— Мне его на стол положить?

— Давай сюда, — я немного замешкалась, но потом вылезла из-под легкого одеяла и подошла к нему. В конце концов, мы кучу раз ночевали вместе, и я прежде совсем не

стеснялась расхаживать перед ним и просто в трусах и майке. — Спасибо.

Он протянул мне тюбик с кремом и кивнул в ответ на мою благодарность. Я подошла к зеркалу и стала намазывать нос и щеки, видя его отражение так близко, что можно было дотронуться до него рукой.

— А где все? — спросила я, так как он вроде не собирался уходить.

— Гуляют. А Саши определенно нашли друг друга, — он хмыкнул, наблюдая за моим затылком.

— А ты принес мне крем, — это был не вопрос, а утверждение.

— Да, — он улыбнулся одними уголками губ, и мне было приятно узнать, что он улыбается, даже если его никто не видит.

Я закончила втирать крем в лицо и повернулась к нему:

— Тогда ты определенно заслужил чай как мой спаситель. Будешь?

— Давай, — он пожал плечами и наконец перестал стоять столбом. Стул немного скрипнул под его весом, хотя у Яна определенно не было лишних килограмм.

Я достала кипяtilьник, который примостился на холодильнике, набрала в мою и сашину кружки воды из крана и начала кипятить первую порцию. Затем достала коробочку с чаем и печенье и села на стул напротив.

— Ты не против, если я на немного отлучусь и намажу кремом тело?

Нестерпимо хотелось нанести это чудодейственное средство и на остальные, более скрытые участки кожи, и сейчас я чувствовала такой прилив свежести на лице, что мне хотелось расцеловать Яна только лишь в благодарность, не говоря уже обо всех остальных мотивах.

— Нет, конечно, — он перенес кипяtilьник из одной кружки в другую, а я тем временем отправилась в ванную, стесняясь обмазываться кремом при нём.

Но в ванной я застряла дольше, чем планировала, а всё из-за того, что не могла дотянуться до спины. Наверное, успела вскипеть вода и во второй кружке, когда Ян догадался спросить:

— Может, тебе помочь?

От такого предложения по освобождению от жжения я отказаться не могла, даже не смотря на застенчивость, и открыла ему дверь.

— У меня спину не получается намазать, — я смущенно улыбнулась, протянула ему крем и повернулась спиной, приподнимая просторную майку на спине.

Ян без слов взял крем, выдавил на руки и принялся легкими движениями его втирать. Это было так легко и естественно, что я расслабилась и вспомнила, как я любила его руки тогда — первые мужские руки, которые до меня дотрагивались не по-дружески. Он закончил называть крем и отстранился, кончиками пальцев потянув за края футболки, которые я держала на уровне плеч. Я поняла этот знак и отпустила её, позволив Яну целомудренно укрыть мою спину. Затем пробормотала «спасибо», а он — «не за что» и принялся умыть руки под струей воды. В тесной ванной я особенно остро чувствовала его присутствие, но мне не хотелось бежать сломя голову прочь. Ян же вытер руки полотенцем и спокойно вернулся на свой стул, где по-хозяйски принялся заваривать нам двоим чай. В его поведении не было ничего наглого, и я даже не поняла, хотела бы я, чтобы он продолжил вести себя так же самоуверенно, как в детстве, или же нет.

С этими мыслями и даже некоторым разочарованием я вернулась к столу, не зная, о чем с ним говорить, и в то же время пытаюсь найти тему, чтобы он не ушел.

— Ты очень изменился, — сказала я, отпивая всё тот же мятный чай и обжигая себе язык.

— Ты тоже, — кивнул головой он, пристально меня рассматривая. — Я помнил тебя другой.

— Какой? — не удержалась от вопроса я.

— Очень... ммм... колкой, — он немного замялся, подбирая слова, но потом продолжил: — Помню, меня очень обижало, что ты считала меня глупым мальчишкой и только и делала, что шарахалась прочь.

— Это уж ты сам заслужил, — не могла не упрекнуть его я, чувствуя, как жжет во рту язык и жжет в сердце от того, что самым главным определением для меня того времени было «колкая».

— Да-а, — он улыбнулся и покачал головой. — Я, наверное, и правда был глупым мальчишкой, как ты и говорила. Даже когда мы снова встретились, ты, кажется, отнеслась ко мне настороженно. По старой памяти.

— Да ладно, ты ничем особо не отличался от других мальчиков того же возраста, — я решила тоже немного пооткровенничать. — Меня жутко злило, что ты считаешь себя самым-самым и всё делаешь лучше всех, поэтому по-детски хотелось тебя немного осадить и поучить уму-разуму. А так как подражаться с тобой на равных у меня бы уже не получилось, приходилось пользоваться языком.

— Ты меня однажды так вывела из себя, что я выкинул все фигурки динозавров из киндера, которые собирал весной для твоего приезда, чтобы подарить, — он усмехнулся, отпил чай и даже не скривился, несмотря на то, что тот был ещё очень горячим.

— Правда? — у меня от новости даже рука дрогнула, и чай чуть не вылился на стол. — Как ты мог! Ты же знал, что я пыталась собрать всю коллекцию!

— Ммм... — он задумался и снова отхлебнул чая. Да как он его вообще пьёт? — Что же ты сказала тогда... Я показывал тебе фигуры на скейте, которые выучил за год, а ты сказала, что это глупое занятие и лучше б я книжки почитал, а то не знаю, кто такой Есенин. После этого я даже как-то почитал его стихи, но мне они не понравились особо, только один и запомнился.

Я, наверное, смотрела на него глазами по пять рублей, потому что он говорил что-то невероятное. Я тот день помнила совершенно иначе и да, тогда и правда наговорила ему гадостей совершенно сознательно.

— В тот день рядом на лавочках сидела куча девчонок, и все они хихикали и обсуждали тебя. Я решила, что ты бахвалишься перед ними, вот и надо сказать тебе что-нибудь неприятное, — объяснила свою детскую позицию ему я.

У него брови поползли вверх, и он задумчиво хмыкнул. Наверное, догадался, что за моими злыми словами стояла тогда обычная, но ещё не осознанная ревность. Но мне было всё равно. Пусть знает.

— А что за стих-то? — я решила перевести разговор в другое русло.

— «Шаганэ», знаешь такой?

Я пожалала плечами, ибо, несмотря на мои якобы широкие познания в русской литературе, знала о Есенине только пару моментов биографии и какие-то отдельные четверостишия из стихов про природу.

— Ну как же:

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне...»

Он прочитал начало, но, видя мои недоумевающие глаза, добавил:

— Я тогда его запомнил, потому что понравилась пара строк... А потом, когда на литературе задали учить какое-либо стихотворение Есенина, выбрал его. С тех пор и помню.

— Я, правда, не знаю. Но звучит очень красиво, — я улыбнулась ему, он очень мило рассказывал стихотворение. — А какие строки тебе понравились?

Ян на секунду нахмурился, припоминая их. Наверное, они были примерно из середины стихотворения, потому что в таких случаях бывает, что пока не прокрутишь в голове предшествующие строки, нужное и не вспомнишь.

— Кажется, там было что-то вроде этого:

«... Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли...»

Ян взлохматил свои волосы и немного смущенно продолжил:

— Не знаю почему, но эти слова с детства запали мне в душу. Вот уж сколько лет прошло, а помню. И вот ещё мне нравилось:

«... Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне».

— Очень красивое стихотворение, — не могла не заметить я. Такой возвышенный образ, он у меня самой так и стоял перед глазами: парень с золотыми волосами и кудряшками, как у Есенина.

— Наверное, это вообще единственное стихотворение, которое я знаю, — улыбнулся Ян и одним махом допил свой чай.

Подумать только: парень прочитал стихи, но при этом ни на грамм не растерял мужественной уверенности. Я смотрела на него, как зачарованная, и он улыбался мне в ответ глазами и уголками губ.

Но тут послышался шум на лестнице, потом топот по балкону, и дверь распахнулась, явив нам веселых и смеющихся лучших друзей. Они начали наперебой рассказывать про пьяного туриста, который пытался жонглировать двумя дынями, и нам с Яном ничего не оставалось, как поддаться их общему веселью и начать смеяться в голос до боли в щеках.

Позже, когда мы с Сашей улеглись спать и пожелали друг другу спокойной ночи и снов о наших соседях, я думала о стихотворении, рассказанном мне Яном. Наверное, если бы я его нашла сама, то тоже не смогла бы остаться равнодушной. Слова «дорогая, шути, улыбайся, не

буди только память во мне про волнистую рожь при луне» так и вертелись в моей голове, скрывая за собой нечто важное и очень знакомое, что я забыла по какой-то нелепой случайности.

Вечернее солнце приятно согревало, напоминая, почему я поселился на юге. Летом оно уже не так радовало, вызывая порой раздражение, когда в полдень вся жизнь замирала и невозможно было ничем заняться без риска для здоровья. Сейчас красно-белая кепка укрывала мою седую голову, маленькие капельки то и дело оседали на хлопковых брюках, заправленных в высокие резиновые сапоги, а пластмассовый шланг в руке, подключенный через распахнутое окно к крану на кухне, освежал после жаркого дня грядки моркови, кабачков, огурцов, томатов и прочих овощей, которые росли на небольшом участке позади дома. Раньше я набирал воду в большую металлическую бочку, а потом зачерпывал её оттуда лейкой и орошал растения на огороде, но теперь руки уже не держали такую тяжесть. Что ж, во всем есть свои преимущества. Из шланга можно побрызгать на соседских детей, когда они забирались за забор и таскали груши. Не то, чтобы мне было жалко желтых плодов, но я бы с радостью их сам угостил, если бы они догадались спросить разрешения. Но им больше удовольствия доставляло воровать их тайком от деда. По себе помню, в детстве вкус стащенной с соседского огорода редиски вкуснее, в то время как родительскую есть было неинтересно.

— Эй, дядя Бойко, вы где? — послышался громкий голос Татьяны, перекрывающий шум воды.

— Я за домом! — что есть мочи крикнул я, но голос был уже не тот, и вышло намного тише, чем мне бы хотелось.

Но Таня каким-то образом услышала мой ответ и завернула за угол, чтобы резко остановиться и начать воинственно сверкать на меня глазами.

— Это уже ни в какие ворота! Вам нельзя работать! Вам вообще прописан постельный режим, что это вы такое удумали?

Она, забыв про босоножки, попыталась ступить на мокрую землю, но я вовремя выпалил:

— Я заканчиваю! Таня, стой на месте, ноги намочишь!

Я быстро полил последнюю грядку с укропом и положил шланг на землю, а затем быстро, насколько это возможно в моем возрасте, пошел в дом, чтобы закрыть кран. Хорошо хоть не забыл разуться, а то Татьяна совсем сбила с мысли, и я вполне мог оставить за собой грязный след по пути. Пират побежал за мной, виляя хвостом. Вот уже с час как он не мог со мной поиграть, приученный с помощью того же шланга не заходить на огород во время полива, иначе ему пришлось бы потом ночевать на улице, пока грязь с лап не отряхнет.

Наконец я отцепил шланг, помыл руки и закрыл кран, а затем устало опустился в кресло. Голова снова немного закружилась, и я предпочел остаться на месте. Татьяна вошла вслед за мной на кухню и, видя открывшуюся перед ней картину, поцокала языком, а затем налила стакан кипяченой воды и поднесла его мне. Глоток прохладной жидкости был мне необходим, но было бы неплохо в следующий раз вынести самому себе на столик за домом кружку компота или той же воды, чтобы подобное не повторилось. Но теперь я вечно забываю всякие мелочи, и, наверное, пора с этим смириться. Старость уже наступила, пора это принять и дать себе поблажку.

— Как вы сейчас? Готовы? Или подождать чуть-чуть? — тревожно спросила Таня, заглядывая мне в глаза, как будто пыталась обнаружить в них признаки слабости.

— Да нормально, давай уже коли. Останется всего лишь семь и можно будет хоть на танцы в клуб идти, — улыбнулся я. Не то чтобы иголки меня пугали, но хотелось поскорее закончить с уколами и почувствовать себя здоровым. Хотя можно ли быть вообще здоровым в моем возрасте?

— Вам бы всё шутки шутить да байки рассказывать, — проворчала она, разбирая инструменты.

На этот раз она не стала доверять своим глазам и пальцам, и решила измерить давление не вручную. Результат её более-менее устроил, поэтому она вскрыла ампулу с лекарством и стала набирать шприц. Вскоре меня вновь окутало уже знакомое ощущение пробегающего по венам огня. Голова снова закружилась, и я закрыл глаза.

Постепенно приходя в себя, я вспомнил, что Татьяна ещё ждет и предложил ей:

— У меня там вкусный свекольник, хочешь?

Она отрицательно покачала головой, но согласилась на чай, и уже как хозяйка поставила чайник на плиту и засыпала в кружки травы. Затем уселась за стол и спросила:

— Мне кто-то говорил, что вы не местный, дядь Бойко. Из Болгарии вроде. Расскажите, как вы попали в наше захолустье? Тут, конечно, тепло, и лиман под боком, но всё же определенно не центр мира.

Я улыбнулся, головокружение мигом спало. Это была моя любимая тема.

— Из-за любви я тут оказался, из-за любви, — я покачал головой, погружаясь в те давние времена. — Ты, наверное, слышала раньше, что уже был женат. Смутное тогда было время, кругом война, каждый день казался последним. Я женился на Лале ещё студентом, мы ютились в крошечной комнатке в общежитии, а затем у нас появился Януш, и мы были счастливы втроем, хотя жизнь, казалось, висела на волоске. И, наверное, именно это ощущение риска, последней надежды, ощущения себя живым рядом с другим человеком и держало нас вместе. В войну пришлось бросить университет и подрабатывать на заводе, а когда она закончилась, я вновь вернулся к учебе. И чем скорее я приближался к окончанию моего обучения, тем сильнее мы отдалялись друг от друга. Мы были совсем чужие, теперь я ясно это понимаю. К заключительным экзаменам мы уже перестали жить вместе, и я лишь давал деньги на ребенка, а она начала строить отношения с другим человеком. Когда же пришло время археологической практики, а по образованию я археолог, а не учитель истории, я решил уехать как можно дальше, начать жизнь с чистого листа. Выбрал Украину, море и общество местных краеведов, которые искали в Геническе остатки крымскотатарской или турецкой крепости.

— Я и не знала, что в наших местах есть нечто подобное, — удивилась Татьяна.

— Да, Геничск не так скучен, как тебе казалось. Но нам летом, рядом с солнцем и пляжем, и вовсе не было скучно. Мы проводили какое-то время на раскопках, а потом пили вино и гуляли с разными барышнями. Тогда я и повстречал её.

— Тетю Ярославу? — догадалась Таня. Наверное, у меня менялся голос, когда я говорил о ней — самом дорогом для меня человеке.

Я вновь вспомнил день нашего знакомства. Была ночь, мы с друзьями купались в ещё теплом Азовском море. Вода была словно парное молоко, и даже я, не особо умеющий плавать, так увлекся этим процессом, что просто столкнулся с ней в воде. Она вдруг вынырнула непонятно откуда, но вместо того, чтобы поругаться на меня, засмеялась. Я тоже засмеялся, и мы всё никак не могли остановиться, пока мои друзья и её подруги не принялись кричать нам с берега. Тогда мы вернулись на сушу и объединили наши компании.

И с той самой теплой южной ночи стали неразлучны.

— Да, её, — улыбнулся я и отпил чая. Этот запах всегда напоминал мне о ней, будь она в соседней комнате или в другом городе. — Мы познакомились ночью на море, а потом стали проводить вместе каждый вечер. Она оказалась студенткой, хотела стать учителем начальных классов. Моя Яра очень любила детей, и постоянно обращалась с ними как со взрослыми, даже не думая примерять роль кумушки-наседки. Я остался в городе и подрабатывал то там, то сям, а когда её после учебы распределили в Юзкуи, как тогда ещё называли Фрунзе старожилы, поехал за ней. Мы поженились, а вскоре и мне дали место учителя истории. Так мы и стали учительской семьей, — подытожил я.

— А что же стало с вашей первой женой? — поинтересовалась Таня, подливая себе ещё кипятка. Женщинам всегда так интересны дела сердечные, они готовы разговаривать о них часами. Яра — совсем не такая, вот уж кто был главным в нашем доме и прощал мне пустую болтовню.

— Она осталась жить в Болгарии, вышла замуж за приятного мужчину, и они были очень счастливы. Как только мы освоились тут, во Фрунзе, Януш стал приезжать к нам на лето, они с Ярой прекрасно ладили. Она даже научила его нырять, а я вот так и не освоил этот прием, — по правде сказать, мне не очень-то и хотелось его осваивать, я лишь плавать на спине худо-бедно научился. А вот Яра была словно рождена для жизни у моря, так любила плавать разными стилями или просто качаться на волнах.

Я замолчал и задумался о том времени, когда мы были ещё молоды. Помнится, когда нам выделили этот дом, он был в совершенно плачевном состоянии, разве что абрикосовое дерево росло на этом месте. Но в тот момент, как он предстал перед моими глазами, я вообразил, каким он должен быть в будущем. Я заказал сварщику скелет для арочного навеса над тропой к дому, а потом посадил виноград. Со временем он тесно оплел железные прутья, и теперь, чтобы их увидеть, пришлось бы очень долго вглядываться в густую массу зелени. Затем я купил, а частично и обменял у соседей саженцы груши, крыжовника, смородины, а позади дома посадил черноплодную рябину и дерево грецкого ореха, из которых мы потом готовили домашнее вино и настойки.

Хлипкий дом постепенно становился тем домом, о котором мы оба мечтали. Яра мало обращала внимание на хозяйство, больше играя с нашими детьми или оставаясь с учениками после уроков на дополнительные занятия разных кружков. Очень активной, ей не хватало усидчивости для ухода за огородом или приготовления еды. Правда, со временем она всё же освоила несколько видов каш, но только из-за детей.

— Ты вот говоришь, что здесь определенно не центр мира, да и Яра так думала, — вспомнил я её яростные выпады, так подходящие её имени. — Но когда я оказался в этом поселке, впервые прошелся по улицам, впервые увидел наш дом, то сразу понял, что это место очень и очень важное. Есть в нем то, чего не было в Болгарии, и я явственно чувствовал, что оно сделает меня счастливым. Так всё и вышло. А уж когда я побывал на лимане, то и вовсе влюбился в него.

— Вы до сих пор романтик, дед Бойко, — она улыбнулась, назвав меня так же, как называли меня её дети. — Вечно видите во всём высший смысл. Иногда дом — это просто место, где ты живешь, а улица — то, что позволяет тебе не пробираться сквозь лесные заросли. Вы ведь когда-то даже писали в журналы, что же случилось? Неужели вам не хотелось выбраться из этой западни?

— А кто сказал, что я нигде не бывал? — я постучал пальцем по виску, привлекая её

внимание. — Все мои путешествия со мной, в моей голове. Иногда есть время бежать сломя голову, нестись навстречу заветной мечте, не замечая ничего на своем пути, но приходит черед и остановиться, перевести дыхание, чтобы потом начать бой с нужной силой. Мне довелось передохнуть и поразмышлять, и людям надо бы чаще думать о том, что раз судьба дает им возможность плавно плыть по течению, то не стоит цепляться за все ветки и камни, которые ты видишь по берегам, лишь бы ей противиться.

— Не сказала бы, что я с вами согласна, — хмуро ответила Татьяна, тридцатилетняя женщина, мать двоих детей, врач целого поселения и любимая жена.

— А кем бы ты хотела быть, если бы могла что-то изменить? — спросил я, не настаивая на своём. В конце концов, то — мой путь, а её может быть совсем другим.

— Да у меня такие же желания, как у всех женщин, — она криво улыбнулась и самокритично заметила: — бабские. Я бы хотела стать известной, ездить с концертами по всему миру или хотя бы по СССР, то есть, странам бывшего Советского союза. Жаль, бог не дал мне прекрасного голоса, и когда я подпеваю песням с радио, то кривлюсь от звуков, выходящих из моего собственного горла. Поверить не могу, что мои же связи так меня предают, не позволяют осуществить свою мечту. А так бы хотелось... выйти на сцену в драмтеатре, и все тебе хлопают, и подносят букеты с розами, хризантемами, лилиями... да хоть с гвоздиками! И объявляют при этом «Народная артистка СССР», а мой муж сидит в первом ряду и смотрит на меня полными восхищения глазами!..

— Уверен, он и так тобой восхищается, — заверил женщину я. У неё покраснели глаза и кончик носа, выдавая желание заплакать, и я уже пожалел, что вообще об этом спросил. — Ты — женщина с медицинским образованием...

— Да я всего лишь медсестра, — прервала она меня.

— ... очень привлекательная при этом женщина, — продолжил я, не обращая внимания на её слова. — Уверен, все мужчины Фрунзе это замечают, и тебе об этом заявляет даже такой старый хрыч, как я. Твой муж практически не пьет, что в нашем селе редкость, к тому же ударный работник труда, лучший тракторист, а дети один другого умнее! Маруська, говорила мне Наталья Сергеевна, уравнивания как семечки щелкает, а Павлик пошел в отца, золотые руки, сам что хочешь выстрогает или высверлит. А ты нюни распустила, когда дома у тебя таки сокровища!

— Да я же...

— Понял я тебя, понял. Не глупый поди.

Татьяна смотрела на меня глазами с тонкими красными прожилками и шмыгала носом. Она не понимала, как болезненна для меня эта тема. Мой путь привел меня к смирению, но не все люди справляются с обстоятельствами и идут на поводу у времени. Некоторые, движимые изнутри неведомой силой, вырываются вперед: они часами сидят в лабораториях, мастерских или дома за чертежами, лишь бы на шаг, да хоть на несколько сантиметров, приблизиться к мечте, обогнать время. Другие же не имеют никакой возможности найти своё место в этом мире и, как Татьяна, жалеют о чем-то несбывшемся. Всё их существо стремится к раскрытию своей сущности в полной мере, но чем сильнее они стремятся к этому, тем больше противодействия получают в ответ.

Иногда единственным правильным решением остается замереть на месте и просто подождать.

В лучах яркого утреннего солнца, постепенно заполнявших пространство западной части библиотеки, порхали мелкие частички пыли. Каждый раз, когда я переворачивала страницу желтоватой шершавой газеты, они вновь приходили в движение и заново начинали свой причудливый танец.

Геническ уже давно проснулся, хотя было ещё довольно рано. По пути в библиотеку я встретила группы женщин, спешащих на рынок в своих платьях и шортах попугайских расцветок, которые они носят только на юге, маленьких детей, показывающих во все стороны пальцами и уговаривающих мам купить им порцию мороженого или приглянувшуюся ракушку, и хмурых мужчин с жестяными банками пива в руках, вынужденных следовать за своими вторыми половинками. Мне не было страшно искать нужный дом, в незнакомых местах я всегда чувствовала себя увереннее, чем в родном городе, и без труда обращалась к людям за помощью. Так, жена владельца нашего мини-отеля, загорелая женщина с сухой кожей и темными глазами, объяснила мне примерный маршрут до библиотеки, а торговки корректировали мой курс, если я сбивалась и останавливалась уточнить у них месторасположение ориентиров.

Вчерашнее чрезмерное пребывание на солнце оказалось мне на руку. Я изъявила желание остаться в номере наедине с чудодейственным охлаждающим средством, а как только шумная компания покинула территорию пансионата, надела соломенную шляпу с широким полями и отправилась в пеший поход до нужного места. Подумав, по пути я зашла в супермаркет и купила коробку конфет, надеясь ими и слезливой историей уговорить библиотекаря впустить меня. Этот коварный план сработал идеально, пожилая женщина, скучающая в маленьком помещении из-за отсутствия других сотрудников, которым довелось заполучить отпуск в летнее время, прониклась историей о поиске дальнего родственника и даже помогала в поиске нужной информации.

Из-за волнения, вызванного присутствием Яна, я начала забывать, зачем я, собственно, сюда прибыла. Но одинокий путь до места назначения заставил меня подумать о моей цели тщательнее. Не представляя, как в горе подшивок газет искать Видинского, я решила проанализировать имеющиеся у меня негустые факты. Он писал фантастику — это раз, был историком — два, жил в Херсонской области, возможно, в самом Геническе — три. Это никак не сужало область поиска, пока я не вышла к ещё одному ориентиру — памятнику дружбы городов-побратимов, пережитку советских времен. Мне подумалось, что Бойко мог быть ветераном войны или заслуженным учителем или кем-то в этом роде, а чаще всего информация о таких людях проскакивает в газетах в период национальных или местных праздников. Интернет подсказал, что День освобождения Украины от фашистских захватчиков празднуют 28 октября, а очередная владелица палатки с туристическим мусором после некоторых раздумий вспомнила, что День города Геническа празднуют где-то в конце сентября. Это задало хоть какие-то параметры поиска, ограничив его до пары месяцев в год.

Четыре часа перелистывания страниц и борьбы с приступами чихания — и я нашла первое упоминание. В районной черно-белой газете, датированной 29 ноября 1999 года, было размещено общее фото старожилов села Фрунзе, которое располагалось недалеко от Геническа, с описанием их наград. Видинский и правда оказался заслуженным учителем истории, а ещё бывшим заместителем директора Краеведческого музея Геническа. Фото

было крайне плохого качества, и я смогла рассмотреть лишь долговязую фигуру старика с короткими седыми волосами. Наверное, он приехал на Украину уже после войны, а насчет того, как проявила себя Болгария в ходе второй мировой, мне ничего не было известно.

Та же добрая библиотечка с охотой подсказала, как добраться до Фрунзе, и от души пожелала мне удачи в поиске родственника. Мне на секунду даже стало стыдно за обман, но затем я поняла, что ищу совершенно чужого мне человека с гораздо большим рвением, чем искала бы дальнего родственника, а значит, это на самом деле очень важно и может в какой-то мере оправдать мои действия. Да я в другую страну, по сути, только из-за него и приехала.

Выйдя из библиотеки, я обнаружила, что солнце уже нестерпимо парит, а на мобильнике мигают несколько пропущенных вызовов от подруги. Перезвонив, я выяснила, что они вернулись домой и не нашли там меня, из-за чего несколько обеспокоились, а сейчас обедают во вчерашнем месте.

Помещение кафе встретило меня долгожданной прохладой и запахом свекольного борща, который, по всей видимости, был сегодня блюдом дня. Я сняла шляпу, которая прикрывала моё всё ещё красноватое лицо от жарких южных лучей солнца, и с легким сердцем подошла к столику. После вчерашнего разговора с Яном я стала чувствовать себя рядом с ним уверенней и свободней, и уже не так много внимания уделяла своему внешнему виду. Вот и сегодняшняя широкая футболка с морским принтом, оберегавшая самое дорогое — плечи, и короткие голубые джинсовые шорты с бахромой не заставляли меня думать о том, что я выгляжу неженственно и без намека на сексуальность. Уж какая есть, а для долгих походов по городу и вовсе самый лучший наряд.

Поздоровавшись с друзьями и заказав у официантки легкий салат с картофельным пюре, я позволила себе расслабиться. Запахи немного сбивали с толку своей навязчивостью, а размышления о дальнейшем пропитании наводили на тоску о доме. Придется здесь есть одно и то же, я слишком привередлива в еде и с трудом могу оценить что-либо, приготовленное в такого рода столовых-кафе. Но это ещё не самое страшное, вот в гости ходить — то ещё мучение. Приходилось буквально заставлять себя есть блюда, приготовленные чужими руками. Мама со мной в детстве намучилась, конечно, сильно.

— А где ты была так долго? — поинтересовался вездесущий Саша, тоже, кстати, немного подпаленный на солнце.

— Просто по городу гуляла, не хотелось сидеть в номере, а на пляж идти себе дороже, — сказала я правду, хоть и не всю.

— Чего же ты одна пошла? Всё-таки незнакомое место. И полно пьяных мужиков, — недовольный голос Яна принес мне лучик радости. Приятно, что он беспокоился.

— Да ничего со мной не случилось бы, — немного легкомысленно ответила я. — Зато магнитиков купила.

Я достала из сумки пакетик со страшными, но самыми лучшими из найденных, магнитиками, которые покупала по пути, чтобы пойти на контакт с торговками. Девушки сразу же принялись рассматривать и спрашивать, где я купила те, что им пришлись по душе. Объяснения мало что им дали, зато они обрадовались, узнав, что совсем недалеко тут есть рынок.

Саша хмуро на меня смотрела, обиженная за то, что я пошла без неё и что хотя бы не предупредила о том, что уйду. Как теперь ей сказать про Фрунзе? Ведь это не пару-тройку улиц пройти, а всё-таки другое селение. Наверное, пусть они снова отправляются на пляж, а я потихоньку съезжу туда, а если уж буду задерживаться, то позвоню ей и предупрежу.

Тихий час после обеда растянулся на слишком долгое время, и я уже начала беспокоиться, что они никогда не уйдут. Когда же за Сашей закрылась дверь, я встала, снова взяла панаму и сумку, положив туда на всякий случай большую сумму денег, и закрыла дверь номера.

Но далеко уйти мне не дали.

— Ты куда? — раздалось мне вслед, когда я уже спускалась по лестнице на первый этаж. Я и не думала, что кто-то остался. И что этим кем-то был Ян.

— Я... ммм... пойду прогуляться, — снова блеснула оригинальностью я.

Ян вышел из номера и теперь, как Джульетта, стоял на увитом густой растительностью балконе, недоверчиво взирая на меня с высоты второго этажа.

— Я с тобой, — он сказал это и скрылся за дверью, не дав мне и слова возразить и оставив с ошарашенным лицом.

Убежать, пока его нет в пределах видимости, было слишком уж по-детски, но правда звучала бы ещё глупее. Как сделать так, чтобы он остался здесь?

Но Ян, накинув футболку и быстро спустившись по лестнице, остался глух к моим немым мольбам и теперь остановился, недоуменно взирая на застывшую меня.

— Что такое? Ты не хочешь, чтобы я с тобой шел? — он догадался и застыл хмурой статуей рядом. А ведь всё только начало налаживаться.

— Да, — я вымолвила это и тут же пожалела о своих резких словах.

Его лицо не стало более пасмурным, но искорки смеха в глазах исчезли, и я словно почувствовала дыхание холодного ветра, неведь откуда взявшегося посреди летнего вечера. Ян ничего не ответил, а просто развернулся и начал подниматься вверх по лестнице. Тихо скрипнула дверь номера, закрываясь за ним.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Ворота открылись, и вошла молодая пара, живущая на первом этаже. Высокая девушка что-то щебетала сидящему у неё на руках маленьком мальчику, а папа нес огромный полосатый арбуз, шутливо кряхтя и вызывая смех ребенка. Я зачарованно уставилась на эту умилительную картину, не в силах сдвинуться с места. Вот оно — счастье. Настоящая радость. Каково это — быть вместе с любимым, растить его ребенка, просыпаться, видя рядом лицо самого дорогого человека?

Я снова повела себя как маленькая девчушка, побоявшись сказать правду. Пусть он тоже меня обижал в детстве, но я всегда знала, что он никогда намеренно не причинит мне боли. Мы выросли, и он ведет себя слишком миролюбиво, намного лучше, чем я того заслужила. Так почему же я вновь начинаю эту старую игру?

Стоит смириться с тем, что у меня есть к нему чувства, и перестать отталкивать. Если для того, чтобы не начинать войну снова, нужно сказать ему правду, то так тому и быть.

Я вновь поднялась по лестнице и замерла возле его двери. Мои шаги очень тихие, ещё не поздно уйти, и он даже не догадается, что я изменила своё решение. Вспомнился известный рекламный ролик о страхе, где девушка встречает в лесу волка и замирает перед этим воплощением дикой жестокой природы. Но она делает шаг вперед — и его образ рассыпается. Я стучу в дверь, и это и есть мой шаг вперед.

На пороге стоит Ян и взирает на меня с высоты своего роста без каких-либо эмоций на лице. Но я уже не боюсь.

— Извини, — начинаю я и испытующе смотрю в его глаза. Ничего не меняется. — Я не хотела тебя обидеть. Я ничего не имею против твоей компании, просто... я сказала

неправду о том, куда направляюсь.

На лице Яна появляется заинтересованное выражение, и он наконец размыкает плотно сжатые губы:

— И сегодня утром ты не просто по городу гуляла?

— Нет, — я отвечаю и непонятно чего жду. Он же спокойно смотрит на меня, не понимая, как нелегко мне дается это признание и как стыдно говорить об истинной причине.

— Ты мне скажешь, куда направлялась? Или не доверяешь? — Ян облокачивается на косяк двери и перекрещивает руки на груди. Не нравится мне эта поза.

— Я... нет, почему же... доверяю, — выдавливаю слова из себя и смотрю в сторону, не желая встречаться с ним взглядом. — Это глупо. И мне неловко вообще об этом говорить...

Поднимаю на него глаза и решаюсь. Ведь это же он собирал для меня динозавров, что может быть нелепее этого увлечения?

— Знаешь... вернее, конечно же, не знаешь, откуда тебе знать... — я замешкалась, пытаюсь подобрать слова. — Я немного увлекаюсь рисованием. И недавно участвовала в одной выставке, но это была неудачная затея. Там был один художник... очень старый, член Союза Художников... Так вот, он увидел мои работы и сказал, что это плагиат. Но я-то рисовала сама. Потом я узнала, что автор оригиналов живет здесь, и поэтому настояла, чтобы мы поехали отдыхать в Геничesk. Сегодня утром я просматривала подшивки газет и выяснила, что он из Фрунзе, это недалеко отсюда. И вот теперь я еду туда. Всё.

— То есть ты... — начал он и сделал паузу, во время которой я мысленно её продолжила словом «идиотка», — ... едешь вечером в какое-то неизвестное место одна?

Под его теперь уже строгим взглядом я несколько стушеввалась. Я не боялась поездки в это село, но, наверное, разумному человеку стоило бы.

— Ну да, — осталось пожать плечами мне.

— Ты точно решила? — уточнил он, получил мой утвердительный, хоть и немного неуверенный, кивок в ответ и продолжил: — Тогда я с тобой.

— Что? — вырвалось у меня, и я сразу подумала, что могла вновь обидеть его этим резким восклицанием. Я просто подошла извиниться, не рассчитывая на компанию.

— Ты же не думаешь, что я отпущу тебя одну? — он на мгновение скрылся в темноте комнаты, а затем вернулся с сумкой через плечо. Мне пришлось отойти от двери, когда он вышел, не обращая внимания на застывшую меня, а затем легонько подтолкнул рукой в спину, направляя к лестнице.

Мы пошли прочь, почти не разговаривая. Он узнал, как добраться до Фрунзе, и не успела я опомниться, как уже оказалась в несущейся по солнечным улицам Геническа маршрутке. Вскоре город оказался позади, сменившись небольшими кучками домов, а затем и те пропали, оставив лишь желто-зеленые поля подсолнухов.

Дорога оказалась недолгой, или мне так казалось, потому что я больше думала не о проносящихся видах украинской глубинки, а о Яне, сидевшем рядом и касавшимся плечом моего плеча. Я смотрела невидящим взглядом в окно, но каждой клеточкой тела ощущала его присутствие рядом. Он молчал. И я была ему за это благодарна. Его насмешливого тона или ироничных подколов я бы сейчас не выдержала. Мне и так пришлось наступить на горло собственной гордости, чтобы извиниться и рассказать нелепую правду.

Фрунзе оказался небольшим поселком с обилием новых кирпичных домов, располагающихся среди более старых, побеленных по украинскому обычаю, и то и дело

встречающихся развалюх, заросших кустарниками.

Я не знала, куда идти, и поэтому выбрала самый привычный вариант — подошла к первому встречному. Им оказалась женщина за пятьдесят, очень живая и с цепким взглядом, в легком платье в цветочек, напоминавшим халат.

Едва она появилась на пыльной улице, неся в руке ведро с шелковицей, как я сразу направилась к ней, вынуждая Яна идти за мной. Я остановилась рядом, и она не отвела глаз, отмахиваясь тем самым от назойливой девчонки.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась с ней я. — Подскажите, пожалуйста, где я могу найти Бойко Видинского?

Женщина замешкалась, лицо вмиг потеряло приветливое выражение, а глаза погрустнели. Она поставила ведро рядом, обхватила одну дрожащую руку другой и, запинаясь после каждого слова, ответила:

— А его... нет. Он умер. Десять лет как.

Дни завертелись с бешеной скоростью. Нам не давали задания на дом, но всё равно приходилось заниматься, едва переступив порог комнаты. Тренировка была меньшим из зол, после посещения медотсека по её завершении силы постепенно возвращались благодаря чудодейственной сыворотке-стимулятору, а через день от раны на колене не осталось и следа. Я больше не падала, во многом благодаря тому, что зашла в административный отдел и попросила единоразовый доступ к производственному софту. И выбрала из одежды голубую повязку на голову, которая прикрывала уши. Через несколько дней моему примеру последовали и другие девушки, щеголяя в повязках. Тренировки не были совсем уж однообразными. И хотя нас всегда загружали во флаер и по прибытии на место устраивали зарядку, потом нам приходилось либо бежать по холодной каменистой пустыне с редкими насыпями, либо по тайге, постоянно перепрыгивая через поваленные стволы деревьев и оббегая труднопроходимые кустарники, либо по более-менее равнинной местности с редкими ползучими растениями и яростным завывающим ветром, сбивающим с ног. Это представлялось не таким сложным, потому что физически было выполнимо. Я по-прежнему плелась ближе к хвосту и теперь уже всегда обгоняла девушку с косичками. Шота стал моим негласным напарником, мы бежали рядом в одинаковом темпе и даже здоровались каждое утро.

Сложнее всего было с другими предметами. Практическое моделирование мне совсем не давалось, равно как и другим. Группа по этому предмету была самой большой. Нас всего в этом лагере было около сотни, и казалось, что почти вся часть желающих стать научными исследователями, то есть около половины от общего числа испытуемых, собирались ежедневно в двенадцать часов в промышленном зале. Не знаю, как делали это люди раньше, до появления чипов. Мы работали с тем самым старым программным обеспечением, которое практически не менялось уже на протяжении полутора веков, потому что его пришлось бы изменять только ради нас, не имеющих чипа. Даже моя мама могла моделировать какие-то предметы интерьера без микры, полагаясь на один только чип. За три недели занятий я изготовила только какой-то допотопный обогреватель и разные предметы одежды и посуды. Наверное, десяток отсутствующих на трехмерном моделировании человек планировали быть космоинженерами или механиками, и я даже не представляю, насколько они умные и как вообще могут создавать при необходимости сложный софт для космолетов самостоятельно, только при помощи стандартной программы.

Строение космических аппаратов и основы пилотирования тоже не радовали. И если худо-бедно я могла понять, из каких частей состоит космолет или обычный орбитальный шаттл, то с пилотированием были реальные проблемы. Всё в системе имитации полета сбивало с мысли, ручное управление не давалось абсолютно, а в итоге я должна была понимать, как в случае необходимости на него перейти и пролететь небольшой астероидный пояс. Но я сажала шаттл на деревья, а не на поляну среди леса, отбивала или царапала различные части обшивки флаера, заходя на посадку под острым углом в гористой местности и порой даже врезалась в спутники, что было совершенно невыносимым, ибо не заметить даже в иллюминатор такую громадину не представлялось возможным.

С друзьями тоже были проблемы. Утренние переглядывания с Шотой в счет не шли, у нас с ним было совсем немного совместных занятий и дальше простого замечания друг друга

в зале дело не дошло. Со мной дружить никто тоже не рвался. Что делать в такой ситуации, мне было неизвестно, голову посещали лишь глупые мысли вроде отыскать на карте, в каком доме он живет, завалиться к нему с двумя рожками мороженого и предложить совместную прогулку или же подкараулить его после занятий. На совместных лекциях при всех было уж очень страшно к нему подойти.

Кроме него, в более-менее добрых отношениях я находилась лишь с Атоном, но он — преподаватель, так что не считается. Его белокурую макушку я видела иногда из окна своей комнаты, он порой прогуливался по вечерам по дорожками с другими девушками-курсантами. Ничего удивительного, всё-таки ему около двадцати, в это время все уже с другим полом не только дружат, но и встречаются.

Но однажды судьба решила перестать быть такой злодейкой и постаралась аннулировать все мои проблемы одним махом.

После полудня я возвращалась к своему домику после астрометрии, мечтая в это освободившееся окно в два часа попрактиковаться на планшете в портативном 3DMaker, чтобы достичь хоть каких-нибудь успехов в освоении этой программы для трехмерного моделирования физических объектов. Солнце стояло в зените, вокруг было довольно пустынно и безмятежно, разве что птички не пели. Пройдя жилищных корпус тренеров, я стала огибать по широкой дуге ненавистное здание пятимерных пространственных имитаций, где всегда проходили занятия по пилотированию.

Из-за угла неожиданно показался бегущий Атон, но, завидя меня, он резко сбавил скорость и напустил на себя благодетельный вид. Насколько я знала, в этом здании также проходили тренировки по стрельбе, которые он и вел. А сейчас тренировка шла, а его на ней, по всей видимости, не было.

Я думала, что он забежит внутрь и проигнорирует меня, мы ведь уже сегодня утром виделись и здоровались, но он остановился возле входа и стал пристально на меня смотреть, ожидая, что я к нему приближусь. Пришлось снизить радиус огибания и подойти ближе.

— Пойдем со мной, — приказал мне он. И я пошла. Отказывать просьбам преподавателей во все времена грозило бедой, а уж неприятности мне сейчас не были нужны.

Он прошел вперед, приложив палец к двери. Когда она поднялась вверх, остался стоять под ней, чтобы она не опустилась, пока я не пройду. Его голубые глаза, ярко выделяющиеся на фоне синей формы курсанта, азартно сверкали, а во всей позе сквозило какое-то нетерпение. Я шустро проникла внутрь и оказалась в знакомом холле. Тут было несколько залов, в которых проходили разные игровые тренировки. Мы обычно занимались в третьем слева, он же меня повел ко второму справа. Очень хотелось задать вопрос, зачем же я ему нужна, но он явно что-то задумал и не планировал останавливаться. Снова приложил палец, снова постоял под проемом, а потом зашел за мной внутрь игровой комнаты.

Здесь было всё так же, как и в зале пилотирования. Стальные стены, стальной пол, стальной потолок. Гора чего-то серого на полу. В центре зала сидели абитуриенты в разных позах: кто на корточках, кто в позе лотоса, кто и вовсе полулежал на полу. Все с бежевыми латексными повязками на глазах. При появлении Стингрэя они резко встали, но повернулись ко мне. Я и не знала, что это выглядит так жутко со стороны — наблюдающая за тобой толпа людей как будто без глаз, так как повязка у многих сливалась с кожей.

Атон приложил палец к стене, в отъехавшей панели взял с полки две повязки, одну надел сам, другую кинул мне, снова приказав «надень».

Я привычно натянула латексную полоску на глаза, и в тот же миг комната изменилась. Я оказалась в степи, в буйном завывании красок: зеленый, белый, желтый, красный образовывали полотно невероятной красоты, и все эти растения колыхались от теплого ветра, который ласково прикасался к щекам и гладил волосы. А стоило поднять голову, как стали видны стаи пролетающих птиц, и до нас внизу доносились их приглушенные переклички. Деревьев вокруг не было, только бесконечное поле до самого горизонта.

И очень сильно выбивалась из этого мирного пейзажа гора оружия самых разных мастей, просто сложенная на земле.

Я наконец обратила внимание на остальных людей, которые стояли кучкой и переводили взгляд с меня на курсанта. Атон тоже взглянул на меня и решил представить:

— Прошу прощение за опоздание. Меня посетила идея, как вам наглядно доказать, что вы все прекрасно можете научиться стрелять, не имея точности. Все познается в сравнении, и сейчас мы сравним меня и одного из членов научного направления нашего лагеря, Мирру Савину, — он протянул руку с раскрытой ладонью, представляя меня, и шутливо поклонился. — Перед вами самый сильный соперник, которого вы только можете представить — человек с врожденной точностью, а значит, и меткостью. Как я полагаю, Мирра ни разу не держала в руках оружия. Я верно думаю?

— Да, — я кивнула, в ужасе понимая, к чему он клонит. Он хочет, чтобы я стреляла? В первый раз? Перед группой военных?

Стингрэй нагнулся над кучей оружия и достал какую-то трубку с рукояткой, кажется, это что-то лазерное.

— Я беру простейшую лазерную винтовку Шэзера без оптического прицела, — он покрутил её в руках, показывая группе со всех сторон.

Затем Атон протянул её мне. Я взяла и растерянно на него посмотрела, опустив оружие. Он поднял мою руку, взял правую ладонь и приложил мой палец к какому-то выступу. Я резко отдернула ладонь, и он снова терпеливо повторил те же действия.

— Ну что же вы? Чего боитесь? — почти ласково стал он меня уговаривать.

— Оно же... опасное, — не нашла более умного оправдания я, боясь держать эту штуку в руках.

— Не беспокойтесь, — он миролюбиво улыбнулся, словно пытался мне всучить не популярное средство нападения космических контрабандистов, а букет цветов. — Это же не настоящее оружие, а игровое. Настоящая винтовка реагирует на отпечаток пальца, так что вас она бы не послушалась, и вы бы вообще не чувствовали этот выступ. А вы же его чувствуете, верно?

Я кивнула. Пусть и не настоящее, а из такого и людей убивают.

Курсант убедился, что я держу оружие крепко, и отпустил мою руку. Затем вновь обратился к аудитории:

— Итак, перед вами человек, ни разу не державший в руках винтовки. Я не буду облегчать абитуриенту Савиной задачу и запускать движущиеся мишени базовых уровней. Мы просто поглядим по сторонам и найдем то в ландшафте, по чему труднее всего попасть, — он поднял лицо к небу, и я поняла, что этот дружелюбный парень сейчас заставит меня стрелять по птицам. В ужасе выронила ружье.

Одновременно с глухим стуком падения винтовки на землю раздалось протяжное «оох» окружающих.

Атон снова подошел ко мне и вложил в руки винтовку, приговаривая:

— Надо быть аккуратнее, а если бы оно всё же было реальное? А вот птицы как раз ненастоящие, что за приступ жалости? В чужих мирах вам будет не до этого. А сейчас сосредоточьтесь, постарайтесь прицелиться настолько точно, насколько вам покажется возможным, и стреляйте, нажимая на этот выступ. Пять раз. По птицам.

Я еле могла рассмотреть эти мельтешащие точки вверху, а свет солнца к тому же слепил глаза. Винтовка в руках была тяжелой, и пусть это лишь муляж, она ощущалась вполне как настоящая. Я постаралась прицелиться, как много раз видела в фильмах. Каждое действие выходило неловким, но руки не тряслись. Их я практически всегда хорошо контролирую. А это всего лишь какие-то точки, и плевать на группу, следящую за каждым движением.

Я сосредоточилась и выбрала цель, ничем не отличающуюся от других. И выстрелила. В небо взорвался красновато-золотистый фейерверк. Послышались одинокие хлопки. Я выстрелила ещё раз. И ещё. И ещё два раза. На дневном небосклоне раскрыл свои крылья настоящий салют, а восторженные зрители внизу хлопали и даже улюлюкали. Я опустила глаза с неба и обнаружила, что Атон тоже хлопает и улыбается. Я заулыбалась в ответ.

Затем все как-то поуспокоились, Атон забрал у меня из рук оружие и сказал:

— Сейчас вы видели, на что способен неподготовленный человек с модификацией точности. Среди нас здесь присутствующих таких больше нет. А теперь вы увидите, чего вы сможете достичь путем упорных тренировок и отсутствием нытья, — он прицелился сам, и мгновение спустя небо вновь окрасилось в красные всполохи и золотой серпантин.

Народ заахал и захолопал втрое активней, шумно переговариваясь и восхищаясь, используя самые разные выражения, из которых «круто» было самым приличным. Военные, что с них взять.

— А теперь все расхватили оружие и больше не возмущаемся. Уровень тренировки восьмой, чуть ли не самый простейший, — с этими словами курсант опустил винтовку и нажал что-то на приклеенной к руке полоске.

Народ начал подходить к кучке и живо разбирать оружие, меняясь друг с другом или завистливо поглаживая на то, что не успели ухватить или обменять, в чужих руках. Красные цветы сорвались со стебельков и взмыли вверх, отлетев от группы метров на пятьдесят и образовав окружность с центром в виде группы испытуемых, а затем зависнув в паре метров над землей и вяло передвигаясь, шевеля оторванными стебельками, как щупальцами.

Атон стянул с головы повязку, и я мигом сделала то же самое. Мы вновь оказались в серой комнате. Посреди нее стояли будущие военные и слепо тыкали муляжным оружием в стены. Курсант открыл дверь, подождал, пока я пройду, и вышел вслед за мной.

Я обернулась, чтобы попрощаться. Моя миссия была выполнена, и этот урок оказался очень познавателен и для меня. Не у всех есть врожденная точность, но, тем не менее, они при должных стараниях могут стать теми, кем хотят, и им может помешать только собственная лень и боязнь.

Я протянула повязку Атону, он взял её и сказал:

— Спасибо, что поучаствовали. Им нужно было наглядно показать, что они могут быть как вы. А вы единственный человек с точностью из здешних, про которого я вспомнил, — он благодарно кивнул, но, казалось, был сосредоточен на чем-то своем.

— Да не за что. Рада была помочь, — я посмотрела на него, ожидая знака, чтобы можно было уйти.

Казалось, Атон немного колебался и что-то обдумывал, но всё же решился:

— Я наблюдаю за вашими успехами. Чувствую некую ответственность, так сказать, —

он ухмыльнулся.

— Ой, — вырвалось у испуганной меня.

— И правда ой, — он стал серьезен. — Что происходит? Ладно, моделирование всегда никому толком не дается и это вроде факультативного предмета, но что с пилотированием? При вашей точности ваши результаты вызывают недоумение.

Мне стало стыдно. Очень стыдно. Он меня принял, понятно, что он мог периодически где-то в их базе просматривать мои результаты. И понятно, почему он недоволен, я как будто его самого подвела. Как же я не подумала об этом раньше? Хотя что бы это изменило? С мотивацией у меня всегда всё было в порядке.

— Ну? — он меня словесно подтолкнул, требуя объяснений.

— Я... как бы это сказать... не верю, — мой ответ, должно быть, был странным.

— Что значит не верите? — сказать, что Атон был удивлен, ничего не сказать. Даже его светлые брови поползли вверх.

— Я понимаю, что все знают, что игровое пространство ненастоящее, но погружаясь в него, они особо не видят разницы. А я чувствую. Обоняние мне подсказывает, что это неправда. Ветер сильный, но это просто поток воздуха, который не приносит с собой ни соленого привкуса моря, ни аромата полевых цветов, ни легкой, но неприятной вони солнечного или атомного топлива, который всегда чувствуется в городах. Я беру штурвал, провожу пальцами и понимаю, что это муляж. На нем нет какого-то особого космического запаха — смеси дезинфицирующих средств и пота от рук пилотов. С оружием было проще. Оно-то почти настоящее, — я невесело улыбнулась и подняла глаза на курсанта.

Стингрэй ошарашенно смотрел на меня. Видимо, такой версии оправдания неудач он никогда прежде не слышал.

— Я мог бы догадаться, — наконец вымолвил он. — Это и правда серьезный недостаток игрового пространства. Вы никогда не пробовали самостоятельно летать на настоящем флаере? Если он есть у вашей семьи, конечно.

— Нет, не пробовала. Да и в любом случае так делать нельзя, — уж нарушителем режима я никогда не была. Разве что когда сбегала на собеседование. Но это было лишь исключением, подтверждающим правило.

— Да, конечно, нельзя, — он улыбнулся. По нему явно читалось, что он-то этих запретов не особо придерживался. Ещё бы, пилот же. Наверняка решил им стать, угнав в детстве родительский флаер и получив за это наказание.

Он на некоторое время задумался, заставив меня неловко переминаясь с ноги на ногу. И так неудобно перед ним, что сквозь землю провалиться хочется. Наконец он выдал:

— Думаю, это можно исправить. Приходите к ангару в семь вечера, — он заговорщицки улыбнулся.

— А... зачем? — его предложение меня очень сильно удивило. Наверно, не менее сильно, как и его мое оправдание пару минут назад.

— Как зачем? Будем учиться, конечно же, — Стингрэй подмигнул мне и тут же исчез, скрывшись за дверью.

Легкий морской ветер играл зелеными листьями дерева грецкого ореха прямо над нашими головами. Я смотрела вдаль и видела, где заканчивается небольшой поселок. Его окружало поле сухой травы, и где-то там должно быть море, которое невозможно заметить с этого места.

Я молчала, не в силах поверить, что проделала этот путь ради ничего. Вроде бы я понимала, что есть вероятность того, что Бойко уже умер, но всё же надежда давала мне силы искать дальше, а тайна не могла существовать, если бы не было лазейки, чтобы её можно разгадать. Как так могло получиться, что он умер, унеся с собой мои секреты?

Женщина тоже молчала, наблюдая за мной ясными светло-кариими глазами. Она не торопилась уходить, ждала, когда же мы что-нибудь скажем.

— А у него были дети? Кто-нибудь из семьи, кто ещё живет здесь? — уверенно спросил Ян, словно это было нужно ему, а не мне.

— Были, и от первого брака, и от второго, только никто из них здесь не живет. Первый сын остался в Болгарии, второго я уже давно не видела, даже не знаю, как там Илья, а дочь, Нина, как поступила в институт в Мелитополе, так там и осталась, — охотно пояснила женщина и тепло улыбнулась. Её добрые глаза с лучинками морщинок говорили о том, что ей и в самом деле было бы интересно узнать, как поживают дети Видинского.

— А вы были знакомы с Бойко? — спросила я, и утвердительный кивок был мне ответом. — Вы можете что-нибудь о нём рассказать? Каким он был?

— Ой, девонька, я бы с радостью поболтала с тобой о дедушке Бойко, — она виновато развела руками, а затем наклонилась и взяла ведро с шелковицей, — но не могу сейчас, дома дочка банки уже кипятит, ждет, пока я принесу ягоды для компота. Вам очень надо?

— Да. Очень-очень.

Наверное, в моем голосе прозвучали жалобные нотки, потому как женщина снова оглядела нас, теперь уже более внимательно и даже как-то строго, и спросила:

— Вы не местные что ли? Где остановились?

— В Геническе, — ответил за меня Ян. — Может, мы тут пару часов погуляем, а потом найдем вас?

— Да я так быстро не управлюсь, — проворчала женщина, но в её голосе не было недовольства. Затем глаза немного лукаво заблестели, и она более заинтересованно продолжила: — Да и маршрутки скоро уже перестанут ходить. А хотите я вам комнатку сдам? К ночи мы управимся, тогда и поговорим. А завтра поедете назад в свой Геническ.

Я замешкалась. Предложение было очень заманчивым, и будь я одна, непременно бы его приняла. Но со мной Ян.

Я обернулась к нему, наткнулась на пристальный выжидающий взгляд и спросила, слегка запинаясь:

— Давай ты вернешься, а я останусь здесь? Я очень хочу узнать о Видинском и назад не поеду, — конец фразы прозвучал как-то упрямо, словно я спрашивала у него разрешения на какую-то проделку и пыталась не получить отказ.

— Нет, мы останемся вместе, — в уверенном тоне не было сомнений, и хотя перспектива остаться вместе меня немного пугала, я обрадовалась. — Скажите ваш адрес. И объясните, как дойти. Пожалуйста.

Женщина принялась рассказывать ему, как до неё добраться, а после предложила или подождать её в комнате, или посидеть возле дома на лавочке, или прогуляться пару километров до лимана. К нему вела асфальтная дорога, пересекавшая всё село. Местные жители катались до него на машине или велосипеде, но некоторые любили и пройти. Мы решили осмотреть эту единственную местную достопримечательность.

Дорога была пуста. Её окружало поле высокой желтой травы, выгоревшей на солнце. То и дело по обочинам проскакивали высокие жесткие стебли чертополоха со светло-коричневыми сухими коробочками засохших цветов. Вдали отливал синевой лиман, звал погрузиться в свои ласковые воды с желанной прохладой, но я осталась равнодушна к его призыву, не в последнюю очередь из-за отсутствия купальника или хотя бы сменной одежды.

Рядом медленно шел Ян, подстраиваясь под мои маленькие шаги, и рассказывал про свой первый прыжок с парашютом. Я то всматривалась вперед, в прекрасную дальнюю синь, то украдкой косилась на него и улыбалась. Даже если бы он решил поведать мне о строении двигателя внутреннего сгорания, я бы всё равно не смогла приглушить свои эмоции от его голоса, улыбку от взгляда его живых глаз, мурашки от того, как эти глаза смотрят на меня.

Мой рассказ о выставке, где я узнала о существовании Бойко, на фоне приключений Яна казался тусклым и неинтересным, но он внимательно слушал и даже задал несколько вопросов. Я была ему благодарна за эту непосредственность и дружеское участие.

Вскоре асфальт закончился, и пыль грунтовой дороги с мелкими камешками так и норовила залезть под подошву ступней. То и дело приходилось останавливаться и вытряхивать их из шлепанцев. Ветер по мере приближения к морю становился всё сильнее, принося с собой такую особенную морскую свежесть. Вода, купленная нами перед поездкой, уже давно перестала быть холодной, и эта легкая прохлада оказалась как нельзя кстати.

Наверное, мы шли довольно долго, так как, когда наконец достигли моря, солнце уже собиралось прятаться за линию горизонта. Закатное небо сегодня казалось особенно прекрасным, и мы уже почти не говорили, наслаждаясь непринужденным молчанием и великолепным видом.

Спустившись по пологому склону к лиману, мы присели на каменную плиту, невесть кем здесь оставленную. Несмотря на легкий ветер, морская гладь была спокойна и плавно уходила за горизонт. Повинуясь неслышной мелодии, невдалеке от берега покачивались несколько рыбацких лодок. Пляж не был песчаным, черная земля с мелким ракушечником ближе к кромке моря превращались в жидкое месиво, а под водой, насколько хватало взгляда, колыхались пути зеленых водорослей. Становилось понятно, почему Фрунзе не был туристическим поселком. Немного страшно было погружаться море, где не видно дна, а вокруг ног шевелится что-то склизкое и тревожащее. Впрочем, цвет морской воды из-за этого казался ещё более насыщенным. Такой глубокой сине-зеленый оттенок редко встретишь у самого берега, и хотелось любоваться этим прекрасным и немного суровым видом бесконечно.

Мы молчали, любуясь природной стихией. Плита подо мной всё ещё была теплой, и я улеглась на спину, наслаждаясь уже не обжигающими лучами заходящего солнца. Небо было пронзительно голубое, более синее на востоке и розовато-оранжевое на западе. На меня смотрела вечность, что-то гораздо более важное и незыблемое, чем мы все. Моя же вечность была одета в синее и взирала на меня небесными глазами из далеких глубин космоса.

Я закрыла глаза под нежной лаской солнца. Морской бриз доносил запах настоящего

моря — сухих водорослей и рыбы, и в нем не было ничего неприятного. Такое море я люблю больше — дикое, необузданное, а сейчас сонное и таинственное. Редкие крики чаек не нарушают шепот волн, но стоило мне позволить ритмичному звуку проникнуть внутрь, раствориться в нем, как я вновь слышала легкий шелест колосьев на ветру, вызывающий в голове образ чего-то солнечного и прекрасного. Я вспомнила слова из стихотворения «Шаганэ», они никак не выходили из головы и перекликались с чем-то, близким и мне тоже.

— Знаешь, я всё думаю о том стихотворении, что ты рассказал мне вчера, — я открыла глаза и посмотрела снизу вверх на Яна. Он сидел, откинувшись на руки и вытянув вперед длинные ноги, а его каштаново-рыжие волосы в свете заходящего солнца казались языками пламени. — Оно очень важное, но я не понимаю, почему.

— Чем оно тебя зацепило? — удивленно спросил огненный бог.

— Этот образ... поле и мужчина, который взял волнистые волосы у ржи... — попыталась я облачить в слова картину, возникающую в моей голове. Только вместо луны почему-то на небе упорно сияло солнце.

— Ты когда-то была влюблена в блондина? — насмешливо поднял левую бровь Ян и развернулся всем корпусом ко мне.

— Вроде нет... — неуверенно ответила я. — Ты читал «Маленького принца»?

Ян недоуменно на меня посмотрел, видимо, не понимая, чем вызвана такая резкая смена темы, и после некоторой паузы вымолвил:

— Нет. Но название знакомое. Детская сказка?

— Не совсем сказка... и не совсем детская... — я на секунду задумалась, припоминая слова. — Ты, наверное, слышал многие цитаты оттуда: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» или «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь»... Я читала эту историю в детстве и, конечно, часто встречала в жизни какие-то отрывки из нее, но, повзрослев, мне захотелось её перечитать. Я зашла в книжный магазин, купила маленькую книгу в тонком переплете с иллюстрациями Экзюпери, прочитала её за один вечер... И поняла, что там есть фраза, которая для важнее всех остальных.

Я остановилась и посмотрела в его серые омуты, которые затягивали в свою глубину. Сейчас глаза были непривычно серьезны, и он внимательно меня слушал.

Я продолжила:

— Так вот, там есть момент, когда Принц встречает Лиса, и Лис просит его приручить. Это мой любимый персонаж, и за него я, честно говоря, не очень люблю эту книгу, так как мне не нравится, что, несмотря на все свои умные речи и мысли, Принц приручает Лиса и оставляет его одного, а сам отправляется к Розе. Зачем нужно было его приручать? Как он теперь вынесет разлуку? — я остановилась, переводя дыхание. Эта тема меня всегда очень волновала, и мне было больно за Лиса. — Но ладно, я отклонилась от темы, не про то говорю. Так вот... Лис рассказывает Принцу, насколько прекрасна станет его жизнь после того, как Принц его приручит. И говорит такие слова: «Скучная у меня жизнь... Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других... смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...»

Я замолчала и посмотрела на море. Золотая пшеница всегда напоминала мне о чем-то солнечном, а шорох волн — о шелесте колосьев. И сейчас грустно защемило сердце без

причины, словно скучая по чему-то забытому. Но я перевела взгляд на Яна, который молча смотрел на меня, и мне стало теплее. Мой старый друг, который был когда-то настолько важным, что, когда он стал меняться, я испугалась, что потеряю его, и вскоре потеряла его на самом деле. Но теперь он вновь со мной, и я люблю его таким, какой он есть. Он тоже меня приручил, давным-давно, и вот, наконец, вернулся на Землю из своего дальнего путешествия.

Солнце клонилось к закату, в его мягком свете немного поблескивали снежные вершины дальних гор к северо-востоку от нашего лагеря. Зелена листва шуршащих от легкого ветра берез и тополей золотилась в вечерних лучах нашего земного светила, а в воздухе разливался аромат полевых цветов и каких-то сельскохозяйственных культур, выращиваемых жителями Айхала. Этот запах я распознать не могла, так как в жизни не видела огорода или пашни.

Голубой комбинезон уже стал родным и близким, всё вокруг придавало моему присутствию здесь какую-то важность или даже высший смысл, так что можно было на время забыть, что я всего-навсего нескладный подросток, который ещё стесняется смотреть на себя в зеркало. Я знала, что скоро всё будет иначе, что каждый человек проходит через этот путь взросления, и уже года через три я более-менее сформируюсь в девушку и не останусь этим «гадким утенком» навечно. Нужно лишь немного подождать. Всему своё время: время учиться, время дружить и время любить.

Возле ангара было совершенно пусто, я остановилась около двери и стала смотреть на дорожку в ожидании Атона. Так неудобно перед ним за мои неудачи, даже перед родителями не чувствую такого. Он меня принял в лагерь и теперь вот решил помочь. Если подумать, то он единственный человек, который вообще мне когда-либо в чем-то помогал за исключением моей семьи. Да и у родителей это скорее обязанность, а различия между родительскими обязательствами и искренним желанием помочь ребенку практически отсутствуют. Как и для меня нет особой разницы между подчинением родительскому запрету и принятием этого запрета глубоко внутри. Отношения между родителями и детьми достаточно строго регламентированы, и я несу такую же ответственность, как и они, и полностью осознаю это.

Вдруг дверь сзади открылась и показался Стингрей. Это было так неожиданно, что я неловко отшатнулась в сторону и стукнулась рукой об информационный стенд.

Атон хмыкнул и коротко приказал, стоял в проеме:

— Заходи.

Потирая ушибленную руку, я последовала его приказанию и зашла в холл ангара. Курсант, не останавливаясь, широким шагом уверенно двинулся вперед, проходя мимо множества дверей. Остановившись у одной в западной части помещения, он позволил системе безопасности считать его данные и пропустил меня вперед.

Я оказалась в сером помещении, формой похожем на правильный шестиугольник. Я и раньше подозревала, что отдельные отделения ангара, примыкающие к круглому холлу, не повторяют его форму, так как весь ангар тоже был странной формы. Теперь же стало совершенно ясно, что он построен по принципу сот. Наверное, где-то за холлом есть главный зал, самый большой прямоугольник. Когда мы в учебное время отправлялись на тренировку за пределы лагеря, то просто поднимались вверх на лифте, а многоместный флаер уже стоял там, и было непонятно, каким образом он там оказывался.

Флаер, к которому привел меня Атон, казался совершенно стандартным, но не таким, какие находятся в распоряжении центра. Было видно, что он изготовлен в одной из стран Азиатской конфедерации, Японии, скорее всего, об этом говорила серебристая эмблема известного бренда-производителя софта для флаеров чуть ниже огромного лобового стекла.

Сам он тоже был стального цвета, а внутри кабины всё было отделано в теплой серой гамме. Я села рядом с Атоном на передних местах, а сзади было ещё два места по прототипу автомобилей самого начала второго тысячелетия. Сейчас наиболее популярны просто двухместные флаеры.

Стингрей провел пальцем по сенсорной панели, активируя её и выбирая ручной режим. Там же он задал параметры взлета и взялся за штурвал. Шлюз над головой разъехался в стороны, открывая вид на чистое голубое вечернее небо. Мы легко взмыли вверх, движимые уверенными руками Атона на штурвале. Внутренняя гравитационная система флаера работала прекрасно, так что никаких перегрузок не чувствовалось, и мысль о том, чтобы пристегнуться по правилам, появилась лишь на миг и мгновенно пропала.

Флаер направился на северо-запад. Мы перелетели через синюю ленту реки, поблескивающую бело-желтыми переливами в лучах солнца. Я не говорила ни слова, любуясь окружающим пейзажем. В некоторых направлениях мы уже летали на тренировках, и я знала, что скрывается в той цепочке гор на севере или в лесу чуть восточнее. Каждый раз наш тренер был за штурвалом, и только сейчас я обратила внимание, с какой легкостью и непринужденностью он управляет этим транспортным средством. С губ его не сходила улыбка, а в глазах появился какой-то незнакомый блеск. Было видно невооруженным взглядом, что полет ему доставляет немалое удовольствие, даже несмотря на то, что это лишь обычный планетарный флаер.

Пролетев километров восемьдесят в нужном направлении, Атон завел флаер на посадку. Мы очутились на более-менее равнинной местности, покрытой редкой растительностью с небольшими ползучими кустарниками. Здесь уже не действовали климатические вышки, так что природа была в её естественном состоянии, полностью соответствующем понятию «вечной мерзлоты».

— Ну всё, приехали, — Атон с озорной улыбкой повернулся ко мне. — Теперь меняемся!

Он посмотрел на моё испуганное лицо и засмеялся, а затем потянулся всем телом до ручки двери с моей стороны флаера и открыл её, дескать, вылезай. Затем одним плавным движением спрыгнул на траву через свою боковую дверь.

Я вылезла, чувствуя, как меня охватывает самый настоящий ужас. Всё-таки одно дело тренироваться в игровом пространстве с муляжом, а совсем другое — пытаться управлять самым настоящим флаером. Как это делается теоретически, я знала, а вот на практике выходило не очень.

Атон подхватил застывшую столбом меня под мышки и запихнул в кабину, а затем быстро переместился к противоположной двери и занял моё место.

— Эй, не вешай нос, тут нет ничего страшного, — с этими словами он взял мои занемевшие руки и положил на штурвал.

— А если я его разобью? — этот вопрос волновал меня больше всего. То, что могу разбиться я сама, казалось полнейшей ерундой по сравнению с порчей чужого имущества.

— Не разобьешь. Тьфу, не разобьете, — он замялся. — Нет, так странно звучит. У нас ведь не такая большая разница в возрасте, и сейчас я не твой тренер, а... скажем, друг. Ты ведь не боишься друзей?

Я с удивлением посмотрела на него. Никто никогда не назывался моим другом. Но если кто и мог им стать, то только он. Его теплая улыбка всегда придавала мне сил и уверенности. А разве не для этого ли нужны друзья — поддерживать и помогать?

— Вас... тебя... не боюсь, — вымолвила я. Было очень странно не обращаться к нему на «вы».

— Вот и славно, — он легким движением взлохматил мои волосы. Как щенка пожалел, ей-богу. — Пока ты со мной, не разобьешь. Об этом даже не думай. Я буду за всем следить.

— А это... чей флаер?

— Мой, — он кивнул головой то ли утвердительно, то ли своим мыслям, и задорно посмотрел на меня. — Так что если разобьешь, из лагеря тебя не отчислят.

— Ну у тебя и шуточки, — выдохнула я. Слабое утешение. А ему как я в глаза смотреть буду?

— Так, успокойся, — он слегка сжал левой рукой мои руки на штурвале. — Теперь всё будет хорошо. Это реальность. И ты знаешь, что делать.

Я и правда знала. Его мягкое прикосновение, такое дружелюбное и даже чуть ласковое, смыло острую напряженность внутри. Натянутая струна разгладилась, и я вспомнила, что это всего лишь флаер. Он полуавтоматический. Им управлять элементарно. Я выбрала ручной режим, словно делала это сотню раз, и скоростной режим для подъема вверх. Мотор тихонько загудел. От этого звука в машине легко избавиться, но в транспорте вроде флаеров и шаттлов его не убирают, так как он помогает пилоту ориентироваться в ситуации. Я потянула штурвал на себя, поднимая вверх под углом семьдесят градусов. Атон снова протянул левую руку и положил поверх моих, слегка подкорректировав этим траекторию.

Я поднималась вверх до тех пор, пока не замигал экран, показывая, что мы в четвертом секторе. Я выбрала скоростной режим этого сектора и после команды Атона «на запад» двинулась в указанном направлении. Штурвал под моими руками был немного шершавый и приятно пах мятой. Это был запах Атона. Я знала, что в стандартный ванный мужской набор в лагере входит мыльная основа с ароматом мяты или древесная на выбор. Девушки тоже, конечно, могли это выбрать, но большинство пользовалось установками по умолчанию. У меня вот, например, был яблочный мыльный набор, и он вполне меня устраивал. Но несмотря на то, что половина лагеря тоже пахла мятой, этот запах у меня ассоциировался лишь с Атоном. Он постоянно пах чем-то мятным и иногда цитрусовым. И солнцем. Если можно им вообще пахнуть, но я уверена, что можно.

В полете не было абсолютно ничего страшного. Совершенно непонятно, как я не могла справиться с этим раньше. Я виляла между гор, проносила над верхушками деревьев, подбадриваемая Атоном, и моя точность помогала мне в управлении. Ощущение свободы и бесконечного открытого пространства затопило всё моё существо, и я уже вместе с Атоном смеялась на наиболее крутых виражах, шутила про пробегающих внизу испуганных животных и, казалось, была впервые в жизни искренне счастлива. Именно в этот момент больше всего верилось, что впереди меня ждет прекрасное будущее, и нет вообще ничего невозможного в этом невероятном мире.

Где-то спустя час, вдоволь налетавшись, я, последовав указаниям друга, приземлилась на поле в контролируемой климатической зоне. Оно выглядело очень странно, и я была особенно рада предложению Атона поразмяться, очень уж хотелось посмотреть на него вблизи.

Выпрыгнув из флаера, я мгновенно очутилась в странной высокой траве. Память услужливо начала подкидывать мне названия подобных растений, но я не находила соответствия с этими стебельками. Присев на корточки, я взяла в руки золотистый колос и стала его разглядывать. Этот запах я постоянно чувствовала в лагере, и он мне неуловимо

что-то напоминал.

— Ты никогда не видела пшеницы? — Атон подошел сбоку, проводя рукой по вершинам колосьев. Они колыхались, как море от ветра, и издавали тихий шелест. — Из нее местные делают настоящий хлеб.

— Правда? — я удивилась и ещё раз принялась. Затем разворошила колосок и попробовала на вкус пару маленьких зернышек. Дурная привычка — всё пробовать, но от своей сущности никуда не убежишь, как ни старайся. Теперь понятно, что напоминал мне это запах — хлеб и разные мучные изделия, только в них он был искусственным, и я ясно это чувствовала, поэтому и не сразу распознала.

Атон снял мундир и расстелил его на земле, погнув стебельки. Он остался в одной только белой футболке, но здесь совсем не было холодно. В это время года пшеница не должна быть ещё такой золотой, если она растет в привычной среде, но эти климатические вышки перевернули всё с ног на голову.

Я на мгновение замерла с колоском в руках. В свете заходящего солнца волосы Атона золотились так же, как и пшеница, и это казалось мне самым прекрасным зрелищем, которое я когда-либо видела. Казалось, он был рожден здесь, в это самое время, в свете нашего светила и сам являлся продолжением природы, наиболее органичной её частью. Он блуждающим взглядом смотрел на колыхающееся вокруг желтое море, а потом перевел глаза на меня, и в них было небо. Не было ничего прекрасней этих небесных голубых глаз и волос из золота. Как жаль, что моим умением никогда не было рисование, это мгновение следовало бы увековечить в чем-то более долговременном, чем человеческая память.

Атон похлопал рукой по месту рядом с собой, приглашая присесть. Я подошла и устроилась рядышком, вновь чувствуя себя неуютно и не веря, что это прекрасное божество назвалось моим другом.

— Красиво, правда? — он задумчиво посмотрел вдаль, сливаясь с пейзажем. Ветер играл с его волосами так же, как и с колосьями, а солнце игриво перемигивалось и с его макушкой, и с этой бесконечной золотой гладью.

— Угу, — только и смогла вымолвить на всё это я.

Друг жестом фокусника достал неизвестно откуда термобутылку с двумя пластиковыми кружками и стал наливать в них чай. Суда по запаху, чабрецово-мятный. И как он догадался, что именно чая мне сейчас хочется больше всего?

Я взяла у него кружку и сделала глоток. Приятная свежесть и одновременно тепло разлились по горлу. Хотелось нажать на стоп, чтобы это мгновение никогда не заканчивалось. Зачем мне звезды, если тут, на Земле, можно сидеть в пшеничном поле под его тихий шепот и пить самый вкусный чай на свете?

Лицо Атона источало умиротворение. Мне всегда казалось, что он каждую секунду получает от жизни максимум удовольствия, что он счастлив каждый прожитый день. Даже проводя с нами эти ежедневные тренировки и пробегая по десятку километров по утрам, он ни на миг не выглядел расстроенным или пессимистичным. Он любил свою жизнь настолько сильно, насколько это вообще возможно, и у него всё получалось. Про таких говорят: «Он родился под счастливой звездой». Все обстоятельства сложились удачно, это было его время.

И то, что он потратил это время на меня, было приятно и одновременно заставляло испытывать недоумение.

Атон, видимо каким-то седьмым чувством ощутив мой пристальный взгляд, обратился

ко мне:

— Ты что-то хочешь спросить?

Я поставила кружку на теплую черную землю и дотронулась до колоска, не в силах сорвать такое чудо. Шершавая твердость в руках успокаивала.

— Да... Нет... Почти. Я хотела сказать спасибо. За всё, — я повела рукой в сторону поля и флаера. — За то, что научил меня летать. И за то, что показал такую красоту. И... да, я хотела кое-что спросить.

— Что же? — улыбнулся Атон.

— Тебе не скучно проводить со мной время? Я уверена, у тебя есть занятия поинтереснее. Наверное, я вообще по сравнению с твоими курсантами ещё ребенок.

— А я люблю детей, — он сорвал колосок и пощекотал им мой нос. Я замахала руками, отбиваясь от длинных ворсинок, от которых так и хотелось чихнуть. — Хотя ты уже скорее подросток, а не ребенок. А вообще мне нравится общаться с малышами. Они порой такие вещи забавные выдают. И ещё с ними весело играть, взрослые так играть не умеют.

— Так тебе нравится нас тренировать?

— Конечно, нравится. Наверное, если бы я не был пилотом, учил бы детей чему-нибудь веселому, музыке там или футболу. Или на гравискейтах кататься, в этом я мастер! — сказал это и сам себе засмеялся. Я не удержалась и рассмеялась вслед за ним.

— Ты умеешь кататься на скейте? И почему я не удивлена? — сквозь смех выдавила я.

— Ты меня обижаешь, гравискейт — крутая штука! И ничего смешного в нем нет. Эх, было время, с утра до ночи рассекал на нем по первом сектору. Иногда мы даже цеплялись к грузовым флаерам и так и летали. А ещё я умею кататься на велосипеде. Вот. Это даже поэкзотичней космолета будет, — Атон явно гордился этим фактом.

— И где ты его откопал?

— У деда в гараже, он любитель собирать всякие допотопные транспортные средства. Всю жизнь механиком проработал, а сейчас на пенсии гоняет на велике по селу вроде этого Айхала, — он протянул руку к термобутыли и подлил нам чаю.

— А ты всегда хотел быть пилотом? — проблема выбора жизненного пути для меня была актуальна как никогда. Наверное, и лет в семнадцать девочки будут секретничать о том, со сколькими мальчиками успели поцеловаться, а я буду спрашивать, почему человек решил стать тем, на кого он учится. Невеселая перспектива. Ждет меня путь зануды, а не ксенобиолога.

— Да, наверное, всегда. Родители мне, конечно, помогли при рождении, так что выбор был большой, но ничто не сравнится с ощущением парения в воздухе, и не так важно, прицеплен ли ты к грузовику в нижнем секторе или мчишься со скоростью света в вакууме. Чувство скорости и полета полностью захватывает. Не знаю, как бы я смог без него жить, — он поднял глаза к вечеряющему небу, которое постепенно теряло голубые краски и становилось розовато-оранжевым. Ветер стал немножко тише, и теперь колосья практически бесшумно переговаривались, словно не хотели мешать нам рассуждать о небе.

— То есть тебя не влекут неизведанные миры или там неведомые зверушки, как меня, например? Или встреча с кем-то разумным? — даже интересно, зачем другие выбирают схожую с моей дорогу.

Атон засмеялся, словно я сказала что-то смешное. Знаю, многие не верят, что мы в итоге найдем братьев по разуму, слишком много надежд было у землян в начале покорения космоса и слишком много разочарований, когда найденная жизнь была крайне скудна и не

проявляла ни малейших признаков разумности.

— Не то чтобы не влекут. Момент обнаружения каждой теоретически пригодной для жизни планеты волнующ, что уж говорить о высадке на такую планету! Но Млечный путь исследован практически полностью, и хотя мы ещё мало где высадились, всем понятно, что в нашей галактике вероятность найти себе подобных стремится к нулю. А вот в других галактиках...

— Но мы туда долететь не можем, — прервала его я.

— Да, пока не можем, — Атон немного нахмурился. — И повторять тот же путь, каким мы осваивали нашу галактику, не имеет смысла. Люди так стремились к познанию, так хотели бежать впереди своего времени, что просто не дождались нужного момента. Вот и отлавливаем до сих пор в самых забытых уголках Млечного пути эти медленные корабли и стариков на них, а иногда эти старики — уже второе-третье поколение космонавтов. Наверное, и для мечты тоже нужно правильное время, иначе так и проведешь всю жизнь запертым на корабле, где книга на планшете — самое лучшее развлечение.

— И что же делать? — наверное, в моем голосе прорезались нотки отчаяния, ибо Атон повернул ко мне голову и хитро улыбнулся.

— Но мы-то везучие. До других галактик мы не долетим... пока. Слышала про гипердвигатели?

— Сказку фантастов ещё начала тысячелетия? — удивилась такому повороту событий я.

— В каждой сказке есть доля правды. Такие испытания проводятся, хоть и не особо успешно пока. Но шанс есть. Корабль, на котором я буду стажироваться, прикреплен к базе в системе Альфа Центавра, вроде и недалеко от нас, но на всякий случай не в нашей Солнечной системе, всё-таки надо уменьшить опасность для Земли, когда играешь с дырами в пространстве. Там проводят испытания двигателя нового поколения и разные расчеты, чтобы когда-нибудь мы смогли долететь хотя бы до соседней туманности Андромеды, — тут он наконец-то отвел глаза от заката и посмотрел на моё ошарашенное лицо. Другим оно никак не могло быть при подобном потоке информации. — Чему ты удивляешься? Неужели никогда об этих опытах не слышала? Это ведь не секретная информация.

— Я... ммм... слышала, конечно, но относила это к разряду путешествий во времени, — информация была совершенно невероятной, тем более что исходила от друга, которому я верила. Если он думает, что это возможно, то почему бы и нет?

— Забавно слышать это от человека, который хочет быть ксенобиологом, хотя пока неуглеродная жизнь толком и не обнаружена, — он ухмыльнулся и снова стал мучить мой нос колоском.

— Подловил так подловил, — засмеялась я. — Мечтать не запрещено.

— Это да. Какой же ты исследователь, если никогда не мечтал о безумном? — Атон весело усмехнулся и ждал, пока я отсмеюсь, улыбаясь. Затем он поднялся с земли и протянул мне руку, помогая встать на ноги. И правда, давно уже пора.

Я медленно пошла к фраеру, позволяя колосьям оказывать сопротивление и не давать мне возвращаться в наш мир. Это поле словно было вырвано из другого времени, настолько оно было прекрасным. Пшеница больше не горела красновато-оранжевым светом в лучах уходящего солнца. Как только оно скрылось за верхушками гор, краски словно приглушили. Но красоту не испортили, просто сделали более мягкой и спокойной.

За мной шел Атон, шурша стеблями. Его поле тоже не хотело отпускать. Я в последний раз оглянулась и полюбовалась на золото волос друга и золото кругом. Хотелось верить, что

я ещё вернусь сюда, в это невероятное место, которое стало таким только из-за присутствия здесь двоих: бескрайнего пшеничного поля и моего друга. Одно без другого было уже не так прекрасно.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, оставляя Луну коротать свою ночную вахту. Она же, нисколько этим не обремененная, играла в зайчики с морем. Серебристый свет таинственно искрился на водной глади, манившей в свои пугающие глубины.

Стало немного прохладно, но совершенно не хотелось возвращаться в поселок. Рядом сидел Ян, казалось, ещё чуть-чуть — и я смогу дотронуться до него своим плечом. Его близость согревала меня даже сильнее солнца, и мне не нужно было к нему прикасаться, чтобы ощутить это тепло. Очертания его тела ясно выделялись в отраженном свете луны, которая придавала им призрачную, невесомую эфемерность.

Неожиданно завибрировал телефон, нарушая эту безмолвную идиллию. Голос Саши на той стороне провода был возмущенным:

— Куда вы вдвоем пропали? Мы уже сто лет как вернулись, а тут никого нет.

— Мы... эмм... — я замялась, не имея ни малейшего представления, что ответить подруге. — Мы поехали... на экскурсию и... это...

Я замолчала, судорожно перебирая в голове варианты лживых причин, оправдывающих наше отсутствие, но ничего не приходило в голову. Если мы, допустим, всё же поехали на экскурсию, то почему не вернулись? Автобус сломался? Авария? Многокилометровая пробка? Так не хотелось врать, все придуманные ответы были настолько нелепые, что хоть вой.

Я резко прекратила мыслительный процесс, когда услышала в трубке хихиканье. Саша даже не скрывалась, представляя свой невероятную гипотезу развития событий:

— Вы отправились на экскурсию... — сдавленный смешок, — и попали в плен страсти... Я правильно думаю? Поэтому не вернулись? Решили расставить все точки над «и» в той давней истории?

— Что ты вообще такое говоришь? — возмущенно прошипела в динамик я, пытаясь его хоть немного прикрыть, чтобы Ян в этой окружающей нас тишине не расслышал ерунды, которую мелет моя подруга.

— Да лаадно, чего молчишь? Он рядом что ли? Давай я тогда всё сама тебе расскажу, а ты мне только ответишь: «да» или «нет»? Вы хотя бы поцеловались, наконец? Больше не жалеешь, что не с ним был первый?

Я в шоке смотрела на телефонную трубку, не в силах поверить, что именно это я сейчас и слышала. Звонкий голос подруги, казалось, разносился и на десятки метров вокруг. Я остервенело принялась давить на клавишу отбоя, лишь бы она ещё чего не выболтала.

Чувствуя, как краска заливает моё лицо, и радуясь, что сейчас хотя бы темно, я уставилась на погасший экран мобильного. Это было настолько невероятным, что хотелось перемотать пленку назад, на самое начало разговора, чтобы сразу его прекратить и не чувствовать этого всепоглощающего чувства стыда.

Красноречивое молчание Яна ясно говорило о том, что он всё слышал. Понимая, что хуже уже не будет, я спрятала лицо в руках и так и замерла. Волны с тихим шелестом бились о берег, в полях стрекотали кузнечики или богомолы, ночная жизнь шла своим чередом, а моя уходила сквозь пальцы.

Ян заворочался на камне, прочистил горло и спросил своим бархатным голосом:

— Я... — пауза показалась мне вечностью, — правильно понял? Ты жалела, что твой

первый поцелуй был не со мной?

— Да, — тихо и честно ответила я, всё так же пряча лицо. Поднять его и посмотреть ему в глаза было не в моих силах.

— Но ведь ты же сама меня оттолкнула? — удивление в его голосе можно было пощупать пальцами.

Я потеряла руками лицо, словно это простое действие могло вернуть меня в действительность, но реальность уплывала, возвращая меня в ту последнюю встречу с ним.

Он зашел попрощаться перед нашим отъездом. Было ещё не поздно, но вечерами они с ребятами устраивали катания на скейтах на специальной площадке в свете фонарей под восхищенные вздохи местных девчонок. Мы уже перестали быть друзьями, и на все его проявления симпатии ко мне как к девушке, а не как к другу, я реагировала резко и язвила. Он обнял мою подругу, свою сестру, и пообещал приехать следующим летом уже к нам, а потом предложил мне проводить его до двери. Я пошла, втайне мечтая тоже его обнять. Юный Ян наклонился, испытывая моё терпение, завязал шнурки на кроссовках и сказал что-то вроде:

— Ты же меня обнимешь на прощание?

Мне было страшно приблизиться к нему, словно это означало, что я сдамся, если позволю себе этот жест привязанности, но я кивнула и, когда он подошел ближе и обнял меня, ответила на его объятие. Он был очень теплый, почти горячий, и я впервые была так близко. Возникли совсем непонятные чувства, но определенно не дружеские, и я поняла, что год разлуки с этим невыносимым парнем действительно будет тяжелым и я буду очень-очень ждать нашу следующую встречу.

Руки Яна крепко обхватили мою талию, он сначала притянул меня ближе, а затем подтолкнул к стене и прижался всем телом. Тесная близость дурманила, волна совершенно незнакомых эмоций не давала мне отстраниться, желая, чтобы это продолжалось. Его руки спустились ниже спины, дотрагиваясь до того, что я никому не позволяла трогать. Он пробормотал «посмотри на меня», и я подчинилась. Только взгляд против воли фокусировался не на глазах, а на четко очерченных губах. Он усмехнулся и сказал:

— Всем девчонкам нравится со мной целоваться, чего ты прячешься? За это время я бы тебя многому научил...

И как только он сказал эти полные самодовольства слова, так я сразу вспомнила, почему отталкивала его всё это время. То приятное чувство, которое вызывали во мне его руки, не стоило этой наглой ухмылки и места в списке девушек, с которыми он целовался. Я быстро повернула голову вбок, скрываясь от приблизившихся губ. Они мазнули по щеке, я же резко его оттолкнула. Но он держал крепко, не давая мне высвободиться. Я забилась в плену его рук, всеми частями тела выражая свой протест и приговаривая «нет, не хочу, отпусти меня».

Ян явно не был готов к такому сильному отпору, и хотя я не нанесла ему видимого вреда, всё же меня отпустил. Я зло выкрикнула: «Никогда больше ко мне приближайся!» — и убежала из прихожей в кухню. Вот так и не состоялся мой первый поцелуй.

Больше мы не виделись. Подруга с семьей весной переехала в другой город, и у Яна не было причин приезжать к нам, тем более, что у моих родителей в те времена даже не было домашнего телефона. Я всё никак не могла забыть его руки, но каждый раз, как вспоминала наше прощание и его хвастовство, на меня словно выливали ведро холодной отрезвляющей воды. Со временем я стала относиться к тому моменту проще, и мне даже стала нравиться

некоторая напористость мужчин, но я не хотела своего первого поцелуя с тем человеком, кому его подарила, так же сильно, как хотела его с Яном. Наверное, я вообще никогда никого не хотела так сильно, как его.

Моё молчание затягивалось. Признаваться не хотелось, слишком уж сильны были воспоминания о его самодовольной ухмылке. Но я изменилась. Вполне возможно, что и он тоже.

— Знаешь... ты тогда был очень наглым. Хвастался другими девушками, которым нравилось с тобой целоваться, — я запнулась, но продолжила более уверенно: — Но ведь я одна из них! Ты был моим лучшим другом, и веселее, чем с тобой, мне не было ни с кем. А когда я приехала в очередной раз, ты вдруг резко переменялся. Стал ходить на свидания. Неужели ты не понимал, что я была младше и вообще ни разу не испытала ещё подобных чувств, какие испытывает девушка к парню? Мне это казалось чем-то страшным... и стыдным... а ты вел себя не как близкий и практически родной человек, а как малолетний бабник!

Я закончила свою речь с возмущением и обидой в голосе. Ох как мне хотелось это высказать ему раньше! Как он мог быть таким бесчувственным идиотом и не понимать, что со мной творилось?

Я посмотрела на его неподвижную фигуру. Выражения лица не было видно, лишь слегка блестели глаза.

— Извини, — он смотрел на меня, и моё лицо было ясно видно в свете луны, в отличие от его, находившегося в тени. — Я как-то не думал об этом... в таком ключе. Возможно, я был слегка... невыносим.

— Совсем не слегка, — отрицательно покачала головой я. — Ты был очень упрямым. И самовлюбленным. И то, что ты был симпатичным, делало всё только хуже. Ты не давал мне прохода, не понимая, почему я не попадаю под твои чары. И когда это не действовало, говорил гадости, а я говорила их в ответ. В любом случае... это прошлое. Забудь.

— Нет, я не могу, — он тряхнул головой, показывая тем, что упрямство из него так и не выветрилось. — Ты просто обиделась на те слова? Если бы я их не сказал, то ты бы меня не оттолкнула?

— Да, наверное, — я пожала плечами. Сотню раз я хотела вернуть тот момент, искала ему оправдания, пыталась заглушить гордость, лишь бы тот поцелуй всё же состоялся. Но он происходил лишь в моем воображении.

Ян замолчал, переваривая услышанное. Не думала, что эта давняя история его хоть сколько-нибудь волнует. Но, наверное, объяснение, почему единственная девушка сказала ему «нет», стоило того, чтобы кое-что переосмыслить.

Наконец он перестал смотреть на безмолвное море и повернулся ко мне. Протянул руку. Дотронулся до щеки. Мне по старой привычке захотелось отстраниться, но я поборола этот порыв, позволив его пальцам ласково провести линию по скуле щеки и задержаться на ямочке подбородка.

— Извини. Я не хотел испортить твой первый поцелуй. Это надо исправить.

Он резко наклонился и поцеловал меня, не убирая руки и тем самым не давая отстраниться. Его губы были мягкими и нежными. Моё сердце сначала испуганно замерло, не осознавая, что происходит, а потом забилось пойманной птицей, так и норовя выбраться из грудной клетки. Я боялась дотронуться до Яна в ответ и чувствовала небывалую робость, словно этот поцелуй и правда был первым. Когда же его другая рука легла на талию,

притягивая меня к себе, я всё же несмело обняла Яна за шею и прижалась к нему всем телом, позволяя углубить поцелуй, который постепенно переходил из легкой ласки в более страстный, лишаящий возможности дышать, вышвыривающий все ненужные мысли из головы и оставляющий лишь тепло в сердце.

Мы вернулись слишком поздно для разговора с хозяйкой. Она, сонная, в байковом халате поверх ночной рубашки, вышла из дома и поругала нерадивых гостей, но затем пустила нас в скромно обставленную комнату для гостей. Белые простыни пахли сыростью, каким-то особенным деревенским запахом, который не испаряется даже под южным солнцем. Я осталась в футболке и нижнем белье, а Ян — только в трусах, но это несколько нас не смущало. Он усвоил урок и больше не торопил меня, поэтому, поцеловав его и пожелав приятных снов, я устроилась в кольцо его рук — самом надежном и приятном месте на всем белом свете — и уснула со счастливой улыбкой на губах. Рядом был он, мой друг и любимый, и я с особой четкостью осознала, что мой дом там, где он. И здесь, в этом старом домишке, я чувствовала себя так уютно, словно находилась под родной крышей.

В день конечного испытания я была готова ко всему: и к открытому космосу, и к анализу инопланетных существ, и к бегу по пересеченной местности, и к самому страшному — своему провалу. Когда я в начале лета мечтала о том, что окажусь здесь и докажу всем, что достойна быть в рядах исследователей дальнего космоса, вся эта ситуация казалась какой-то неопределенной перспективой, слабой возможностью, невыполнимым желанием. Но момент пришел. Я всё это время была максимально сосредоточенна и училась на пределе своих возможностей. И теперь я знаю точно — я сделала всё, что было в моих силах. И итоговое испытание я должна выдержать с достоинством. Если же меня не сочтут пригодной, значит, так и есть. Мне дали шанс, я им воспользовалась и показала себя, и если этого было недостаточно, то мне останется только довериться мнению бесконечно уважаемых мною людей и принять их решение. Но я хотя бы буду знать, что попыталась.

Так что ранним августовским утром я пребывала в спокойном и мобилизованном состоянии, разве что руки иногда порывались дрожать, но я быстро восстанавливала над ними контроль. Небольшое волнение вполне естественно для такой ситуации, здесь нет ничего необычного. Но зато через совсем небольшой промежуток времени я узнаю, как проходит это загадочное испытание, и ответ на этот вопрос стоит проведенных здесь пары месяцев.

В этот день мне стало доступно одно из отделений в стене, на котором уже с пяти утра светилась красная надпись «Форма для испытания». Я не стала вставать так рано, лишь пару минут посмотрела на это напоминание и продолжила положенный сон до половины седьмого. Затем душ с уже родным и привычным яблочным шампунем и гелем, зубной консилер, сушка волос и тела в теплой струе воздуха душевой кабины и, наконец, ощущение прохладного гладкого покрытия под пальцами, от которого створка двери загадочного отделения поползла вверх. Внутри был практически стандартный костюм абитуриента, только из черного с серыми отблесками материала. На ощупь и на внешний вид очень похоже на мимикрирующую ткань, подстраивающуюся под окружающую среду. Костюмы из такой ткани, которая помимо мимикрии обладала повышенной прочностью и климатоустойчивостью, использовались для высадки на другие планеты, имеющие схожую с Землей атмосферу и температурные перепады. Конечно, в других случаях использовались скафандры. Значит, вполне вероятно, что открытого космоса не будет.

Костюм состоял из штанов, неплотно прилегающих к телу, и пиджака мундирного плана с капюшоном. Так же прилагалась обувь с шероховатой подошвой и футболка из искусственного хлопка под пиджак. Так же в небольшой коробочке лежало несколько предметов, которые, видимо, должны были нам чем-то помочь: небольшой нож в чехле, который я засунула за голенище высоких ботинок, маленькая плазменная горелка низкой мощности, наверное, чтобы добывать огонь, ибо на большее она не годится, металлическая бутылка и раскладывающаяся глубокая тарелка. К бутылке прилагался пояс с креплением на бедрах, а тарелка с горелкой легко поместились в нижних карманах пиджака.

Я переоделась, туго завязала волосы резинкой и вышла из комнаты. Жаль, что ничего нельзя с собой брать и ничего нельзя с утра есть, только пить. Я выпила в холле стакан виноградного сока, и мне даже пришлось постоять в очереди у пищевого автомата. В этот раз в гостиной было невиданное оживление, и некоторые соседи по дому между собой

разговаривали. Я лишь привычно со всеми поздоровалась, как повелось в последние полторы недели, и спокойно выпила сок за общим столом. Никто со мной не разговаривал. В конце концов, я не самый сильный союзник, если нам придется искать дружбы в экстремальных условиях, и слабый конкурент, которого отметут без особых проблем, если нам придется друг с другом бороться. Что нам ожидать, было неизвестно, так как дружба или же конкуренция тренерами не поощрялись и в то же время не пресекались.

Ученики постепенно стали покидать помещение, я сделала последний глоток и выкинула стаканчик в перерабатыватель материи. На улице было на удивление многолюдно, обычно все рассредоточены по разным корпусам, а в перерывы никогда не передвигаются толпами. Хотя это слишком громкое название для горстки из ста человек, но в этом маленьком лагере не было ощущения просторности Московского конгломерата или же обычного города вроде моего Новоактоба. Вроде бы и территория лагеря достаточно большая, но домики и административные здания слишком миниатюрные и низкорослые по сравнению с городским размахом построек.

Я пошла к небольшой площадке перед ангаром, по всему выходило, что мы куда-то полетим. Вокруг было много знакомых лиц, уже приевшихся за два месяца обучения, мне был даже известен примерный уровень способностей научной части абитуриентов.

Вдруг где-то впереди мелькнула светлая макушка Атона, а это был он, с его цветом волос исключений быть не могло. Я ускорила шаг, даже перешла на легкий бег, чтобы его догнать, но куда уж мне угнаться за его уверенной и быстрой походкой. Немного подумав, я выкрикнула «Курсант Стингрей!», надеясь привлечь его внимание. Мне очень хотелось бы перекинуться парой слов с единственным человеком здесь, по-доброму ко мне относящимся. Атон мгновенно повернулся на источник звука, приветливо улыбнулся мне и остановился подождать. Я подбежала, прекрасно ощущая в своем теле последствия его тренировок, так как дыхание даже не подумало сбиться.

— Привет, — поздоровалась с ним я, а затем мы пошли вровень.

— И тебе привет. Надеюсь, скоро мы будем здороваться «Скай», — он с легкой полуулыбкой посмотрел на меня.

— Ага. Я тоже надеюсь, — ответила я. Это же неотделимая часть моей мечты — правс сказать традиционное приветствие всех космических работников. Всем известно, что корни происхождения этого слова английские, хотя оно уже давно вписалось в словарь лингвы. Хотя, если подумать, не все слова в лингве выдуманые, её создатель попытался уделить внимание каждой национальности земного шара, так что там можно встретить и арабское «умма» для обозначения нации, и шумерское «гиш» для дерева, и много других странных словечек. Лингва очень причудлива, но построена так, чтобы никому не было обидно. Поэтому её и приняли единогласно в качестве космического языка еще на первом заседании Международного Космического Совета и закрепили обязательность её изучения в школах в первой редакции Космической Доктрины.

— Настрой боевой? — иронично поинтересовался Атон, огибая тую и сворачивая направо по дороге.

— Вроде того, — пожалала плечами я.

Видимо, мой голос друга не вдохновил, так что он решил меня поддержать:

— Не надо переживать, это всего лишь последнее испытание, а не главный экзамен. В конечном итоге будут учитывать успехи и неудачи каждого дня, проведенного здесь, ведь ты наверное заметила, что экзаменов по предметам у вас нет. И оценок тоже. И это испытание

— лишь одно в череде уже прошедших.

— Как нас будет оценивать, если самих оценок нет? — удивилась я, хотя и предполагала нечто подобное раньше.

— Тут важны общая обучаемость и способность преодолевать себя, правильно распределять время и пользоваться им максимально разумно. Потом, как и я, будешь вспоминать испытание и думать, до чего же легким оно было по сравнению с тем, какой ад тебя ждет в академии. Поэтому не волнуйся, на этом испытании ты должна плыть в том же русле, что и прежде, и у тебя всё получится, — он посмотрел на меня своими добрыми ясными глазами, и я ему поверила. Ничего страшного не произойдет. В конце концов, это даже не экзамен, и если я его выдержу с достоинством, он не перечеркнет мои предыдущие заслуги (если учитывать, что они были, конечно).

Естественно, мне хотелось много о чем спросить Атона, и он наверняка знает намного больше, чем говорит, но ему нельзя отвечать, а я не хочу выглядеть так, словно пытаюсь воспользоваться нашей ещё хрупкой дружбой.

Тем временем мы подошли к толпе, собравшейся на площадке перед ангаром. Атон легонько сжал моё плечо, прежде чем отправиться к собравшимся у небольшого возвышения тренерам и преподавателям, и этот простой жест поддержки окончательно вселил в меня уверенность в собственных силах и в мудрости приемной комиссии. Они всё знают, всё видят, и нужно только показать всё самое лучшее, что во мне есть.

Пришлось подождать ещё минут десять, прежде чем основное действие началось. На импровизированную сцену — зависший в воздухе гравипласт — взошел тренер по боевым искусствам у военных. Получается, что это он глава приемной комиссии, хотя возможно, он курирует только военных. Это был невысокий смуглокожий мужчина явно азиатского происхождения, облаченный в стандартную синюю форму исследователя, которую носили все присутствующие здесь тренеры и преподаватели. Гравипласт, ощутив вес человека, поднялся выше, давая нам рассмотреть выступающего.

Мужчина прокашлялся и начал речь:

— Доброе утро, уважаемые абитуриенты! Я не со всеми из вас знаком, так что спешу представиться. Меня зовут Виктор У, я являюсь подполковником отдела безопасности Космических войск Земли и также этим летом выполняю обязанности тренера по боевым искусствам у претендентов на военные позиции в Академии Космических Исследований. Сегодня день последнего испытания, и только от вас зависит, день оно продлится или три дня, — он послушал удивленные возгласы и охи нашей группы и продолжил: — Сейчас методом жеребьевки будут сформированы группы из четырех человек, состоящих из двух военных и двух научных работников, затем опять же методом жеребьевки вы получите задание и комплект необходимых вещей для прохождения испытания, который будет ждать вас внутри подготовленного заранее ангара. Если вы пройдете испытание раньше пары дней — это отлично, конечно, так как после истечения трех суток задание автоматически становится невыполненным. Но лично от себя я бы советовал вам не спешить и действовать осторожнее.

Тут У выдержал драматическую паузу, оглядев нас с высоты своего помоста, и продолжил:

— Давайте начнем, — он как-то предвкушающе улыбнулся, — Чтобы всё было по-честному, предлагаю кому-нибудь из вас, вам, например, — он кивнул стоящей прямо перед ним девочке с неизменными косичками, — предоставить мне ваш планшет.

Девушка несколько замешкалась, но потом протянула ему вверх руку с планшетом. У благодарно кивнул, наклонился и взял его из рук абитуриентки.

— Список вас всех хранится в открытом доступе в лагерной базе, как вы уже, наверное, видели, с пометками, кто на какое отделение претендует. Я его копирую в стандартную программу жеребьевки, которая есть на любом планшете, и задаю параметры, — всё это он приговаривал, водя пальцами по экрану. — Итак, готово!

Ещё одно движение подушечками пальцев и справа от него появился светящийся список с цифрой «1» и четырьмя фамилиями. Подполковник У проговорил их все и сказал, что озвученным людям нужно пройти первыми в дверь ангара и взлететь на первом флаере к первому полигону, где их ждет задание номер один.

Ряды испытуемых постепенно редели, а до меня список никак не доходил. Девочка с косичками ушла в пятнадцатой четверке. Я предполагала, что групп должно быть примерно двадцать пять, если нас всего около ста абитуриентов. То, что мы будем проходить испытание не в одиночку, даже несколько радовало. С одной стороны, это сложнее, так как придется работать сообща, но продуктивный диалог никогда не был моей слабой стороной, как-нибудь да справимся. А вот то, что испытание займет примерно три дня, заставляло радоваться компании даже малознакомых людей, преследующих общую со мной цель.

Моё имя было четвертым в двадцать второй группе. К этому времени мы были уже маленькой горсткой людей, так что я легко нашла глазами тех, кому предстояло пересечь этот последний перевал со мной.

Больше всего меня обрадовало, что в нашу группу попал Шота с медицины. Он быстро нашел меня глазами и сверкнул своей белозубой улыбкой на фоне темной кожи. Это маленькое проявление симпатии приятно согрело мою душу. Когда он двинулся в сторону ангара, я последовала за ним и, не удержавшись, взглянула в сторону Атона, где натолкнулась на ободряющий кивок. Я улыбнулась ему. В этот момент страх уже полностью отсутствовал, я сосредоточилась на задании, и невероятная удача в виде знакомого лица со мной в одной упряжи вдохновляла на дальнейшие свершения.

Поравнявшись с Шотой у двери ангара, я радостно с ним поздоровалась. Он пропустил меня вперед, а затем мы пошли вместе к лифту. Через минуту к нам присоединились ещё двое. Раз мы с Шотой — ученые, получается, что они военные, но у них были другие нашивки, на которых не указывалась дифференциация по специальностям внутри космических войск. А сейчас на новых костюмах нашивок и вовсе не было.

Первым при жеребьевке назвали среднего роста парня, очень широкоплечего и даже мускулистого, что в его годы могло говорить только о врожденной силе, с темно-русыми короткостриженными волосами по имени Иван Ромашин.

Вместе с ним к нам подошла высокая девушка, которую назвали второй. Они о чем-то переговаривались и явно были знакомы. Возможно, у военных с межличностными отношениями дела идут лучше, чем у нас. У девушки были каштановые волосы небольшой длины, по мочки ушей, огромные карие глаза и скользящая походка. Именно она выдавала в ней более высокую скорость реагирования, чем у обычных людей, и в том числе общую повышенную быстроту действий. Звали её Марина Николаенко.

Мы молча забрались в четырехместный флаер, который, по-видимому, должен был довезти нас до места назначения в автоматическом режиме. А значит, у нас было минут пять-десять на знакомство перед попаданием в те самые загадочные условия. И они это понимали. Первым заговорил Иван:

— Думаю, мы все знаем, как кого зовут, так? Вопрос лишь в том, чем наши специальности помогут друг другу.

Мы кивнули, никто плохой памятью не страдал.

— Я претендую на место на курсе космических оружейных систем, Марина хочет быть специалистом по безопасности экипажа. Вас я помню, Мирра, вы были у нас на практикуме и демонстрировали врожденную точность. Вы ведь биолог, верно?

Я снова молча кивнула, а Шота удивленно на меня посмотрел, недоумевая, что я могла делать на занятии у военных. Затем он решил взять дело в свои руки и вообще представиться:

— А я Шота, если вдруг кто не помнит. Хочу изучать медицину, — он взглянул на Ивана, как на одного из самых активных в нашей компании. — Предлагаю ещё раз провести жеребьевку, но уже среди нас четверых, и определить, кто будет главным в группе. Думаю, это необходимо.

— Верно, — кивнул Иван.

— Давайте, — поддержала Шоту я.

— Каким образом мы это сделаем? Снова на планшете? — Марина достала его из кармана и принялась разворачивать. А затем нахмурилась. — У меня одной так?

Она развернула планшет к нам. Экран на неё не реагировал и был обычной прозрачной пластиной без намека на какие-либо технические возможности.

Мы все как по команде достали свои планшеты и обнаружили, что они тоже ни на что не реагируют.

— Видимо, когда мы синхронизировались с инфомсистемой лагеря, нам передали и подпрограмму, которая в нужный момент их отключает, — выдвинула разумное предположение Марина. Это было логично, так как планшеты, неразрывно связанные с сетью, на поверхность неизведанных планет брать запрещено.

— Тогда предлагаю провести жеребьевку по старинке, — я стянула резинку с волос, достала из кармана тарелку и разложила её. — Только пусть её проведет человек без быстроты и точности. То есть не я и не Марина.

— И не я, — вставил Шота.

— Что надо делать? — спросил Иван.

— Пусть каждый достанет тарелки, они ведь у нас одинаковые, — пояснила я, — и Иван под одну из них поместит мою резинку, а мы отвернемся. А затем каждый сделает выбор, и тот, кто получит резинку, станет главным. Знаю, это не гигиенично, но горелка или нож будут греметь внутри тарелки, а больше у нас ничего с собой нет.

— Отличная идея, — кивнул Иван и достал тарелку. Мы молча подвинули свою посуду к нему и отвернулись. Через полминуты он нам разрешил повернуться назад. Благодаря тому, что в четырехместном флаере два сидячих места располагаются напротив двух других, нам предстал вид из четырех абсолютно одинаковых тарелок, стоящих на полу в ряд. Только что отворачиваться было не очень удобно, пришлось всем корпусом вертеться в кресле.

Под выбранной Мариной тарелкой ничего не было, моя тоже была пуста, а вот Шоте выпала резинка. Я улыбнулась ему, эта случайность меня обрадовала. Иван тоже не выглядел особенно расстроенным, наверное, тоже ничего не имел против Шоты.

За всеми этими обсуждениями, стремясь хоть как-то скоординировать свои действия перед получением задания, мы даже не глазели по сторонам, и только когда флаер начал снижаться, стали смотреть в окно. Я увидела знакомые серебристые очертания полигона, который походил на тот, который предстал моему взору при прибытии в Айхал, только наш,

двадцать второй, был намного дальше от лагеря и, скорее всего, возведен специально для последнего испытания.

Флаер опустился на каменистую поверхность в нескольких метрах от входа. Дверь располагалась ещё на земле, а затем узкий восходящий коридор соединял её с основным сооружением, которое зависло метрах в трех над неровной поверхностью нашей планеты.

— Ну что ж, удачи нам всем! — произнес командное напутствие Шота, и мы вторили ему «удачи!», обращаясь друг другу.

Мой страх пока и не думал появляться, а некоторая нервозность пропала ещё во флаере. Мы вместе, мы команда и мы должны поддерживать и оберегать друг друга. Не время для переживаний, теперь я отвечаю не только за себя, но и за товарищей, и так же, как и они меня, буду стремиться оградить их от опасностей.

Каждый прижал палец к двери и позволил сверить сетчатку глаза, а затем прошел в коридор, где ступеньки по принципу эскалатора вознесли нас вверх. Мы оказались в стандартном серебристом холле, похожем на все остальные административные помещения. Стоило последнему из нашей группы переместиться со ступеньки в холл, как посредине появилась голограмма подполковника У. Он серьезно посмотрел в ту сторону, где по идее должна находиться наша группа, и произнес:

— Внимание! Прошу вас сосредоточиться и выслушать задание номер двадцать два. Вы высадились на незнакомую кислородосодержащую планету, имеющую флору и фауну и в некоторой степени похожую на Землю. Ваша миссия — найти пропавшую экспедицию, которая высадилась здесь первой, и выяснить, почему связь с ней прервалась. В случае, если они не выжили, выяснить причину их гибели. Вы можете воспользоваться предоставленными инструментами, помогающими в выполнении задания. Если вы захотите прервать испытание, вы должны сказать «Хочу закончить испытание и исключить себя из числа абитуриентов», порядок слов может быть произвольным в зависимости от ситуации, в которой вы окажетесь. Задание считается законченным, если вы вернетесь к двери, то есть подразумевается, что к планетарному шаттлу, и при попадании в это же помещение дадите верный ответ. Действия в группе и действия каждого в отдельности на протяжении всего времени прохождения испытания будут иметь такое же значение, как и нахождение правильного ответа. Также вы не должны доводить себя до физического истощения, надеясь продержаться три дня на пределе возможностей. Помните, что это сейчас у вас так мало дней, в будущем вам придется учиться равномерно распределять свои ресурсы. У вас десять минут на обсуждение условий. Удачи!

С этими словами фигура Виктора У исчезла, зато в стене справа от эскалатора створка шкафа отъехала вверх и продемонстрировала нам набор инструментов. Первым к шкафу подошел Шота и достал с полки две винтовки. Он на несколько секунд задержал их в руках, не зная, что они делают, затем протянул Марине и Ивану.

Иван оглядел оружие и кивнул своим мыслям:

— Обездвиживающие. Заряд ограничен.

Шота тем временем достал рюкзак, четыре маленьких валика спальных мешков, средних размеров аптечку, странный прибор в виде какого-то электронного ситечка с горловиной, упаковку с пищевым пайком, четыре кислородные пластины, четыре пластиковых браслета и какой-то белый прямоугольник, который медик распознал как анализатор крови.

— Кто из нас, кроме Ивана, имеет модификацию силы? — спросил Алиев.

Мы отрицательно покачали головами. Тогда Шота продолжил:

— Раз у нас один рюкзак, предлагаю сложить в него то, что в руках нести неудобно, и отдать это Ивану.

— Да, мне это будет легко нести, — подтвердил силач.

— Значит, я сюда складываю спальные мешки, — Шота проговаривал это, укладывая предметы в рюкзак, — аптечку, так как на ней нет креплений к одежде, очиститель воды и еду. Анализатор поместится и мне в карман.

Он протянул рюкзак Ивану, который быстро его надел. Затем подошел и каждому застегнул на руке пластиковый браслет, который пока показывал время «00.00» и красную стрелочку, указывающую направление до пропавшей экспедиции, и протянул кислородную пластину. Я никогда прежде не использовала это небольшое прозрачное мягкое колечко, но общую технологию применения знала. Если атмосфера планеты содержит кислород без вредных примесей и радиации и позволяет людям передвигаться в одних лишь костюмах без скафандра, то используют такие вот колечки, которые перерабатывают газовую смесь и делают её похожей на земную. Я сжала колечко в руке, набираясь храбрости, а затем проглотила, как таблетку. Через мгновение я почувствовала странное ощущение в горле из-за чужеродного объекта, но через полчаса мой организм должен будет привыкнуть и оно пропадет бесследно. Я вдохнула воздух полной грудью, но пока его состав не изменился, видимо, он и так был чист.

Остальные последовали моему примеру. Теперь я уже не была так уверена в своих силах. У всех членов нашей команды было что-то, что они получили перед испытанием, у военных — оружие, у Шоты — аптечка и анализатор, а у меня — ничего. Хотя... Должно быть, в аптечке должны быть какие-то приборы для полевых анализов, вроде мини микроскопа для исследования клеток. Его я как раз смогу применить и для растений.

От этих мыслей я воспрянула духом. Проверять содержимое аптечки некогда, но вероятнее всего я права.

Видимо, десять минут истекло, так как напротив ступеней отъехала вверх дверь, но показала нам лишь туманную пелену, не выдавая, какие условия нас ожидают за ней и не пропуская звуки.

Мы переглянулись, и Шота шагнул первым. За ним все остальные, и самой последней, задержав дыхание, я.

Заботливая хозяйка суетилась по кухне, готовя нам поздний завтрак. Фрунзе никогда особо не привлекал отдыхающих, поэтому она, по всей видимости, решила ответственно подойти к нашему здесь пребыванию и обслужить постояльцев по высшему разряду, накормив их и развлекаая беседой.

Старый лакированный стол-книжка пребывал в сложенном состоянии и был покрыт цветастой скатертью с подсолнухами. Мотивы этого солнечного символа процветания повторялись во всех элементах отделки кухни, от зелено-желтых обоев до герани в бежевом горшке в мелкие кружки подсолнечника. Я сидела на старом деревянном стуле с некогда отделанным бордовым бархатом сиденьем, а Ян расположился на старом диване, покрытом красно-коричневым аляповатым ковром. Я бы с радостью устроилась рядом с ним, но в таком случае стол приходился бы мне по подбородок.

Татьяна Ивановна, как звали нашу спасительницу, разливала по глубоким тарелкам очень странный на вид суп. Как она объяснила, его научил её готовить дед Бойко, как его называли все в деревне, по привезенному из Болгарии рецепту. Он постоянно угощал её непривычными фрунзенцам блюдами, а иногда, когда дед пребывал в особо хорошем расположении духа, можно было зайти к нему на чашечку чая и ароматные сарми, которые, по сути, были голубцами в виноградных листьях. Иногда Бойко доставал из старого серванта бутылочку абрикосовой ракии или менты, мятного ликера, привезенную сыном от первого брака с родины, и угощал взрослых гостей. А если гостем была женщина, то мог рассказать о каких-нибудь заморских блюдах. Так наша хозяйка и научилась готовить таратор — летний холодный суп из кислого молока, огурцов, грецких орехов и специй. Несмотря на странный состав, суп оказался неожиданно вкусным и приятно охлаждал, так как южная жара постепенно начала проникать и в эту маленькую кухню.

Пожилая женщина обрела в нашем лице благодатных слушателей и стала вспоминать о каких-то событиях её прошлого, не имеющих особого отношения к делу, и не давала вставить и слова в свой ностальгический монолог. В один момент, когда она наклонилась, чтобы проверить банки с компотом, стоящие на полу дальней стены под синим ватником, я наконец смогла задать самый главный вопрос:

— А дед Бойко ничего не говорил про свои рисунки? Может, они у кого-то сохранились?

Хозяйка выпрямилась, с удивлением посмотрела на меня и ответила:

— Я не помню, чтобы он часто рисовал... Я-то переехала сюда лет двадцать назад, после замужества, он уже в то время болел, — она задумалась, припоминая, и вдруг оживилась: — Точно, правда ж рисовал! К нему дети забегали всё время, особенно по вечерам на сладкое и за сказками, и он им иногда что-то калякал в тетрадках или помогал подготовить рисунок к изо в школе. Он хоть и старым был, а писал до самого конца четко и уверенно. Но особо этим не увлекался, больше любил выдумывать всякое... Зайдешь бывало, ребяташки сидят, глаза вылупили и такая тишина стоит, как ни на одном уроке... А он им какие-то истории рассказывает про пришельцев, зверушек всяких, звездолеты... Я своим, помнится, когда они малые были, про Алису Булычева читала, как они с папой до планет летают и привозят животных в зоопарк, так вот его сказки это чем-то напоминали. Наверное, тоже своим Илюше с Нинкой перед сном читал. Или жена читала, а он запомнил.

— Так вы их не видели, получается? — уточнила я, не надеясь на положительный результат.

— Нет, деточка, не видела, — Татьяна Ивановна покачала головой. — Ты из-за рисунков что ли приехала?

— Ну да, — ответила я, не скрывая разочарование в голосе. Полгода ожидала я этот момент, пыталась найти объяснение, а всё попусту!

— Почему эти рисунки так тебе важны? — она вмиг посерьезнела и села за стол, нервно теребя в руках тряпку, которой прежде вытирала столешницу.

— Понимаете, я никогда ничего прежде не слышала о Бойко Видинском, но стала рисовать и меня... обвинили в плагиате, — заметив недоуменное лицо женщины, я пояснила: — то есть мне сказали, что я перерисовала чужую картину, присвоила не свои заслуги. Но я абсолютно уверена, что идеи для моих работ — мои собственные, и то, что у кого-то были похожие, меня настолько удивило, что я нашла информацию об этом художнике и в итоге приехала сюда. А теперь... видимо, мне не суждено найти ответ.

Татьяна Ивановна смотрела на меня так, словно увидела приведение. Выражение растерянности и некоторой степени ужаса застыло на её побелевшем лице без единой кровинки. Она медленно перевела взгляд на Яна и испытующе на него посмотрела, а потом, по мере того, как она вглядывалась в него и видела что-то, понятное только ей, её губы сжимались в строгую линию, а глаза сужались от затаенной злости.

Но ещё спустя мгновение женщина опустила их вниз, на сжатые в кулаки ладони, а когда вновь обратила внимание на нас, была уже спокойной и собранной.

— Он говорил, что вы можете прийти... я считала его слегка сумасшедшим. Думала, дед свихнулся на старости лет...

— Откуда Бойко знал, что мы придем? — теперь уже настала моя очередь смотреть на неё оленьими глазами.

— Не то, чтобы знал... — она замялась, подбирая слова, — Скорее, просто надеялся. Верил.

Я молчала, переваривая странные слова Татьяны Ивановны. Кажется, я совсем ничего не понимала. Она между тем поднялась из-за стола, снова взяла тряпку и принялась суетиться по кухне, избегая наших взглядов. Когда же молчание стало совсем тягостным, женщина повернулась и решительно заявила:

— Вам нужно позвонить его внуку. Он, если что, спросит у отца, я же ничего не могу толком объяснить. Главное — расскажите эту историю с картиной. И что вы приезжали сюда ради этого. Телефон я дам.

Она быстро вышла из комнаты, а затем вернулась с потрепанной телефонной книжкой. Перебирая дрожащими пальцами страницы и немного шевеля губами, она нашла нужный номер и кривым подчерком переписала его на выданный листок. Протянула его нам. От прежней радушной хозяйки не осталось и следа. Нет, она не стремилась нас выгнать поскорее, но глядела слегка настороженно, боязливо, как ведет себя любой суеверный человек, сталкивающийся с чем-то потусторонним, не вписывающимся в его картину мира. Видя состояние этой женщины, у меня даже возникло подозрение, что она могла и вовсе перекреститься, когда ходила за книжкой с номерами.

Ян тоже почувствовал эту нездоровую атмосферу и, быстро допив чай, предложил вернуться в Геническ, ссылаясь на то, что друзья за нас уже беспокоятся. Я была совсем не против, так как ощущала пелену испуга, накрывшую эту комнату. Вскоре необычное

поведение хозяйки достигло апогея, когда она ни с того не с сего отказалась брать с Яна деньги за ночлег, никак это не мотивируя, но судя по её неменяемому состоянию, спорить было бесполезно.

Когда мы уже вышли за порог и приготовились в сотый раз благодарить за гостеприимство, она, не выпуская из рук всё ту же тряпку, предложила с таким видом, словно соглашается на прыжок с парашютом:

— Хотите сходить на его могилу? Я вам и дом по пути покажу.

Я вопросительно посмотрела на Яна, не зная, как относиться к такому предложению. Он пожал плечами, дескать, решай сама. По правде говоря, больше всего сейчас хотелось поскорее вернуться в номер и принять душ, а не тащиться по полуденной жаре непонятно куда, но хозяйка вела себя так, словно делает что-то очень важное, причем наступив на горло собственному страху.

Татьяна Ивановна попросила нас подождать её, скрылась в доме, а потом вышла в легком салатном халате. Закрыв входную дверь, она повела меня и Яна по пыльной дороге на край деревни, по пути здороваясь с соседями или же игнорируя их приветствия, когда задумывалась. Я поздно вспомнила, что на кладбище нужно приносить конфеты или другую еду в количестве двух экземпляров, и предложила зайти по пути в магазин, но молчаливая хозяйка остановила меня, заверив, что нам не нужно ничего покупать. Это тоже было странно, так как и она сама ничего с собой не взяла, хотя ласково и с теплом отзывалась о деде Бойко.

Когда дорога превратилась в вытопанную тропинку посреди поля практически полностью выгоревшей на солнце травы, мы стали идти гуськом. Ян же, идя последним, периодически останавливался и рвал редкие полевые цветы, выглядывающие среди жухлых стеблей типчака. Букет получился очень хлипким и тонким, а когда я разделила его на две части, отдав одну Яну, и вовсе несуразным. Но надо всё-таки уважить этого художника. Пусть даже я и не найду ответов, эта поездка принесла мне очень многое — встречу с Яном, и чем бы это ни закончилось, я определенно не смогу стереть из памяти эти южные каникулы.

Вскоре показалось заросшее высокой травой кладбище на маленьком оазисе деревьев посреди поля. Видимо, деревья не стали срубать, чтобы была хоть какая-то тень, и благодаря ей я почувствовала облегчение, когда мы зашли на эту священную территорию. Я не могла разделить важность момента с Татьяной Ивановной, так как больше думала о том, что после этих пеших походов все мои ноги испачкались в пыли и мне просто необходимо как можно скорее оказаться в номере. Хорошо, что хоть панамку в поездку взяла, иначе нос бы сгорел окончательно. Ян же шел как ни в чем не бывало, словно эта прогулка его совсем не напрягает и нет ничего странного в походе туристов на могилу незнакомого человека жарким днем.

Виляя между тесно притулившимися друг к другу оградами, мы вслед за хозяйкой вошли в голубую калитку и встали у могил. Их оказалось две — мужская и женская. Памятники были простые, сделанные из спаянных металлических листов каким-то местным мастером, и покрашенные голубой краской, которая теперь местами обшарпалась и обнажила спрятанное под ней стальное естество. Этот участок захоронения был более ухожен, чем расположившиеся поблизости, наверное, дочь Бойко из Мелитополя всё же иногда сюда приезжала и наводила хоть какой-то порядок. Пластмассовые цветы по большей части потеряли свой цвет и от дождя склонились под неестественными углами, приготовившись к

падению.

Я разделила хлипкий букет полевых цветов на две части, и положила один на могилу женщины с выцветшей фотографией, так как мне показалось важнее проявить жест уважения к женщине, хоть я и приехала сюда ради Бойко. Ян же приложил к памятнику Бойко второй букет и остался сидеть на корточках, вглядываясь в надпись на нём. Татьяна Ивановна стояла поодаль и молча за нами наблюдала, перекрестившись три раза на входе. Станный обычай, мы в России, кажется, не крестимся при появлении на кладбище.

Я присела рядом с Яном, пытаясь разглядеть, что же он заметил. На плите были написаны годы жизни — 17.09.1917-22.03.2000 — и латинское изречение «a posse ad esse». Ян же не вчитывался в него так долго. Присев рядом, я обнаружила, что всё это время он набирал его в строке поисковика на мобильном, чтобы узнать его значение. Интернет притормаживал, так как мы находились уже в километре от Фрунзе, но вскоре выдал результат: «от того, что возможно, к тому, что существует». Мне понравилась эта фраза. Бойко был мечтателем, любил придумывать и рассказывать разные истории, и даже мне казалось, что она к нему как нельзя подходила.

Я посмотрела на могилу женщины, но она на ней краска слезла ещё сильнее, поэтому я рассмотрела только отдельные фразы «Видинская Ярослава...», год рождения «1925» и «Да пребудут с тобой небеса всегда и во веки веков».

Поднявшись на ноги, я отошла к выходу и окинула последним взглядом могилы. Смерть всегда печалит и заставляет задуматься о вечном, и мне было искренне жаль, что я так и не познакомилась со сказочником Бойко. Хорошо, что у него были дети, которые помнят о нём и после смерти. Он, должно быть, был неплохим человеком, и я попыталась передать ему своё уважение мысленно, глядя на места захоронения его и его жены. Это единственное, что я смогла сделать. Наверное, именно этого и ожидала Татьяна Ивановна, приведя нас сюда. Она по-прежнему наблюдала за нами с некоторой настороженностью, и мне казалось нетактичным задавать ей вопрос о том, каких действий она ожидает от нас на этой могиле. Мы должны станцевать? Заплакать? Каяться в грехах? У меня не возникло никаких особенных чувств, кроме привычной скорби по всем тем, кого я знала в своей короткой жизни и кто покинул меня. Бойко же, хоть и каким-то образом ворвался в мою жизнь, был совершенно незнакомым человеком, просто мечтающим так же, как и я.

Обратная дорога вконец меня измотала, и я прокляла себя, что не отказалась от похода на могилу Видинского. Радовало только присутствие Яна в такой необычной ситуации. Подумать только: теперь, когда лед в отношениях растоплен и всё начало налаживаться, мы проводим наш первый день вместе на кладбище! Хорошо, что рядом старый добрый Ян, и его я мало чем могу удивить, поэтому не постеснялась согласиться на эту прогулку, но если бы это был не он? Даже не представляю, кого ещё я могла бы взять с собой в это странное приключение и чувствовать себя при этом совершенно спокойной.

Вскоре мы вступили на территорию села, но к остановке пошли не знакомыми уже дорогами, а петляя в каких-то улочках. Но этому вскоре было дано объяснение. Хозяйка остановилась около одного типично украинского домика, приземистого, побеленного с обведенными синим окнами. Он не бросался в глаза при первом взгляде, так как дорога от деревянной калитки до входной двери была укрыта аркой вьющейся виноградной лозы, а перед самым домом росли пышные деревья абрикоса и груши. Под окнами же виднелись заросли крыжовника, смородины и мяты. Теперь дом был неухоженным, так как, судя по рассказу нашего проводника, внуки Бойко лишь иногда приезжают сюда как на дачу. У них

есть где-то в поле большой участок земли, засаженный картофелем, а позади самого дома они выращивают помидоры, огурцы, морковь и подобные овощные культуры.

Я, как городской житель, застыла на какое-то время перед этим образцом деревенского уюта. Наверное, и я могла бы прожить жизнь в таком домике, который настолько органично вписался в лоно сада, что становился неотделим от него. Каково это: проснуться утром, выйти во двор, нарвать целую тарелку абрикосов и есть их на завтрак, смакуя сочную ароматную мякоть? Или сорвать пучок мяты и заварить самый вкусный чай для себя и любимого человека? Или надеть резиновые калоши и пройтись между грядок, выискивая самый крупный красный томат, а потом сделать из него, огурчиков, свежего зеленого лука и нескольких долек чеснока непередаваемо аппетитный салат и заправить его ароматным украинским подсолнечным маслом, которым так славится эта страна? Я вдохнула терпкий запах абрикосов, закрыла глаза и подумала, что именно так, наверное, и пахнет мечта.

Желтые хризантемы отказываются ломаться в старческих пальцах. Мне не хватает сил, чтобы сорвать хоть один цветок, и приходится возвращаться в дом, доставать из шкафа в прихожей секатор и отправляться вновь воевать с цветами. Пират не дает взять в руки стебель, засовывает голову между моих рук, и мне приходится отстраниться, чтобы не повредить его и без того рваное ухо, которым он обзавелся в драке с соседскими собаками.

Хлопнула калитка. Пират мигом перестал интересоваться кустом хризантем и побежал встречать гостей. Я быстро вернулся к прерванному занятию, раздвинул упругие ветки и у самых корней отрезал четыре стебелька. Готовый букет сиял ярче солнца в моих руках, и подошедшая Татьяна даже поинтересовалась, не жалко ли мне их срывать, если это всё равно никто не оценит.

Я поднялся с колен, отряхивая с коричневых брюк мелкие веточки и травинки, взял небольшую авоську и трость, притулившиеся у лавки, и позволил заботливой Тане взять меня под руку. Она забрала у меня из рук мою котомку и попыталась польститься на букет цветов, но уж его-то я могу удержать. После пяти уколов, включая утренний, я чувствовал, что мне становится лучше и давление больше не так шалит, так что был готов к небольшому путешествию.

Стоило нам выйти за пределы двора, как все появляющиеся в поле зрения жители стали считать своим долгом подойти ко нам и осведомиться о моем здоровье, а их дети концентрировали всё своё внимание на Пирате, который увязался за нами. Одна соседка обещалась непременно зайти ко мне вечером на гараж, но я-то знал, что куда больше её привлекает рюмочка ракии, которую я обязательно предложу. Другая попросила оставить у меня сына на ночь, так как хотела пойти ночью с мужем в море, и обещала расплатиться за хлопоты жирным пеленгасом.

Дорога сегодня не была пыльной. Ночью шел дождь, а утром было пасмурно, и тяжелые серые тучи не сходили с неба до сих пор. Было приятно вдыхать свежий воздух, который сохранил в себе дыхание моря, и не прятать кожу от обжигающего солнца.

Вскоре последние сельские домики оказались позади, и широкая дорога сменилась вытоптанной посреди поля тропой, испещренной глубокими колеями с лужами на дне от колес тракторов. Даже и сейчас один виднелся далеко на горизонте, ближе к побережью.

Идти было не так уж сложно, и когда я останавливался, чтобы перевести дух, Таня доставала стеклянную бутылку вишневого компота и угощала меня им. Становилось легче, и с новыми силами мы продолжали путь.

Вскоре мы зашли на островок мертвых — сельское кладбище. Приближался Яблочный Спас, к которому приедут и мои дети, и оно не было пустым. То тут, то там встречались люди с граблями или с кистями краски. Ограда участка, к которому мы держали путь, облупилась от солнца и ветра, и сквозь голубой цвет проскакивали серые проплешины металла. Но дочь обязательно купит в Мелитополе краску и наведет здесь порядок перед Осенинами.

Отворив калитку, я застыл у входа, словно не приходил сюда уже тысячу раз. Как и прежде, остро кольнуло сердце, а горле запершило от горечи. Против воли слезы появились в уголках глаз, но не полились ручьем, как прежде. Даже боль имеет срок давности, и тупое чувство потери пришло на смену горестному воплю о несправедливости жизни и ошибке

Создателя.

Я сделал ещё пару шагов и вспомнил один день через какое-то время после похорон, когда большие венки и корзинки с искусственными цветами были уже убраны. Я точно так же застыл перед могилой, когда меня накрыло с головой чувство дежа вю. Я вдруг совершенно четко осознал, что бывал здесь прежде, и передо мной пронеслась цепь нескольких последующих мгновений. Я знал, что стоило лишь немного повернуть голову, и рядом с памятником моей любимой будет находиться моя собственная могила, с похожим голубым памятником и пучком полевых трав.

Это чувство пропало так же быстро, как и появилось, и я по крупинкам пытался воссоздать, что же я видел рядом с могилой Ярославы. Вопреки моим предыдущим похожим ощущениям, это видение не ускользало из мыслей, теряясь в дымке сознания, а постепенно обрастало ранее не видимыми элементами.

Я подошел ближе, посмотрел на желтые цветы в моей руке, которые так подходили ей, и наклонился, чтобы опустить их на могилу. И снова дежа вю. Когда-то я точно так же наклонялся, и на долю секунды жар дыхнул мне в лицо, возвращая в солнечный летний день. Кажется, рядом со мной присутствовал кто-то ещё, но в этот раз ощущение уплывало, не давая за него ухватиться.

— Деда Бойко, с вами всё в порядке? — тревожно спросила Татьяна, наблюдая за изменениями на моем лице. — Сердце закололо?

— Нет, Таня, всё хорошо, — уверил её я. — Просто накрыло дежа вю. Ты, наверное, слышала о таком?

— Снова какие-то ваши азиатские штучки? — тревога пропала из её глаз, уступив место скепсису.

— Ничего имеющего отношения к религии, — разъяснил я. — Это вообще психологический термин. Дежа вю — это ощущение, что ты уже был в подобной ситуации. Его чувствовал почти каждый человек. Наверняка и ты что-то подобное припомнишь.

— Нет, такого со мной не было, — категорично заявила она. — А вы определенно здесь прежде бывали очень много раз, за пятнадцать-то лет.

— Это другое. Сейчас оно было совсем мимолетным. Но как-то я почувствовал, что нахожусь здесь не один, а стоит мне только отвести взгляд от памятника Яры, как я увижу свою собственную могилу, и на ней будет лежать такой маленький пучок цветов, сорванных в поле.

— Свят-свят, — испуганно вымолвила Татьяна и перекрестилась трижды. — Даже не думайте об этом! Дай Бог вам здоровьечка, пусть такие мысли даже не лезут вам в голову!

— Да я не об этом... — хотел было переубедить её я, но махнул рукой на эту бесполезную затею.

Я начал доставать из авоськи бутылку чистой воды, чтобы промыть рюмочку с могилы, небольшую баночку из-под майонеза, наполненную ментой — любимым напитком Ярославы, половину абрикосового пирога и конфеты, чтобы помянуть с Татьяной мою жену и потом положить на блюде у памятника и долю Яры.

То давнее событие никак не стиралось из памяти, словно я его пережил на самом деле. После того видения я стал уделять внимание дежа вю в любом фильме, в любой книге или телепередаче, живо интересуясь этим феноменом. Со временем я узнал и о других, сходных с ним, разновидностях: жамевю и пресквю. И если состояние жамевю так и осталось для меня ощущением, никогда не испытанным, но пресквю было знакомо так же, как и любому

жителю нашего мира. Неспособность вспомнить какое-либо хорошо знакомое слово была мне прекрасно известна, в то же время как некоторые слова, впервые услышанные, производили такое сильное впечатление, словно были важны в какой-то другой жизни. Когда в студенчестве я изучал египтологию, то такое впечатление на меня произвел культ одного из богов, и я всё никак не мог забыть его имя, хотя все остальные давно стерлись из памяти за давностью лет.

Эти мысли отвлекали от боли. Я пытался убежать от неё в книги, в фантазии, в религию, пытался найти оправдания любимому человеку и пытался не позволять себе злиться на неё за то, что она оставила меня доживать свой век в одиночестве, один на один с этим чуждым миром.

Первое ощущение — полнейшая дезориентация. Глаза метались от одного объекта к другому, уши заложило от криков и рева, и не успела я хотя бы на чем-то сосредоточиться, как мощный удар чего-то черного, длинного и огромного отбросил меня на камни и жухлую траву.

Боль пронзила правый бок и спину, я закричала от этого острого чувства, которое вышибло из меня дух, и закрыла глаза, пытаюсь убрать мельтешение черных точек перед ними. Крики не давали сосредоточиться и прийти себя, от шока я не разбирала, просто ли это вопли или там есть словесное содержание. Бок и руку саднило, но сильная боль от падения на твердые предметы постепенно сменялась тупым ноющим чувством. Я смогла стиснуть зубы, чтобы больше не издавать стонов, но выровнять дыхание не получалось. Рев не прекращался, и я решила открыть глаза и посмотреть, что же происходит.

Казалось, прошло уже несколько минут, а на деле это занимало секунды. Валяясь на земле, я мало что пропустила из общего действия. Я посмотрела на небо и, не увидев там ничего страшного, попыталась встать на колени, чтобы оценить ситуацию.

Справа от меня росли гигантские деревья, широкие в обхвате и с такими большими листьями, что я почувствовала себя лилипутом в стране великанов. Это говорило в пользу того, что здесь гравитация немного меньше, чем земная. Было нечто схожее в растительности с ранним юрским периодом на Земле, только папоротники ещё не начали исчезать. Их сплошная пелена не давала рассмотреть, что таит в себе лесная чаща.

Когда я поворачивала голову влево, то уже примерно представляла, что увижу.

Огромное животное, точнее, динозавр, с черной кожей, местами покрытой мелкими хитиновыми пластинами, с длинным хвостом, который так же был покрыт твердыми наростами, ревел метрах в двадцати от меня. Я не увидела пластин и шипов на хвосте, что радовало, зато этот ящер обладал костяным гребнем на спине, на черепе и на носу. Он не щелкал зубами и не пытался никого съесть, вероятно, являлся травоядным, но был очень, очень зол.

Я обернулась к серебристой двери, выделявшейся на фоне немного мерцающей туманной сферы, которая обозначала границу испытательного полигона изнутри, и увидела прямо возле входа островок из деревьев в зарослях папоротника, а среди них — кладку яиц. Теперь стало понятно, почему динозавр так агрессивно настроен.

Первый шок прошел не только у меня, все перестали кричать и провоцировать ящера, но он просто так не сдавался. Марина и Иван палили обездвиживающими зарядами, но что такой заряд против хитиновых пластин! Гигантское существо чувствовало, что на него нападают, Шота понимал, что нужно делать ноги, а не сражаться, о чем и кричал военным. Но те были словно ослеплены и то пригибались и стреляли исподтишка, надеясь попасть в самое незащищенное место — живот, то отскакивали от атакующего их хвоста, то лавировали между ног динозавра и парой кустов папоротника, пытаясь спутать монстра и хоть раз сделать удачный выстрел.

Неожиданно ящер сделал выпад головой, Иван в этот момент как-то неудачно повернулся, и костяной гребень динозавра подцепил рюкзак за одну и ручек. Иван задергался, монстр замотал головой, Марина принялась орать и стрелять, Шота подбежал к ней и зачем-то стал размахивать руками, вынуждая животное отступить.

Я поднялась и побежала к месту развития событий, пытаясь не думать о боли в боку. И тут я поняла нечто страшное. Динозавр отступал к мерцающей сфере, но перед ней было какое-то пустое пространство, обрыв, и если он туда упадет, то Иван последует за ним и в итоге вылетит с испытания. Конечно, его подлатают, но он упустит свою мечту.

Я что есть мочи заорала:

— Снимай рюкзак! Скорее снимай!

Шота недоуменно оглянулся на меня, но потом сам увидел обрыв и присоединился к моим воплям:

— Иван, снимай рюкзак!

Военный перестал трепыхаться, как пойманная бабочка, и принялся вертеть головой по сторонам. И увидел именно то, чего боялись мы. Схватился за лямки рюкзака, немного подтянулся, и стал высвобождать одну руку, а затем, держась свободной рукой за рюкзак и удерживая себя в висячем положении, стал вынимать другую.

Ящер уже не пятился, а нёсся к обрыву, Иван выскользнул из лямок рюкзака и с невероятной ловкостью отпрыгнул на пару метров в сторону, но тут динозавр на всех парах подлетел к краю обрыва и затеребил ногами, пытаясь притормозить на такой скорости. Каменные глыбы глухо застучали по склону, монстр нервничал, пытаясь не упасть вниз, его хвост стал метаться из стороны в сторону, не давая нам приблизиться и создавая опасность для Ивана.

Не успел он перегруппироваться при приземлении на землю, как гигантский хвост сшиб его с ног и толкнул к обрыву. Мы одновременно вскрикнули, когда его макушка пропала из виду, а динозавр всё перебирал своими огромными ногами, из-под которых вылетала каменная крошка, и мотал головой. Рюкзак раскачивался на его гребне и в один момент соскочил и отлетел в сторону стены. С замиранием сердца я увидела, как туман сферы поглотил его.

Наконец динозавр обрел равновесие и с ревом побежал в сторону двери. Мы, оглушенные и ошарашенные, приблизились к обрыву и заглянули вниз. И тут — слава нашему любопытству! — увидели Ивана, который схватился за какой-то корень и висел, держась за него одной рукой. Шота, не теряя ни секунды, протянул ему руку, мы с Мариной на всякий случай уцепились за костюм Алиева, но тот справился и без нашей помощи и вытянул Ивана.

Мы повалились на каменистую землю, восстанавливая дыхание и хватая ртом воздух, который всё ещё не очистился от пыли, поднятой ногами ящера. Я перевернулась на живот и посмотрела в обрыв. Он был в высоту метров десять-пятнадцать, а в его глубине струилась среди выступающих камней быстрая узкая речка. С противоположной стороны виднелась лишь небольшая каменистая площадка, которая упиралась в сферу. Если бы Иван упал с такой высоты, то его травмы явно не позволили бы ему проходить дальше испытание. Значит, мы верно сделали, что попытались спасти его, а не рюкзак.

— Я идиот, — понуро сказал военный, приподнимаясь из лежачего положения.

— Мы все идиоты, — самокритично отозвался Шота, тоже садясь. — Надо было просто убежать, а не геройствовать. Никто не сказал, что наше испытание — одержать победу над динозавром. В итоге мы потеряли почти всё.

Метрах в ста от нас нервно топал ногами ящер, периодически издавая короткий гулгий рев, но на таком расстоянии после пережитого он казался нам совершенно неопасным.

— Давайте не будем раскисать. Получилось и получилось. Теперь нужно думать, что

делать дальше, — попыталась остановить волну самобичевания я.

— Да, давайте это прекращать, — нервно отозвалась Марина. Боевая девушка, что тут скажешь.

Шота на мгновение задумался, нахмурил лоб, а затем выдал:

— При нас остались браслеты с направлением, это самое главное. Обрыв и река тянутся пока так долго, насколько хватает глаз. Значит, по нему мы можем ориентироваться при возвращении к двери. Хорошо, что у нас остался анализатор крови, горелки, ножи и посуда. Но! В условии задания явно сказано, что мы не должны доводить себя до истощения, то есть при такой жаре нам необходимо найти воду и хотя бы какую-то еду.

— Да вот же вода! — ткнула в обрыв Марина.

— А ты уверена, что её можно пить? У нас в горле фильтр воздуха, а не воды. И у меня анализатор крови, а не прочих веществ. И это не говоря уже о том, что до этой воды нужно ещё как-то добраться.

— А вот с этим я могу помочь, — я радостно улыбнулась. До сих пор я была самым слабым членом команды, но не тут-то было! Настал и мой звездный час.

— В смысле? — удивился Иван.

— Как? — вторил ему Шота.

— У меня модификации... как бы это сказать... нестандартные, — замешкалась я. Прежде мне всегда было стыдно говорить о своих способностях. — Меня готовили как повара. Я обладаю точностью, усиленным обонянием и особой чувствительностью вкусовых рецепторов. С обычной водой я справлюсь без труда.

Три пары глаз ошарашенно уставились на меня, а я искренне улыбнулась, впервые гордясь своим набором генных изменений.

— Никогда не думал, что скажу это, — изумленно проговорил Иван. — Но это невероятное везение, что к нам попала ты с твоей странной модификацией. Я думал, что уж от кого-от кого, а от тебя пользы будет меньше всего.

— Ты крута, — поднял вверх большой палец Шота. Каким-то образом после всех этих танцев вокруг ящера мы все умудрились перейти на панибратское «ты». И это радовало. Сразу делало нас ближе.

— Точно, — согласно кивнула Марина.

Командир встал на ноги, отряхнув колени от пыли, и повернулся в сторону обрыва. Мы последовали его примеру и уставились в глубину.

— У меня есть ловкость и повышенная регенерация, — неуверенно протянула Марина.

— Хочешь прыгнуть? — удивился Иван. — А вверх потом взлетишь что ли?

— Ловкость — это хорошо, — кивнул своим мыслям Шота. — И ты худее Ивана. Ты не занималась скалолазанием?

— Была на паре занятий, — более уверенно ответила Марина.

Шота повернулся в сторону густой чащи и сказал:

— Предлагаю мне и Ивану добежать до леса и нарвать папоротника, а потом попытаться связать из него канат. Что думаете?

Ни у кого не возникло идей получше, и мы единодушно приняли его предложение. Затем мальчики побежали к лесу по диагонали, подальше от ящера, а мы с Мариной остались их ждать. Казалось, что обрыв — самое безопасное место в этой сфере. Но стрелка указывала как раз в сторону чащи, так что пройти вдоль реки не получится.

Вскоре пришли парни со стопками листьев папоротника в руках. Листы были очень

большие, с толстым стеблем, и стало понятно, что перевязать их между собой не получится.

— Предлагаю самому провинившемуся снять футболку, — смотря на Ивана, сказала я.

— Только час как познакомились, а мне уже футболку предлагают снимать. Вот дела-а, — протянул, улыбаясь во все зубы, Иван. Я почувствовала, как краска заливает щеки, и уставилась в землю, жалея, что не могу проглотить язык и больше никогда не произносить чего-то столь неприличного.

— Не смущай Мири, — заступился Шота, но он тоже не мог стереть улыбку и со своих губ.

— И имела в виду... ну... то, что нам нужно чем-то скреплять листы! — с каким-то ожесточением ответила я. Тоже мне нашли повод веселиться!

— И чем нам поможет футболка? — удивился Шота. — Даже если мы все догола разденемся, одежды не хватит... Или может хватит, но впритык.

— И правда, зачем Ивану раздеваться? — удивилась Марина. — Она же всё равно не рвется, даже он со своей силой не разорвет.

— Во-первых, футболка не такая прочная, как весь костюм, и без термозащиты, — уже всерьез разозлилась я и, наверное, вновь покраснела, но уже от гнева. — А во-вторых, у нас же есть горелки!

Их удивление было мне лучшей наградой. Шота хлопнул себя по лбу, пробормотав «Точно!», Марина хмыкнула, а Иван наконец стал раздеваться. Я отвела глаза, не желая на это смотреть. Повернулась только тогда, когда нос уловил запах горелой ткани. Иван на корточках сидел в пиджаке на голое тело и жег горелкой футболку на тонкие полоски.

И тут меня осенило:

— Стой!

Он потушил огонь и спросил:

— Что ещё?

— Зачем нам вообще листья? Ткань же прочная! Жги спиралью, а если этого будет недостаточно, то прикрепим пару листов и все дела!

— Действительно. Так будет надежнее, — согласился Шота. — Зря только листья рвали.

— Может, и не зря, — не согласилась я.

На всякий случай мы всё же прикрепили по листу папоротника с одного начала импровизированного каната и с другого, и опустили веревку без человека на дно обрыва. Конец каната упал на землю и даже немного свернулся, что радовало, так как означало, что можно обвязать Марину за талию. Она взяла наши бутылки и прикрепила к своему поясу, затем Иван обвил веревкой её талию в один круг и надежно закрепил конец.

— Удачи! — пожелала ей я, искренне за неё беспокоясь.

— Спасибо, — улыбнулась Марина, взялась за веревку и спрыгнула.

Иван крепко держал веревку, упираясь в край обрыва, за ним стоял Шота и страховал его. Марина отталкивалась ногами от каменного склона и небольшими прыжками спускалась всё ниже, военный потихоньку отматывал веревку. Видно было, что Марине это не составляет особого труда, она и вправду была очень ловкой и точной.

Когда она достигла дна обрыва, то отвязалась от каната, подошла к реке и наполнила одну бутылку. Затем она привязала её к концу веревки и крикнула Ивану «Поднимай!». Вскоре бутылка уже была у меня в руках.

Я отлила немного воды на крышечку бутылки. Принюхалась. Некоторый запах

присутствовал, значит, не чистая, но он не внушал опасений. Я осторожно опустила в неё кончик языка и ощутила явный привкус известняка и аллювия, а ещё какие-то органические соединения или микроорганизмы, но это было поправимо.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Иван.

— Пить можно, но придется кипятить, — и, останавливая его огорченный возглас, добавила: — Для этого у нас опять же есть горелка.

— Точно, — просиял он и подошел к обрыву. — Всё хорошо! Наполняй другие!

Он кинул веревку в обрыв и через некоторое время начал тянуть её вверх. Вскоре появилась макушка Марины, и Иван протянул ей руку, помогая взбираться вверх. Марина отцепила от пояса три бутылки и раздала временным владельцам.

Я повторила ещё раз, теперь уже только для неё:

— Воду нужно прокипятить, а так всё хорошо. Ты молодец.

— Спасибо, — согласно кивнул Шота.

Иван лишь дружески хлопнул её по спине, от чего Марина слегка пригнулась.

— Ой, извини. Не рассчитал, — смутился Иван. Я всегда подозревала, что с силой сложнее всего справиться, и теперь нашла тому подтверждение.

— Все молодцы, — подытожил Шота. — Но теперь нам нужно двигать в леса. И стрелка туда направляет, и нам нужно дерево, чтобы разжечь костер.

Мы по дуге двинулись к лесу, осторожно кося глазами в сторону динозавра.

— Как думаете, сколько километров занимает полигон? — поинтересовалась я.

— Сколько угодно, — отозвался Иван.

— В смысле? — одновременно удивились мы с Шотой и недоуменно переглянулись.

— Здесь используется технология искривления пространства и искаженной гравитации.

То, что мы видим сверху — не небо, а иллюзия, над нами такой же лес... и динозавры, как здесь. Это второй слой. Как в торте. А могут быть ещё третий и четвертый. Мы будем так ходить и даже не заметим. Но мне кажется, что тут не больше трех слоев, так как полигон не особо высокий, так что, наверное, около пятидесяти километров от одного до другого края сферы.

— Фуух, — выдохнула Марина. — Умеешь ты напугать! Я уже думала, около сотни.

— С такими дебрями пятьдесят и за сто сойдет, — не разделил её радости Иван, — и нам ещё идти обратно, если вы не помните.

На такой невеселой ноте мы приблизились к краю леса. Я ошарашенно уставилась на папоротник с меня ростом. Издали он не казался таким огромным.

— Двигаемся осторожно, — напомнил Шота. — Держимся ближе к деревьям, на которые в случае чего можем взобраться. По пути смотрим по сторонам, ищем приемлемое убежище, где бы можно было вскипятить воду. Я уже чувствую, что хочется пить.

Я тоже ощущала такое же желание. И вообще эта чаща внушала мне страх. Казалось, что мы совсем маленькие, букашки по сравнению с этим искусственным миром, на который когда-то походила и Земля. Если подумать, то нам достались неплохие условия, похожие на родной мир в какой-то степени. Небо даже голубое, только на нём два светила, и одно, самое маленькое, уже стремилось к закату. Я взглянула на браслет на руке и обнаружила, что он показывает «03:48». Не ожидала, что прошло уже так много времени! Неужели этот лес покрывает всю поверхность?

Иван шел впереди и кинжалом обрезал некоторые мешающие лианы и листья папоротника, за ним я, потом Марина, а замыкал нашу процессию Шота. Лес был наполнен

шорохами, каким-то щебетанием, визгами и отдаленными гулками шагами, от которых вздрагивала земля. Под ногами периодически пробегали ящерки и маленькие динозаврики, которым я не находила названия, хотя знала все известные науке виды. Вероятнее всего, для испытания были созданы животные с какими-то мутациями или генными изменениями, которые, хотя по своему внешнему виду и походили на обитателей Юрского периода Земли, всё же ими не были. Действительно, зачем облегчать жизнь биологу?

Я крутила головой по сторонам, пытаюсь найти хоть какое-то укромное место, но вместо этого обнаружила фиолетово-желтые плоды на одном из деревьев.

— Стойте! — остановила процессию я и показала вверх.

— Ты про этот плод? — спросил Шота. После моего кивка он продолжил: — Ты сможешь понять, съедобные ли они?

— Да, конечно, — подтвердила я.

— Значит, надо лезть, — согласился Шота.

— Я полезу, — сразу же вызвалась Марина. Конечно, кто с этим справится лучше неё?

— Заодно осмотри окрестности, ладно? — попросила её я, очень уж хотелось знать, что нас ждет впереди.

— Да, надо составить карту, — подтвердил Шота. — Так что не спеши, внимательно оглядись. Километров через восемь мы снова это повторим.

Иван поднял Марину на руки и, позволяя ей стоять на его скрещенных запястьях, приподнял вверх. Марина ловко зацепилась за одну из лиан и по ней, как по канату, начала карабкаться ввысь, до того момента, пока не добралась до кроны, минуя гладкий толстый ствол. Там она уселась на ветку и скинула нам плод.

Я принялась к нему, но это ничего особо мне не дало. Кожура у него была твердая, вся в фиолетовых разводах, и я не смогла проткнуть её кинжалом. Иван, видя мои мучения, забрал у меня из рук плод и кинжал и легко сделал надрез. Я кивнула, призывая его продолжить эту затею, и он отрезал небольшой кусок и протянул его мне. У основания, ближе к толстой кожице, мякоть была с фиолетовым отливом, а затем постепенно желтела. В центре плода, скорее всего, должны были быть семена, но пока они ещё не вызрели. Я ещё раз понюхала мякоть, она чем-то напоминала тыкву, только с кислинкой. Ничего ядовитого в фрукте не было. Я попробовала маленький кусочек, чтобы ещё раз в этом убедиться.

— Есть можно. Но лучше варить, так выйдет вкуснее и так можно будет больше съесть, — вынесла свой вердикт я.

— Рви ещё! — обратился к Марине Шота.

Та не заставила себя ждать и, ловко перескакивая с ветки на ветку, стала кидать нам фрукты. Мы все ловили внизу, правда, у нас с Шотой получалось лучше, всё же у Ивана не было врожденной точности, но он держался на уровне.

У нас не было никакой емкости для этих фруктов, так что пришел черед Шоты снимать футболку. Мы завязали имеющейся импровизированной веревкой рукава и горловину и получили сумку, куда и сложили фрукты.

Марина в это время добралась до верхушки дерева и вертелась на ней, пытаюсь разглядеть не только то, что есть впереди, но и то, что по бокам. Единственное, что нам было известно, — это что нас ожидает за спинами.

Когда она спустилась, то была очень взбудоражена. И сразу начала рисовать палочкой на куске голой земли.

— Лес впереди простирается ещё километров на пятнадцать, затем небольшая

прогалина и снова лес. Справа, в километре от той прогалины, стадо, или стоянка, не знаю, как это назвать, таких огромных динозавров, они злые и кидаются на тех, что мельче...

— Хищники, значит, — вставила я.

— Да-да, — согласилась она. — Слева зато, если мы чуть-чуть отклонимся от курса, километрах в семнадцати отсюда или больше, есть небольшое озеро, возле него тоже стоянка динозавров, но помельче. Не знаю, хищники ли они, не поняла. Впереди, насколько я видела, лес.

— Это хорошо, что есть вода, — обрадовался Шота. — Значит, мы сможем сварить эти фрукты.

— А их надо варить? — удивилась Марина.

— Да, так лучше. И нужно ещё смотреть по сторонам, может, мы найдем, что можно добавить в эти... блюда, — ответила я.

— Я думаю, что у нас есть часов пять до заката. Мы должны найти место часа за три до него и заняться едой, чтобы не привлекать животных ночью огнем. Одна звезда уже села, вторая клонится к закату, видите? — показал на небо Алиев. Он озвучил мои подозрения, пора спешить.

Иван закинул получившуюся сумку на плечо, держась за края футболки, и занял позицию замыкающего. Шота теперь шел первым и прокладывал нам путь, а сразу за ним Марина с винтовкой наготове. Мы решили, что её будем применять только в крайнем случае, так как она — единственное оставшееся у нас оружие, да к тому же с десятью процентами заряда, а Иван своё полностью израсходовал в глупой схватке с травоядным ящером.

Доисторический лес пугал. Не знаю, были ли все шорохи, стуки, жужжание и глухие удары настоящими, или часть из них всего лишь имитировала подобную среду, но страх постепенно расползлся по телу и заставлял резко оглядываться и останавливаться. Другие члены команды тоже прониклись этим гнетущим настроением. Мы казались сами себе крошечными букашками в окружении деревьев-великанов, и этот гигантский размах всей растительности вокруг давил. Было бы величайшим везением не столкнуться с динозавром вплотную.

Несмотря на более низкую гравитацию и, казалось бы, возможность идти быстрее, испытывая меньшую усталость, наше движение было очень замедлено непролазными джунглями. Свисающие лианы приходилось постоянно рассекать ножом, толстые стебли папоротников вынуждали лавировать между ними, а поваленные гигантские стволы деревьев выводили нас из строя на некоторое время, за которое мы пытались на них вскарабкаться, помогая друг другу. И постоянно хотелось пить, но учитывая то, что фильтр был для нас потерян, приходилось терпеть.

Мощные лежащие деревья хоть и сильно затрудняли ход, но на самом деле оказывали благоприятное воздействие на настроение. Когда я видела такое препятствие впереди, сразу возникало два противоположных чувства: злость и облегчение. Я понимала, что, скрепив зубы, снова придется карабкаться и обдирать руки о грубую кору, а по завершении страстно мечтать о глотке воды. Но, с другой стороны, дерево приносило чувство защищенности. Едва мы слышали близкий топот, то сразу прижимались к дереву, готовые в любой момент забиться в самую глубь выдранных корней.

Три часа, отведенные на поход Шотой, истекли, и мы теперь уже шли целенаправленно в поисках укрытия. Очередное дерево поманило нас уютным покровом ветвящихся корней, образующих маленькую пещеру. Иван отправился рубить листья папоротника, чтобы

прикрыть её посильнее и спрятать на ночь вход. Мы с Мариной же искали сухие ветки и лианы.

За время похода мы больше не встретили ни одного съедобного фрукта, но зато я обнаружила пять видов несъедобных плодов, один из которых, вполне ожидаемого красного цвета, был ядовит. По пути мы также обнаружили несколько мелких кустарников с маленькими коробочками, которые содержали внутри приятно пахнущие семечки, весьма отдаленно напоминающие корицу. Я их собирала во внутренний карман, чтобы сварить с теми фиолетовыми фруктами.

Было уже сумрачно. Одна звезда скрылась с глаз, а другая клонилась к закату. На разведенный огонь и импровизированный камин из камней и отвердевших кусков дерева мы поставили все четыре тарелки с водой. Воду из одной бутылки приходилось разливать в три, а потом заливать обратно, но вода в такой широкой посуде кипела быстро, а осадок внизу говорил в пользу того, что прокипятить всё же стоило. Меньше чем через час мы уже заполнили все наши четыре бутылки наполовину, а в оставшейся воде размяли мякоть фруктов, приправив её семенами, и оставили тушиться.

Приготовлением еды уже занималась я, Марина же с Иваном полезли на дерево внове исследовать окрестности, а Шота укрылся в кроне поваленного дерева, где стоял на страже нашего жилища. Но окружающий мир успокаивался вместе с заходящей звездой, рев животных, чья стоянка теперь располагалась совсем близко, тоже стихал.

Марина и Иваном спустились вовремя к обеду-ужину и подали знак Шоте покидать свой сторожевой пост.

В свете тлеющих углей и алеющего края неба мы принялись за еду.

— Надо же, это даже вкусно! — удивился Шота, помешивая вязкую массу самодельной ложкой, выточенной из ветки дерева. Сидя в его кроне, он успел смастерить такие нам всем.

— Это просто ты голодный, — посмеялась я. Хотя это и в самом деле было неплохо. Запах у кашицы был очень ароматный и напоминал тыкву, но в сыром виде это есть было бы, конечно, проблематично.

— Да нет, правда хорошо получилось, — похвалил Иван, и Марина ему поддакнула. Мне было очень приятно. Впервые мой навык был незаменим и действительно нужен.

Желудок наполнялся теплом, а во рту обосновалось ощущение приятной сладости. Несмотря на всю окружающую обстановку, было очень уютно и душевно.

Мы потушили угли, и все вместе забрались в устеленную гигантскими листьями каморку. По словам Ивана, ночь должна продлиться около трех-четырёх часов. Не было никакого смысла идти дежурить в сухую крону — самое безопасное место после нашего гнёздышка, так как усиленное ночное зрение было только у Ивана, а ему так же, как и нам, необходимо было немного отдохнуть. Поэтому один человек просто должен был быть бодрствующим и посматривать в окошечко между листьями, прикрывающими вход, да и прислушиваться к звукам. Вряд ли от такой охраны был какой-то прок, но всё же лучше, чем ничего.

Первой дежурила я. Мне пришлось облокотиться спиной о стену жилища так, чтобы можно было смотреть наружу. Крайне редко глаз улавливал какое-то движение, но редкие вскрики заставляли меня вздрагивать и усиленной всматриваться вдаль. Моя команда не сразу уснула, долго ворочаясь в непривычных условиях и темноте. Мне оставалось только порадоваться, что я осталась на страже первой, иначе мне тоже пришлось бы пытаться заснуть рядом с ними, переживая ужасные минуты неловкости от настолько близкого

нахождения кого-то рядом.

Я на секунду закрыла глаза, и перед ними сразу возник образ Атона — наверное, единственного человека, которому было дело до того, пройду ли я это испытание. Хоть мы и мало общались, но дружеское приветствие каждое утро тренировок, пару минут бессмысленного разговора о моих успехах или заданиях заставляли меня верить в то, что всё получится. Даже распахнув глаза вновь и уставившись в мрачную гнетущую тьму, я ощущала его светлое присутствие где-то рядом и вспоминала пшеничное поле. Вряд ли я теперь смогу есть хлеб, не думая о золотых колосках злака и таких же золотых волосах друга.

За такими мыслями и прошел час. Иван зашевелился и сказал, что мне пора спать. Может, его третьей модификацией как раз и является умение ориентироваться на местности и во времени? Хотя это глупость полнейшая, такого не бывает, это уже приобретенный навык.

Я перебралась на его место, чтобы быть ближе к Шоте. Тот уже тихо сопел и ни на что не обращал внимания. Так даже лучше. Я прислонилась ключицей к какому-то выступу, а голову осторожно положила на его крепкое и в то же время мягкое плечо. Сразу стало в разы удобнее. Ещё немного поворочавшись, я уснула.

Аппетитный запах плова распространялся по маленькой гостевой кухне и вырывался, перекрывая аромат насыщенных солнцем розовых шапок кустовых роз. Осталось совсем чуть-чуть до готовности ужина, а пока можно сесть на стул напротив плиты и остаться наедине со своими мыслями.

В готовке для меня всегда было что-то успокаивающее, поэтому в этот раз я только обрадовалась подошедшей очереди. Я никогда не следовала рецептам, интуитивно угадывая порции ингредиентов, и не беспокоилась за результат. Особенно часто я прибегала к этому способу сосредоточиться и уложить все мысли по полочкам перед экзаменом. Одни студенты кладут конспект под подушку, другие ловят халяву зачеткой по ночам, я же готовила родителям ужин и искренне верила в действенность этой приметы.

Но в то же время, за исключением этих редких случаев желания обрести душевное равновесие, перспектива когда-нибудь выйти замуж и постоянно готовить для семьи меня пугала. Да, это просто, но присутствовало в этом что-то средневековое, когда женщина была обязана стать образцовой хозяйкой и другого выхода у неё не было. Именно эта обреченность, предопределенность и пугала меня всегда в кухонных делах. Насколько мне повезло, что я живу в двадцатом веке и это не является моей прямой обязанностью. Наличие выбора, даже такого простого, как выбор не готовить, радует меня как человека настоящего.

Я выключила газ и оставила плов пропариться. Скоро подойдут друзья с пляжа, накормлю их наконец-то нормальной едой, а то бесконечные омлеты и макароны, если мы ходим в кафе, уже надоели. Моё лицо всё ещё красноватое, и из-за отсутствия солнечных ванн у морского берега Фрунзе ситуация изменилась лишь на чуть-чуть. Наверное, стоило взять в тот поселок крем, но кто ж знал, что мы останемся там на ночь.

Когда мы вернулись, Ян не дал мне помучиться из-за статуса наших отношений и на самые первые подколы из-за нашей отлучки ответил, что мы — пара, мы провели это время вместе и у нас всё хорошо. Так мы избежали смущающих вопросов о том, как мы спали в съемном жилье и почему у нас мятая одежда. Впрочем, меняться комнатами с Сашей мы не планировали, так как и её отношения с другом Яна не настолько далеко зашли. В конце концов, это всего лишь третий день нашего пребывания в Геническе.

Веселые голоса возвестили о возвращении компании, которая нагуляла за это время нешуточный аппетит и слопала всю огромную посудину с восточным блюдом, рецепт которого, согласно легенде, некий мулла дал перед походом самому Тамерлану.

Вечер прошел тихо. Мы уселись за составленные столы на балконе и играли то в карты, то в крокодила, то в эрудита. И это мне показалось идеальным: мягкая рука Яна сжимала мою руку или покоилась на спинке моего стула, а он сам смотрел таким теплым и мягким взглядом, что я готова была простить ему бесконечное оставление меня в дураках.

Но мысль о сложенном листке в кармане голубых шорт всё время отвлекала. Надо было решиться и позвонить совершенно незнакомому человеку, и с этим не было бы никаких сложностей, если бы я уже не потерпела провал во Фрунзе. Но ниточка появилась, и я боялась за неё дергать, осознавая, что она может порваться и оставить меня у разбитого корыта. Общее веселье сначала было заразительным и для меня, но, не угадав элементарного пингвина в «Крокодиле», я поняла, что пора всё же решать свои проблемы и не оставлять их

на потом, предаваясь прокрастинации.

Неохотно встав с уютного места и не менее неохотно отпустив крепкую руку Яна, я пошла в свою комнату, перед этим прошептав на ухо Яну, что мне нужно позвонить. Он не задавал лишних вопросов, догадываясь, с кем я собралась связаться.

Длинные гудки в трубке казались тревожными сигналами парохода из старых фильмов, но я упорно не нажимала на отбой. Пришло запоздалое понимание того, что сейчас уже около девяти вечера и звонить в такое время людям неприлично.

— Алло, — уверенный мужской голос на фоне детских криков прозвучал неожиданно.

Я прокашлялась, опрометчиво растягивая паузу, но потом взяла себя в руки и бодро ответила:

— Здравствуйте. Мы не знакомы, но ваш номер мне дала Татьяна Ивановна из Фрунзе.

— С ней что-то случилось? — меня резко перебили, выдавая тем самым, что наша хозяйка была в теплых отношениях с семьей Видинских.

— Нет, нет, она в порядке, — поспешила успокоить его я. — Я звоню вам по другому поводу. Из-за... вашего деда, кажется, Бойко Видинского.

— Он умер, девушка. Что с ним может ещё случиться? — теперь голос был раздраженным.

— Дело в том, что я приехала во Фрунзе из России, чтобы познакомиться с ним, но, как выяснилось, опоздала на десяток лет. Я рассказала свою историю Татьяне Ивановне, и она посоветовала позвонить вам.

— Я вас внимательно слушаю. Что за история? — он, наверное, заинтересовался, так как звуки детей поубавились. Наверное, перешел в другую комнату.

— Если кратко: я нарисовала пару картин, меня обвинили в плагиате на работы вашего деда. Но мои идеи были моими, я в этом уверена. Поэтому я и приехала сюда узнать, как так получилось, что мои фантастические сны и фантазии могли прийти в голову кому-то ещё, родившемуся вообще в начале прошлого века.

Молчание было мне ответом. Когда оно стало длиться подозрительно долго для обычной паузы, я спросила:

— Алло. Вы меня слышите?

— Слышу, — голос мужчины был растерянным.

— Я не знаю, зачем мне советовали обратиться к вам, но всё же звоню. Наверное, Татьяна Ивановна знает лучше.

— Вы правильно сделали, что позвонили, — голос стал серьезным, но чувствовалось, что каждое слово этот мужчина говорит с трудом, делая паузы между ними. — Вы остановились во Фрунзе?

— Нет, в Геническе.

— Я живу в Мелитополе, но завтра заеду к вам. Давайте встретимся часов в пять в кафе «Сафари» по улице Гоголя, это возле парка Шевченко. Вы сможете найти?

— Давайте. Конечно, я найду.

— Отлично. Тогда до встречи.

— До встречи, — попрощалась я и положила трубку, не веря услышанному.

Посторонний, совершенно незнакомый мужчина, имя которого я даже не успела узнать, согласился встретиться со мной в кафе, чтобы поговорить о своем деде. При этом он придет из другого города. Надеюсь, что наш разговор — не единственная причина его поездки из Мелитополя в Геническ.

Остаток вечера и ночи пролетел словно мимо меня. Этот праздник жизни и молодости казался чужим, как будто я на него забрела по ошибке, и единственное, что связывало меня с ним — теплая рука Яна. Но даже она не спасала в этот день от мыслей в голове.

Прохладные простыни принесли долгожданный покой телу, но не охладили мыслей. Саша и новоприобретенные друзья, даже Ян, знали, чего хотят от жизни и, не стесняясь, шли к своей цели. Живой, активный, ироничный Ян выбрал наиболее подходящее себе занятие, связанное с движением. Его тянуло к этому с детства, и он шел по жизни совершенно правильно, следуя своим природным талантам и осознавая, что делает его счастливым. Я же приехала сюда не в поиске разгадки тайны, которая, хоть меня и волновала, но была лишь занимательной головоломкой, а стремясь понять, что же я хочу от своего собственного будущего.

Подумать только: я всю жизнь словно иду на невидимом поводке, не беря контроль в свои руки. Я хорошо училась, потому что могла, потому что мне это легко давалось, поступила на учителя химии, так как мне нравились химические уравнения, особенно в органической химии. Это ведь такая основополагающая наука, на которой держится всё вокруг: и живое, и неживое. Но уравнения напоминали мне кубик Рубика — один раз соберешь, уяснишь принцип и дальше можешь собирать его всё быстрее и быстрее. Я научилась, и что дальше? Цель всей жизни в передаче знаний детям я не видела.

Что же представляет собой мой персональный смысл жизни? Любовь, это само собой. И хотя многие думают, что жизнь подчинена любви, семье и детям, я, хоть и понимала важность этих компонентов простого человеческого счастья, стремилась к большему: больше знаний, больше загадок, больше приключений. И каковы теперь будут приключения учителя химии? Прямо так и видятся названия книг о моей жизни: «Учитель-химик и тайна взрыва в колбе», «Учитель-химик и дыхание сероводорода» или «Учитель-химик. Хроники любителей этанола». Увлекательная жизнь, ничего не скажешь!

В детстве я мечтала путешествовать и вместе с Яном как-то вырыла огромную яму в саду за многоэтажным домом. Мы хотели выкопать туннель, проползти через центр Земли и оказаться в тропиках, где живут яркие попугаи с гигантскими клювами, или достичь индейцев, прожить всё лето с ними в вигвамах и только и делать, что жечь костры и рисовать рисунки на песке. Со временем мечты менялись под влиянием книг, и вот я уже представляю себя юной волшебницей на самом смелом факультете, которая своей палочкой дает отпор противному белобрысому негодяю. Я летала на метле, контрабасе, заставляла драконов чихать и выигрывала благодаря этому матчи, патрулировала московские улицы по ночам и охотилась на вампиров, поступала в Незримый университет...

А когда наступала ночь, я оказывалась в фантастическом мире, где можно было поиграть в салочки с динозавром, полетать над горами в маленьком сером жуке или в космосе в большой стальной птице, встретить разумных чудаковатых пришельцев, гнаться за песчаным осьминогом, убегать от деревьев, запрыгивать на гигантских бабочек и на их крыльях пронеситься над пропастью... Эти сны были прекрасны, и наутро во мне кипела жизнь: я вставала рано в университет и не опаздывала на пары, рисовала маслом, чувствуя невероятный прилив вдохновения, или же закрывала глаза и дописывала в воображении, что же там могло произойти дальше. Этот мир был мечтой, недостижимым идеалом, который никогда не станет частью моей жизни.

И с каждым днем я всё сильнее осознавала, что то, чем бы я на самом деле хотела заниматься, то, что является моей настоящей, не приземленной мечтой, просто не

существует. А как вообще можно жить, если понимаешь, что родился не в то время и не в том месте? Что то, самое главное, самое важное на свете приключение, может осуществиться лишь в твоём воображении?

Утренний лес был полон шорохов и легкой прохлады. Мы продолжали свой путь, решив сегодня же дойти до места пропажи экспедиции и не отвлекаться на пополнение запасов воды. Теперь нам уже было известно, где искать их на обратном пути. Браслет показывал 17:24, а значит, не прошло ещё и суток. К этому времени, по прикидкам Ивана, мы прошли чуть больше двадцати пяти километров, но дальше дело должно пойти быстрее. Мы вполне приспособились к преодолению препятствий, а мысль о том, что нам осталось до цели примерно столько же или даже меньше, очень грела душу и подстегивала идти вперед.

Мы сделали небольшой крюк, обойдя по левой стороне прогалину по кромке леса, чтобы не наткнуться на логово динозавров, но всё равно с одним из них пересеклись. Он неожиданно выскочил на открытое место в погоне за более мелким видом, и мы резко отпрыгнули вглубь чащи и спрятались за первое попавшееся поваленное дерево. Когда дикие рыки и страшные чавкающие звуки немного смолкли, мы снова вернулись к краю леса, стремясь не выходить на открытое пространство.

Но мы поспешили. Этот гигантский ящер, определенно воссозданный на основе ДНК тираннозавра, ещё не закончил свою трапезу. Посреди поляны валялись кровавые ошметки плоти, и это отвратительное зрелище заставило взбунтоваться мой желудок. Я почувствовала резкий приступ тошноты, а суда по зеленеющим лицам команды, они разделяли мои чувства. Шота, более-менее хорошо державшийся, ухватил меня за руку и потащил обратно к стволу дерева, а за нами подтянулись и остальные.

Мысленно я была готова к увиденному, так как естественные законы природы никто не отменял, и на других планетах, где о существовании человека ничего не напоминает, будет вестись подобная жизнь с подобной пищевой цепочкой. Хищники и паразиты есть всегда, но кровожадное убийство противоречило всем принципам жизни человека нашего времени. Даже уверенный в себе Иван растерял прежнюю браваду, столкнувшись с такой жестокой действительностью. А я никогда прежде не видела, чтобы кто-то сознательно причинял боль более слабому существу.

Шота, самый подготовленный из нас к работе с плотью живого существа, быстро оправился. Его первое замешательство было вызвано скорее не ужасом от кровожадности огромного острозубого монстра, а от неожиданности развернувшейся картины. Алиев командовал нам идти по кромке леса, пусть и отклонившись немного от курса, но не наблюдая ту жуткую картину.

Далее путь проходил в молчании. Лес всё так же производил угнетающее впечатление, а после увиденного опасность мерещилась за каждым кустом. Однажды мы заметили довольно крупного растительноядного динозавра, видоизмененного зауропода, который направлялся к оставшемуся уже позади нас озеру. Он даже не обратил на нашу компанию никакого внимания, а мы при его неожиданном появлении оступели и не успели шмыгнуть за дерево. Динозавр, сверкая в редких просветах небесного светила среди листвы деревьев серебристой кожей с костяными наростами, пронесся мимо. Мы же поняли, что нужно брать себя в руки, иначе пропустим кого-то, действительно представляющего опасность.

Через часа четыре ходьбы Марина вновь залезла на дерево и сообщила, что видит в нескольких километрах от нас прогалину с чем-то странным, не видимым отсюда, но кажущимся рукотворным. Это было прямо по курсу, что нас невероятно обрадовало. Мы с

новыми силами устремились вперед, но не прекращая прислушиваться ко всему вокруг. Пара километров показалась нам легкой пробежкой на пути к цели.

Чем ближе мы подходили, тем сильнее мигала стрелка на браслете, а потом и вовсе пропала. Мы замерли в гуще папоротников, не решаясь выйти на открытое пространство.

Нашему взору предстал маленький планетарный шаттл, рассчитанный на четыре человека и предназначенный для высадки на поверхность планеты. Шаттл был совершенно цел, поэтому вряд ли для решения задания нам нужно было его починить. Но с этим всё же ещё предстояло разобраться.

Возле него стояла «палатка-невидимка», предназначенная для сокрытия на незнакомой местности и подстраивающаяся под эту местность. Теперь она уже была частично видимой, это говорило о том, что она, во-первых, не на солнечных самозаряжающихся батареях и, во-вторых, какой бы ни был в данном случае способ её зарядки, она здесь находится достаточно долго, чтобы этот заряд исчез.

— Заметили палатку? — подал голос Иван, осторожно оглядывая поляну из-за кустистой лапы папоротника. — Почти полностью разряжена. Значит, год как минимум экспедиция нас дожидается.

— А значит, никто нас уже не дожидается, — хмуро продолжил его мысль Шота. Оно и понятно, ему приятней лечить живых пациентов, а не копаться в останках. А если бы они были живы, то с целым шаттлом подали бы знак о своем местонахождении и к ним экстренно прилетела бы медкапсула. А раз за год такой знак не был подан, его скорее всего некому было подавать.

— Почему они могут быть мертвыми? — спросила Марина, обращаясь к нам с Шотой.

— Всё указывает на болезнь или инфекцию или что-то подобное, связанное с их здоровьем и невозможностью подать сигнал вовремя, — озвучила я наше с Шотой предположение. — Хотя их могли и банально съесть или укусить. Но я вообще не заметила здесь змей или каких-нибудь подозрительных ящериц.

— Но эту версию всё же стоит проверить, на всякий случай, — возразил Шота.

— Да, конечно, — согласилась я.

Иван молчал, подозрительно осматривая поляну. Он положил сумку с оставшимися фруктами возле дерева и настороженно вслушивался в шорохи, не реагируя на наши вопросительные взгляды.

Марине надоела эта пауза, и она решила выглянуть на это пустое пространство, но в ту же секунду была схвачена за руку Иваном.

Нам стали понятны его опасения. Мы услышали знакомые гулкие удары — шаги гигантского животного, и через несколько секунд знакомый модифицированный тираннозавр появился на поляне. Мы замерли, боясь пошевелиться и не выходя на открытое место.

Ящер становился, втягивая воздух в ноздри, затем склонил гигантскую голову на короткой и массивной шее и принялся обнюхивать что-то возле палатки. Я сжала руки в кулаки, приготовившись зажать ими уши, чтобы не слышать тех противных чавкающих звуков, но монстр недовольно повёл носом, сшиб передней лапой край палатки и устремился в противоположном от нас направлении.

Судорожный выдох одновременно вырвался из наших легких. Пронесло. Но мы не спешили на поляну, хотя теперь явно видели лежащие возле сбитой палатки у заросшего травой кострища тела.

— Наверное, нам всё же можно к ним подойти. Кислородный фильтр не пропускает внутрь и посторонние инфекции, передающиеся по воздуху, если они были больны, — заметила я.

— Думаешь, всё же болезнь? — спросил Шота, хотя по его тону было понятно, что он думает так же.

— Или может что-то в этом роде. Этот динозавр очень похож на тираннозавра, а они не гнушались питаться падалью. Раз он не стал есть — значит, что-то с ними не так.

— Вы думаете, можно идти? — уточнил Иван, и после нашего совместного с Шотой кивка шагнул вперед. — Теперь от нас с Мариной уже никакого проку, мы будем вас охранять. Полезешь на дерево высматривать динозавров? — он обратился к Марине, не теряя боевой и ироничный настрой даже в такой, довольно печальной по сути, ситуации.

Марина согласилась и с его помощью взобралась на ближайшее к нам дерево. Мы немного подождали, а после её слов «всё чисто» шагнули к палатке.

На траве лежали три тела в синей форме космоисследователей. Один прежде сидел прислоненным спиной к палатке, но теперь, когда она упала, упало и тело. Два других лежали возле костра, о котором теперь напоминали сухие ветки, поросшие травой.

Было видно, что эти тела никогда не были живыми людьми, а просто выполняли роль муляжа. Я видела такие на уроках медицины, а Шоту они и вовсе не должны удивить. Конечно, вид гниющей и подсыхающей плоти был отвратителен, но так как эта плоть никогда не была человеком и живым существом, можно было относиться к ней отстраненно. Это такое же выращенное тело, как и любой орган для трансплантации, без разума и чувств. За этим всегда строго следили правозащитники, не допуская человеческого клонирования или воссоздания человеческого тела с мозгом и нервной системой.

Но даже на основе ненастоящего тела можно было сделать какие-то выводы:

— Не похоже, чтобы ими лакомился хоть кто-то из здешних обитателей, — отметила я, осмотрев тела, но при этом стараясь к ним не прикасаться.

— И их определенно никто не кусал, — заметил Шота, который снял костюм с одного тела и использовал ткань от бывшей футболки в качестве хоть каких-то перчаток. Фрукты теперь просто валялись у дерева, сейчас задание важнее еды.

Между тем из кабины шаттла вылез Иван и доложил:

— Он всё же сломался. Весь шаттл обесточен, нет двигательного элемента GNB-14 и запасного тоже. Поэтому не было и возможности связаться. Запасов еды тоже нет, предположительно полностью израсходованы. Аптечка также отсутствует.

Он замолчал. И мы с Шотой не стали ни о чем говорить, хотя все подумали об одном и том же. Это не просто последнее задание, но и поучительное наставление: «Если ты не уверен в своём решении стать исследователем и не готов к подобной ситуации, не стоит идти дальше». Мы его поняли. Такая ситуация возможна. Если ты не исследователь, то отсутствие двигательного элемента, от которого может зависеть жизнедеятельность планетарного шаттла, не ставит миссию под угрозу. Чип в голове может послать экстренный сигнал на ближайший приемник, так что такая ситуация не смертельна. Для исследователей же всё намного опаснее. И мы должны постоянно помнить об этом и не допускать подобных осечек, подвергая риску весь экипаж из-за отсутствующего запасного элемента.

— Наверное, и нам стоит поесть, — нарушил молчание Иван. — Пока ещё светло. Через три часа снова начнет темнеть, так что лучше начать готовить еду и решать задание, а на ночь можно остаться в шаттле, это самое безопасное место здесь.

— Марин, что там? — немного громче обычного сказал Шота, вскидывая голову к верхушке дерева.

— Всё в порядке, — ответила она, на пару секунд показавшись из кроны дерева.

— Тогда я буду разводить костёр, — кивнул своим мыслям деятельный Иван, которому не сиделось на месте. — А потом и фрукты почищу.

Наверное, мне стоило пойти и помочь ему, ведь это как раз то, где я могу быть полезнее всего. Но я осталась с Шотой, замороженная его работой и вдумчивыми движениями его рук, осматривающими каждый кусок оставшейся плоти. Хорошо, что предусмотрительный Иван начал разводить костер ближе к лесу, после такого зрелища не сразу захочется есть.

— А анализатор тебе сможет хоть чем-то помочь? — задала я самый важный вопрос. Если нет, то потеря медицинского набора, который был так необходим, ставит крест на выполнении задания. Мы и сейчас близки к провалу, но у нас пока что сохранилась хоть одна полезная вещь.

— Сейчас посмотрим, — Шота аккуратно положил руку на траву и достал из кармана белый прямоугольник анализатора. Повертел в руках, пошел к шаттлу и вернулся оттуда с тонкой металлической пластиной непонятного происхождения. Ею он подковырнул кожу и поместил кусочек плоти на панель. Она сразу же ожила, голубая полоса прошла по образцу ткани горизонтально и вертикально и подала звуковой сигнал об окончании исследования.

— Есть что-нибудь странное? — не выдержала я недоумевающего взгляда Шоты на экран.

— Да, — он поднял на меня глаза от экрана. — Они определенно умерли от передозировки стрихнином.

— Откуда здесь стрихнин? — я принялась смотреть по сторонам, но вокруг были только папоротники и исполины-деревья. — Получается, что они сидели у костра и ели какую-то растительную пищу, содержащую этот яд.

— Откуда его вообще берут? — Шота тревожно посмотрел на меня. — Я никогда особо не интересовался ядами...

— Он получается из семян тропического дерева Чилибуха с такими блестящими овальными листьями, — я резко поднялась на ноги. — Неужели они так хотели есть, что стали питаться этими семенами?..

Иван заметил некоторое оживление в нашем отряде и подошел ближе:

— Вы что-то обнаружили?

— Они отравились ядом, который содержится в растениях, — ответила ему я. — Надо их найти, тогда и наше задание будет выполнено.

— А ты сможешь это сделать? Определить по запаху? — теперь уже наступила очередь Шоты спрашивать. — Я даже не знаю, как это дерево выглядит.

Я взяла у него из рук анализатор и попыталась принюхать. Запах гниющей плоти был отвратителен, но чувствовалось что-то чужеродное, чему я не могла подобрать название и с чем я не сталкивалась здесь прежде.

— Я попробую, — кивнула я. Теперь всё действительно зависело от меня — не только прохождение испытания мной, но и всей нашей командой. — Предлагаю Марине спуститься, и нам разделить на две группы с одним военным и одним научным сотрудником. Так мы сможем обследовать всё быстрее и безопаснее, а каша и без нас сварится, даже если и пригорит.

Шота и Иван согласились со мной и позвали Марину вниз. Я описала Шоте, как выглядят семена этого дерева на Земле, но посоветовала ему обращать внимание на все семена деревьев и любые плоды. Мы разделились: я пошла с Иваном, а Марина с Алиевым.

Группа из меня и Ивана прочесала около километра, прежде чем начало темнеть. Мы обнаружили ещё одно дерево с теми съедобными желто-фиолетовыми фруктами, что-то похожее на эвкалипт и даже некий аналог кокоса, но ничего подходящего под нужный вид семян не обнаружили.

Зато по прибытии нас ждал приятный сюрприз. И не только в виде сваренной каши в тарелках, но и сваленных в гору фруктов и плодов. Я тщательно обнюхала каждый из них, но сразу заприметила претендента на отравителя — расплюснутые древесные семена сантиметром двадцать в длину. Иван быстро разломал с помощью ножа их твердую поверхность, и нашему взору предстала узкая полость с продолговатым зародышем внутри. Я, стараясь к нему не прикасаться, поскольку по всему выходило, что вместе с размером этого дерева была увеличена и концентрация яда, понюхала семя. И это был наш ответ.

Я расплылась в улыбке, и все члены спасательной операции поняли этот знак, одобрительно захлопали в ладоши и вмиг повеселели. Осталось только отметить это радостное событие псевдотыквенной горелой кашей.

Я проснулся с ощущением быстро колотящегося сердца и пересохшего горла. Протянул дрожащую руку и отпил воды из стакана, покоящегося на деревянном столике рядом с кроватью. Затем откинулся на подушки и закрыл глаза, выравнивая дыхание. Постепенно улетучивалось чувство страха от чего-то гигантского и твердого, на какое-то мгновение придавившего меня, и панические голоса медленно стихали внутри головы.

Когда я вновь открыл глаза, то от сна осталось лишь небольшое волнение, но рассветные лучи солнца изгнали и его. Утро вечера мудренее. Утро принесло мне освобождение и всколыхнуло волну радости. Я улыбнулся новому дню и стал обдумывать, чем же сегодня заняться. Можно собрать миску абрикосов и сварить компот, чтобы угостить Татьяну и детей, которые обязательно прибегут. Ещё нужно пройтись по грядкам и срезать стрелки пошедшего в цвет чеснока, чтобы их заморозить и потом поджарить к приезду детей. Дочка так любит это вредное блюдо, хотя ей острое есть крайне нежелательно.

Этим делами я и занялся, перемежая их с тихим отдыхом на скамье с книгой. Осознание бренности своего бытия заставило меня углубиться в изучение разных мировых религий, пытаюсь найти в них ответы на мучившие меня вопросы. Сегодня я читал раздел про джайнизм, и меня крайне заинтересовали дэвы — божественные существа в индуизме, немного сходные с православными ангелами.

Именно на лавке меня вновь застала Татьяна, сегодня против обыкновения одетая в простой цветочный байковый халат. Я неожиданно вспомнил, что сегодня суббота, значит, она не работает в медпункте, но тем не менее пришла сделать мне угол. За ней бежал Павлик, семилетний мальчуган с огромными карими глазами и торчащими ежиком волосами. Едва завидев его, Пират соскочил с лавки и, приветственно гавкая, бросился облизывать лицо мальчика. Папа обнял его за шею, я затем принялся убежать от соскучившегося по играм пса по всем грядкам:

— Павлик, не бегай по огороду! — сердито окликнула его мама, которая как никто другой понимала, что втоптанная земля мало пропускает воду и придется её снова рыхлить. Я уже слишком стар для огородных работ, а вот дочке придется повозиться, она не может смотреть, как то там, то сям пробивает сухую корку почвы сорняк. Приедет, и вместо того, чтобы отправиться поплавать на лиман или на худой конец составить компанию мужу в рыбалке, провозится всё это время на огороде.

Татьяна подошла, пристально наблюдая за тем, как сын носится по тропинкам между гряд, и улыбнулась:

— Добрый вечер, дядь Бойко. Как вы сегодня себя чувствуете?

— Всё хорошо, Танюш. Вот если бы не надо было ещё терпеть эти уколы, было бы вообще отлично, — не смог удержаться от ворчания я.

— Так надо, для вашего же блага, — привычно повторила медсестра, которая никак не хотела давать мне спуску и уклоняться от заботы о собственном здоровье. Приходилось мириться, иначе всё расскажет детям, а они налетят, как коршуны, и не отстанут, пока не проконтролируют каждую введенную инъекцию.

Я облокотился о татьянину руку и поднялся с лавки, и мы поковыляли к дому. Сегодня у неё наверняка полно забот, но ведь не уйдет же, пока не убедится, что я хорошо перенес укол.

Любимое кресло заключило меня в свои объятия. Закатав рукав светлой рубашки, я положил руку на подлокотник. Сегодня кончики пальцев медсестры были теплыми и резко контрастировали с холодной поверхностью намоченной спиртом ваты. Плоть сдаётся под натиском острой трубки, кипящая смола растекается по венам, резко бросает в жар. Сердце, как и утром, начинает быстро стучать, и я не могу это контролировать. Закрываю глаза, когда кухня вновь начинает качаться перед глазами, и пытаюсь перебороть приступ тошноты от гадкого привкуса лекарства, появившегося в горле. стакан воды вновь у моих губ, и я делаю спасительный глоток.

Сквозь шум пульсирующей в ушах крови я слышу звук льющейся из крана воды и стук посуды, которую Таня заботливо решила помыть. Хочется возразить, убедить её, что я сам вполне справлюсь с этим хозяйским делом, но всем телом овладела такая слабость, что язык отказывается шевелиться и мысли текут так плавно, словно никак не могут выбраться из тягучего болота, куда их засосала сила лекарства.

Звенит ложка, ударяясь о края кружки. Даже пребывая на задворках сознания, я узнаю этот чабрецово-мятный запах. Он всё ближе и ближе, и я ожидаемо слышу легкий стук керамики о поверхность стола очень близко со мной, а за ним и тихий отзвук от чего-то незнакомого. Это меня удивляет, вызывает вопросы, и я открываю глаза, пытаюсь поскорее узнать на них ответ. На лакированной поверхности стоит вырезанная из дерева фигурка ящера с длинными клыками, непропорционально большим по отношению к телу хвостом в шипах и гребнем на голове. Она не покрашена, но зато вся покрыта выжженными узорами. Кажется, рассказывая Павлику очередную сказку, я немного перестарался, и детское сознание вообразило такое страшное чудовище.

Татьяна замечает мой удивленный взгляд и говорит:

— Это Пашка вырезал. Несколько дней сидел в папиной мастерской. Очередная ваша история?

— В моей сказке монстр вроде не был так страшен, — задумчиво ответил я, пытаюсь соотнести результат усилий Павлика и то, что ему описал. — Ведь в конце истории Пират смог обхитрить недружелюбную Трицу, а если бы она выглядела таким образом, наверняка была бы не травоядной и решила бы полакомиться нашим другом. Получились бы ужасы, а не сказка. Но всё равно мальчик молодец, красиво получилось.

Монстр хоть и производил крайне устрашающее впечатление, всё же был выполнен очень искусно и с большим старанием. Если Павел и в семь лет может такое делать, значит, у него настоящий талант, который семье надо развивать.

— Да, он у нас умница, — улыбнулась Татьяна и посмотрела в окно, за которым, я готов был поклясться, Павлик втихую от мамы всё же принялся носиться с Пиратом по грядкам.

— Там компот на плите, я забыл тебе сказать, — запоздало вспомнил я про результат своих утренних стараний.

Таня заглянула под крышку стоящей на плите кастрюли, вдохнула запах и покачала головой:

— Да я уже ведь чаю сделала, знала бы, даже б не стала ставить чайник.

— Ты тогда залезь в правый от плиты ящик, возьми там банку да перелей себе. Дома своих попоишь, а то я с такой бандуриной не управлюсь, — предложил я, и Таня послушно достала из шкафа стеклянную трехлитровую бутылку и принялась переливать в неё компот с помощью самой большой кружки.

— Вот как вам удается так хорошо готовить? Не каждая женщина сможет вас превзойти.

Повезло вашей Яре, — она грустно улыбнулась, как и все, кто говорил о ней. — Эх, мой бы муж так готовил, а то даже яичницу так поджарит, что потом вся плита в масле и соли.

— Зато он с техникой на «ты», что угодно вмиг починит. Даже в компьютерах разбирается похлеще моего Ильи, — не смог удержаться от похвалы я. Когда мой старенький телевизор начинал выдавать помехи или вовсе не включался, приходил муж Татьяны с паяльником и отверткой, отсоединял заднюю крышку и возился там с проводами, видя в их переплетениях одному ему понятный смысл.

— Хоть бы Пашка в него пошел, а то всё возится со своими деревяшками. Даже дочка просила папу прокатить её на тракторе, а Павлик стороной его обходит, — с некоторым опасением сказала Таня, смотря в окно.

— Значит, не его это, — заступился за шустрого мальчугана я. — Его тянет к дереву, к работе руками, не надо его перевоспитывать и заставлять делать то, к чему не лежит душа. Разве что подрастет и сам заинтересуется другим материалом, да хоть камнем, и станет ювелиром, например. В такой кропотливой работе пашкины руки пришлось бы как нельзя кстати.

— Да мал он ещё, дед Бойко, — не согласилась со мной Татьяна. — Он сам как камень, что угодно можно из него высечь, главное, не пропустить нужный момент...

— А вдруг он потом будет всю жизнь маяться, занимаясь нелюбимым делом? Вдруг пойдет у вас на поводу и сломает себе жизнь, вольется в серую массу людей, так и не нашедших место в этом мире? Это ведь может не до добра довести...

Горько кольнуло в сердце. Как легко сбиться с пути или просто не найти дорогу... Если однажды ты уже прикипел к какому-то делу всей душой, это можно не забыть и пронести в душе через всё своё будущее, пытаясь вернуть забытое чувство удовольствия от каждого мгновения прожитого дня, в котором ты был счастлив.

— Это вы всё индийских да японских книжек поначитались, — осуждающе покачала головой Таня. — Снова расскажите про переселение душ или предопределенность? Или что там ещё есть? Карму вспомните? Хорошо хоть детям про это не говорите, они бы тем более не поняли.

— Зря ты так к этому относишься, — теперь уже настала моя очередь упрямитесь. Это явно была не та тема, в которой я мог бы сомневаться, хоть и сам толком не понимал, как же действует этот странный механизм. Всё, про что я читал в книгах, было в чем-то схоже с моими внутренними ощущениями и в то же время не создавало целостной картинки, давая лишь по одному кусочку паззла. — Ты никогда не думала, почему одни люди намного успешнее, чем другие? Не смотрела на них с завистью и не удивлялась, почему всё, к чему бы они ни прикасались, выходит у них идеально? Можно говорить про везение или карму, будто они заслужили свой успех добрыми деяниями в прошлых жизнях, а что если дело не в этом?

Татьяна скептически поджала губы и хмуро на меня посмотрела, не одобряя не только моих слов, но и безуспешную попытку выпрямиться в кресле и принять более достойно положение. Но тело меня подводило.

— И в чем же?

— Что если эти люди, как и Павлик, знают, что для них является самым важным жизни и прикладывают для этого все усилия? Что, если они пытались реализовать свой потенциал в той или иной степени каждую прожитую жизнь, и теперь настал миг их триумфа? Они перепробовали огромное количество самых разных профессий, приобрели множество самых

невероятных навыков в самых разных областях деятельности, и теперь кажутся асами в своем деле да и в любом, за которое берутся. Они интуитивно помнят, в чем их ждет успех и как его достичь, а где не стоит и пытаться, потому что это им не подходит. Так актер может проявить свои драматические таланты и надевать разные маски, потому что он уже кем только не перебивал прежде и теперь в любой роли находит что-то близкое себе. Или художник мог быть прежде скульптором, но пронес умение пользоваться руками как ещё одним инструментом. Или ученый, пытающийся изобрести какой-нибудь механический прибор и достигший в этом небывалого успеха, мог хранить память об аналогичных устройствах из будущего, и это знание помогло ему интуитивно подобрать ключик к решению задачи в настоящем...

— А что же вы? Были каким-то князем, и это помогает вам лучше разбираться в истории? — недоверие из всего облика Тани так и не исчезло, но привитое ещё в детстве уважение к старшим и хорошее воспитание не позволяло перечить более взрослому человеку.

— Не думаю... Не знаю точно, могу лишь предполагать. Моё умение готовить и при этом двойное к этому отношение может говорить о том, что я был женщиной, которую вынуждали это делать. У меня это происходит механически, никогда даже не приходилось учиться этому навыку, наверное, ей приходилось этим заниматься очень долго. Может, она была кухаркой при дворе какого-нибудь знатного человека? Ещё я очень люблю животных и интересуюсь даже теми, что уже давно вымерли, именно поэтому в своё время выбрал археологию. Но так как во времена динозавров людей не было, скорее всего, во мне говорит просто общая любовь к живности. Может, эта кухарка к концу жизни осталась с десятью кошками, которые скрашивали её одиночество? — я попытался перевести разговор в шутку, не находя должного отклика в сердце Тани.

Именно такие ситуации заставляли меня опасаться, что я могу ошибаться. Казалось, во всех элементах людской жизни я мог найти доказательства своих мыслей, но потом понимал, что другие люди этого не чувствуют или не придают значения каким-то мелочам, на которые стоило бы обратить внимание.

Сердце Татьяны тоскует по сцене и возможности петь и дарить радость людям. Но она не понимает, что это может быть не её заветной мечтой, а уже исполнившимся желанием, и теперь всё никак не может забыть те великолепные чувства, которые были с ней на протяжении всей её прошлой жизни. Таня стремится ощущать себя нужной, необыкновенной, поэтому выбрала самую необходимую специальность — медицину, и каждый раз, когда она остается понаблюдать за тем, как я перенесу укол в вену, она вновь чувствует свою важность и тем самым исполняет свой долг. Возможно, сцена из прошлого оставит в ней лишь далекий приглушенный след в будущем, а стремление спасти человеческие жизни перечеркнет всю яркость давних событий.

Но несмотря на то, что я, казалось бы, пришел к пониманию исконных мотивов другого человека, я так и не смог выяснить, что же является самым главным для меня. Кем я был прежде? Насколько реальны мои сны, какие из них являются всего лишь чудачествами подсознания, а в которых скрыто зерно истины? Часть из них кажется настолько невозможной, но при этом настолько близкой, что это путает мысли и не дает их разложить по полочкам, чтобы хоть как-то систематизировать и выявить закономерности. Мне кажется, что я совсем ничего не принес из прошлого, кроме каких-то несвязанных между собой ощущений и навыков.

В такие моменты я думаю, что мною движет исключительно поиск.

Следующее утро встретило нас хмурым небом и редким дождем. Несмотря на безопасность шаттла, я не могла всю ночь спать от возбуждения и желания поскорей вернуться к двери. Едва за окнами забрезжил свет, мы подхватили сумку с оставшимися фруктами, а в отдельный лист завернули ядовитые семена, чтобы предоставить ответ наглядно.

Ранний подъем неожиданно облегчил нам задачу и позволил надеяться на сокращение времени обратного пути. Вступив под полог лесной чащи, я решила попробовать дождевую воду с широких листьев раскидистого кустарника, и она оказалась вполне приемлемой для питья. Мы заполнили наши бутылки до краев и отправились в путь.

В глубине леса было сухо и прохладно, дождь сюда практически не проникал. Мы, прежде практически не общавшиеся между собой, периодически вспоминали какие-то забавные истории из жизни и веселили друг друга, а потом вновь замолкали, вспоминая, что не нужно привлекать к себе внимания. Появилась ещё одна маленькая трудность задания — стрелка погасла. Она указывала только путь до пропавшей экспедиции, а не дорогу назад. Но Иван вёл нас уверенно, прекрасно ориентируясь по местным звездам и вспоминая какие-то особые, только ему понятные приметы.

Дорога и правда местами была знакомая. Я узнавала деревья с запомнившимися фруктами и цветами, а Марина — деревья, на которые она залезала. Лес больше не казался таким чужим и страшным, мы теперь знали, где есть укрытия, в которые можно спрятаться.

К ночи третьих местных суток мы провели здесь чуть больше полутора земных. Не отвлекаясь на пополнение запасов воды с запримеченного ранее Мариной небольшого озера, мы пересекли запомнившуюся нам прогалину — место кровавой схватки тираннозавра и его добычи. Дождь смыл к этому времени все следы этого жестокого явления природного мира, а рев хищника доносился издалека и вызвал только неприятные воспоминания, а не реальную угрозу. Мы углубились ещё на километр внутрь леса и остановились на самом первом месте нашей ночевки. Снова та же каша, теперь мы уже боялись экспериментировать с едой, стремясь поскорее вернуться домой.

Ночь прошла более-менее спокойно, хотя один раз какой-то крупный динозавр прошел довольно близко и разбудил нас всех, но мы были уже слаженной командой и действовали как часы, не позволяя друг другу суетиться и паниковать.

Единственным препятствием на пути домой стал всё тот же травоядный ящер, который в самом начале выполнения задания лишил нас нашего провианта и всех необходимых в походе вещей. Впрочем, не таких уж необходимых, если подумать, ведь в итоге ответ был найден.

Мы замерли в гуще папоротника на краю этого, казалось бы, бесконечного леса. Динозавр сидел всё так же близко к двери возле кладки яиц, положив, словно домашнее животное, голову с костяной короной на передние лапы. Мне оставалось надеяться только на сообразительность военных, которые теперь, научившись на своих ошибках, должны найти выход из этой ситуации.

Иван в молчании передал мне семена, завернутые теперь уже в футболку после того, как мы выкинули оставшиеся тыкваподобные фрукты. Близилась к концу вторые сутки, так что мы могли не спешить. Но дверь так и манила. Безумно хотелось отправиться в душ и

сбросить с себя эту липкую тяжесть от влажного и душного климата сотворенного мира, в котором только по ночам и утрам можно было передвигаться без некоторой неприязни ко всему вокруг.

Шота не выдержал первым:

— Кто-нибудь что-нибудь придумал? Я размышлял об этом ящере всю дорогу назад, можно попробовать аккуратно подкрасться и обездвигить хотя бы ноги...

— Мы истратили весь заряд одной винтовки и половину другой, и нам это никак не помогло, — хмуро отметил Иван, не сводя глаз с ерзающей серой горы, которая словно чувствовала опасность. Хотя какой вред могут нанести букашки вроде нас?

— Давайте подумаем, что у нас есть, — предложила я, не особо надеясь на успех.

Иван перевел на меня взгляд и посмотрел как-то даже покровительственно:

— Ты свою задачу уже выполнила и даже перевыполнила. После того, как я потерял рюкзак, можно было вообще ставить крест на выполнении задания... — он запнулся, и следующие слова явно дались ему с трудом. — Нам вообще нереально повезло, что ты оказалась в нашей команде.

— Ты молодец, — свернул белозубой улыбкой Шота.

— Подумать только, ты оказалась полезней всех, — неохотно признала Марина.

— Эм... спасибо. Но это и правда было чистой воды везением, как моим, так и вашим, — расплылась в улыбке я. Даже все плохие моменты в нашей спасательной миссии в конечном итоге не принесли неудачи. Осталось решить последнюю загадку, и я не могла остаться в стороне. — Хотя я и не военный, но обсудить это, — я показала на травоядного динозавра, — мы можем.

Шота кивнул и оглядел всех нас:

— У нас есть ядовитые семена, но травить мы определенно никого не будем. Все согласны?

Мы дружно закивали. Даже если этот гигант мелового периода и был выведен из пробирки, он всё же был живым, дышащим, думающим существом, защищающим своих детей и не проявляющим агрессию первым. Убийство животного — это последняя мера, на которую вообще можно пойти, как и убийство более мелких особей для еды. Мы ели практически пресную кашу, чтобы не прибегать к убийству, и никто не возражал. Возможно, в естественных условиях нам и придется нарушить это правило для спасения жизни, но не сегодня.

— Ещё в нашем распоряжении винтовка с остатками парализующего заряда, четыре ножа, тарелки, бутылки и горелки, один анализатор крови, наша одежда, самодельная сумка и веревка...

— А как много она выдержит? — спросила я.

— Ну... — Иван, на чью руку и была намотана веревка, попробовал её потянуть. — Я её разорвать не смогу, а вот насчёт динозавра ничего не скажу.

— А это можно использовать! — осенило Марину, отчего её глаза сразу же азартно заблестели. — Ты будешь её отвлекать, попробуешь попалить из винтовки и добежишь до какого-нибудь дерева, да хоть до этого. Я же в это время буду сидеть на ветке и попытаюсь накинуть на её шею петлю или же спущусь и привяжу за ногу. Я-то справлюсь с таким заданием быстрее тебя. А Шота с Мири подойдут как можно ближе к двери и, как только мы отвлечем насадку, быстро бегут к выходу. Лассо задержит динозавра на какое-то время, сразу она веревку не порвет, так что мы тоже успеем добежать.

— Хороший план, — одобрительно кивнул Шота. — Хоть и опасный.

Мне тоже было страшно за членов команды, но, как и Шота, я могла лишь поучаствовать в обсуждении и в самом крайнем случае — в реализации. Это дело военных, а у нас разные обязанности. К тому же было понятно, что это нужно Ивану, опростоволосившемуся с потерей рюкзака, для прохождения этого испытания. Ему срочно требовалось восстановить статус военного и защитить нас.

Мы с Шотой прошли вдоль леса к самой крайней его границе у мерцающей сферы. Двери нам оставалось всего около семидесяти метров, но путь преграждал небольшой оазис среди каменистой почвы с сидящим на нем видоизмененным трицератопсом. Именно среди этого кусочка растительности и располагался выход.

Марина осталась у того же дерева, где мы сидели в засаде. Шота, прежде чем её покинуть, помог ей взобраться на гигантское гинкго, а Иван тем временем крепко привязал к стволу один конец веревки, а затем прошел с нами путь до середины.

Я замерла, приготовившись сорваться на бег при малейшем изменении местоположения динозавра. Иван, поняв, что мы дошли до нужной точки, резко выскочил из леса и с дикими воплями побежал к нашему противнику. Динозавр занервничал и стал подниматься, распрямляя свои толстые и мощные ноги. Ромашин, подбежав к нему, принялся выдавать обездвиживающие залпы, которые задевали ящера не больше, чем муха слона, но, тем не менее, раздражали.

Наконец, терпение динозавра иссякло, и он начал наступать на Ивана. Тот же, не прекращая свою возню, по плану стал отступать к гинкго. Когда же они оба оказались на достаточном от нас расстоянии, мы с Шотой изо всех сил побежали к двери. Такой короткий забег на пределе сил уже даже не выматывал. Когда Шота дотронулся до двери и стал в проеме, не позволяя ей закрыться, я остановилась там же вместе с ним и оглянулась, чтобы увидеть уже бегущих к нам со всех ног Марину и Ивана. Всё внутри натянулась как тетива, я бормотала «Скорее, скорее!», переживая за них, как за родных, и видела, как мечется позади динозавр, привязанный к дереву. Когда напарникам оставалось до нас несколько метров, животное порвало-таки веревку и со всех лап устремилось к нам, но было уже поздно.

Иван с Мариной влетели в проем, мы с Шотой тоже отступили внутрь и, обессиленные, рухнули на пол. Не в силах ничего говорить, мы рассмеялись, выплескивая весь накопившийся стресс и позволяя в кои-то веки насладиться спокойствием и тишиной без отдаленной гулкой поступи огромных существ.

Словно понимая, что нам нужно время прийти в себя, голограмма появилась не сразу, а через несколько минут. Виктор У позволил себе улыбнуться, прежде чем начал речь:

— Рад видеть вас в полном составе, группа «Двадцать два»! Вы справились с заданием?

Мы переглянулись, и Шота верно понял наши взгляды. Он всё ещё наш командир, и именно он должен держать ответ. Алиев поднялся с пола и ответил:

— Так точно, подполковник У. Мы нашли пропавшую экспедицию, члены которой, к сожалению, не выжили. Они застряли на планете из-за поломки двигателя и отсутствия запасных деталей, а после, когда пищевые пайки закончились, перешли на питание местной растительностью. И отравились стрихнином, содержащимся в одном из семян деревьев, — он протянул ко мне руку, куда я ему в ладонь вложила свёрток с семенами. — Мы взяли с собой образцы этой ядовитой флоры, что исследовать на борту корабля.

— Всё верно, — одобрительно кивнул У. — Поздравляю всех членов вашей команды с успешным прохождением последнего испытания! Вы справились, хотя у нас были серьезные

причины поволноваться за вашу группу после неудачного начала. Но редко всё проходит гладко и по плану, и вы должны быть к этому готовы. Теперь вы усвоили этот последний урок, — он сделал небольшую паузу и пытливо посмотрел в глаза каждому из нас, подтверждая этим, что эта галотрансляция — не запись. — Мы тщательно наблюдали за вами все время вашего пребывания в лагере, и я рад вам сообщить, что по суммарной сумме баллов и рекомендациям тренеров вы все зачисляетесь в Космическую Исследовательскую Академию!

Волна ликования заполнила всё моё существо. Это случилось! Что должен чувствовать человек, когда мечта всей его жизни исполняется? И самое невероятное, волшебное, потрясающее событие становится больше не плодом фантазии, а самой что ни на есть реальной реальностью?! Я не могла даже улыбаться, чувствуя себя словно оглушенной обухом по голове, и всё внутри вопило: «У тебя получилось! Ты сделала это!».

У остальных тоже был слегка ошарашенный вид. Мы все этого хотели, мы все на это надеялись, но реальность всё равно оказалась куда лучше мечтаний, и это осознание чего-то совершенно невозможного, что теперь станет частью наших жизней, выбило всех из колеи.

— Снаружи ожидает флаер, который доставит вас в лагерь. Вы сможете отправиться домой сегодня же или задержаться на какое-то время, как хотите. Встретимся в Академии, курсанты! — на этих словах голограмма обесцветилась.

— Мы это сделали, — первой вымолвила я.

— Даже не верится, — покрутила головой Марина, хотя ей-то как раз и не стоило волноваться.

— Мы самая лучшая команда! — громогласно провозгласил Шота, подняв вверх кулак, и мы с Мариной, на секунду переглянувшись, совсем по-девчачьи завопили и повисли у него на шее. Иван, не склонный к таким нежностям, всё равно подошел и обнял нас всех сверху, а Шоту просто похлопал по плечу.

Весело переговариваясь, мы залезли во флаер и условились, что обязательно встретимся в первый день в Академии на Хайнанае и отметим это событие как полагается. Кажется, теперь у меня появились ещё три друга, и я впервые чувствовала такое тепло в сердце и такую радость от каждого мгновения этой жизни. Я была всего лишь мечтательным смельчаком, и мне повезло претворить свою невероятную фантазию в жизнь.

Парк взрывался от детских голосов и визгов. Лепестки ромашки взмывали вверх, унося с собой радостный смех, а возвышавшееся над головами колесо обозрения натужно скрипело кабинками, позволяя отдыхающим запечатлеть на фотоаппарат красоты Геническа и Азовского моря.

В пять часов улицы города постепенно начинали оживать и наполняться как туристами, так и геничанами. Стоило хоть немного отдалиться от территории пляжей, как становилось ясно, что туристическая инфраструктура в городе совершенно не развита и он сам больше напоминает среднестатистический город русской глубинки. Вывески кафе и выглядывающий сквозь обычные, не панорамные окна интерьер совершенно не привлекали и не вызвали желания зайти внутрь.

Кафе «Сафари» ничем не отличалось от других на улице, кроме африканской тематики низкого пошиба во внешнем оформлении. Раззявленная пасть тигра выцвела и напоминала раскраску, так хотелось добавить настоящего цвета. А народ, прогуливающийся в это время по улице, был ей под стать: одутловатые лица, бутылки пива в руках, излишне яркие женские наряды, отдающие дешевой вульгарщиной... В этом городе солнца и моря весь прекрасный природный пейзаж портили именно люди.

Я была одной из праздношатающихся по улице. Мне пришлось потратить немало времени, чтобы убедить Яна, что я хочу поговорить с внуком Бойко одна, что я должна понять самостоятельно, что же происходит в моей жизни и не тащить эту тайну за собой и дальше. Клятвенно заверив, что если ситуация начнет меня настораживать, я тут же ему позвоню, с чистой совестью и без малейшего страха я отправилась навстречу разгадке.

Легкое бежевое платье с принтом в виде маленьких якорей и соломенная шляпа выдавали во мне туриста с головой. Единственным, что не позволяло слиться с толпой окончательно, было отсутствие красноты солнечных ожогов на лице. Теперь я уже производила впечатление не румяного цыпленка, а нормального человека.

В небольшом кафе было пусто и душно. Я глазами обыскала всё его пространство, но кроме шумной компании из двух пожилых бабушек и трех детей дошкольного возраста, в нем никого не было. Теплое, почти вечернее солнце, видимо, привлекало людей больше, чем замкнутость помещения, где практически невозможно было сделать вдох. Я заметила, что у маленького столика у окна леопардовые шторы так и норовят вздыбиться к потолку, и направилась туда, предпочитая борьбу с тканью отсутствию свежего воздуха. Здесь и правда оказалось более комфортно находиться, а когда я заказала ещё и мороженое с кусочками ананаса, дыни и персика, жизнь и вовсе показалась мне приятной штукой.

Меня не заставили долго ждать. Высокий мужчина с кучерявыми темно-русыми волосами появился в дверях кафе. Он был одет в светло-серые хлопковые брюки и белую неформальную рубашку с коротким рукавом, и производил впечатление уверенного в себе человека, который твердо стоит на ногах. Об этом говорило его умение держаться и ощущение, что такой, более свободный, стиль одежды ему непривычен. Наверное, его работа связана с административной или банковской деятельностью. Он так же, как и я, просканировал глазами помещение и, заметив меня у окна, направился в правильном направлении.

— Добрый день, — мужчина серьезно кивнул и уставился на меня, пожирая глазами, —

это вы мне звонили по поводу Бойко Видинского?

— Здравствуйте. Да, я, — я улыбнулась ему в ответ на пристальный взгляд, который он не сводил с меня, даже когда усаживался за стол. — Меня зовут Светлана Нарусова. Простите, я не представилась, когда звонила вам.

— Ничего, я тоже не представился. Я — Дмитрий Видинский, внук Бойко Видинского как вы уже поняли.

— Очень приятно, — я снова улыбнулась и снова не получила в ответ ничего, кроме сосредоточенности во всем облике Дмитрия.

Подошла официантка и принесла меню. Видинской бегло его просмотрел и закрыл, впиваясь меня взглядом. Выжидательное молчание затягивалось, но я не знала, с чего начать, а Дмитрий, хоть и приехал сюда ради этой встречи, тоже не говорил ни слова.

Штора вновь взмыла вверх, задев своим краем ухо мужчины. Он поморщился и наконец заговорил:

— Извините, что выбрал это место. Я редко бываю в Геническе, обычно из Мелитополя еду прямо во Фрунзе. Подростком я часто заглядывал сюда с компанией после парка, но тогда всё было иначе... Вернее, всё было так же, и это печалит. Вещам свойственно стареть, и интерьеру этого заведения не помешало бы обновиться.

— Всё в порядке, — дружелюбно заметила я.

В это время подошла официантка с подносом с моим мороженым и блокнотом. Дмитрий заказал холодный яблочный сок и штрудель. Я опустила ложечку в белую мякоть пломбира и зачерпнула её вместе с кусочком ананаса. Божественный вкус, впрочем, как и у любого мороженого посреди жаркого дня.

— Я очень рада, что вы решили со мной встретиться, — решила начать разговор в нужном русле я. — Хоть это и было несколько неожиданно.

— Ммм... да, наверное, — задумчиво кивнул Видинский и задал совершенно бестактный вопрос таким тоном, словно это в порядке вещей: — У вас есть парень или муж?

— Что? — воскликнула я слишком громко. Крайне активные бабушки на меня оглянулись и недовольно покачали головами. Естественно, в своем глазу слона не заметишь. Их «слоны» сейчас носились по кафе, играя в догонялки.

Дмитрий, погруженный в свои мысли, видимо, постепенно начал осознавать, почему его вопрос вызвал такую реакцию, и поспешно добавил:

— Это очень важно, хоть вам может показаться иначе... Я ничего такого не имел в виду, — виновато произнес он, выделив интонацией слово «такого».

— Нуу... да, есть. Парень, — всё же ответила ему я. В конце концов, он тоже проделал определенный путь, чтобы услышать ответ на свои мысли.

— И какой он? Что он любит? Чем занимается? — посыпались вопросы, от чего создалось впечатление, что это очень сильно интересует Видинского.

— Он хороший. Веселый... Упрямый. Легкий... да, с ним очень легко и при этом надежно. Я знаю его всю свою жизнь и уверена, что он всегда мне поможет и не причинит боли нарочно, — вышла какая-то романтическая чушь, и я поспешила перейти на более конкретный тон ответов. — Любит активные игры, спорт, поэтому здесь, куда его затащили друзья, мается. У нашего пляжа только катамараны и есть, самые простые. Единственное его спасение — пляжный футбол, в который он с друзьями играет по несколько раз в день. Учится он, кажется, на чем-то, связанном с машинами, а работает инструктором по прыжкам с парашютом...

— Любит летать? — прервал меня Дмитрий, а глаза при этом стали очень грустные.

— Наверное. Он и в армии служил в воздушных войсках что ли... — вспомнила я.

Мужчина отпил сока, который только принесла официантка. Его вопросы меня удивили, и я пыталась понять, какой же смысл он в них видел.

— Знаете, Света... я могу вас так называть? — уточнил он, а после моего утвердительного кивка продолжил: — Я прошу вас всегда поддерживать те увлечения, которые так важны для вашего молодого человека. Просто поверьте мне. Вы сами будете счастливее, если он будет жить так, как велит ему сердце.

В его ответе слышалась затаенная боль. Неужели какая-то женщина в его жизни не поддержала этого печального мужчину в важный момент? Или кого-то, близкого ему? Он говорил мне эти слова очень искренно и чувством, не было и сомнения, что ему известно не понаслышке то, что он пытается донести до меня, и это не просто глупое сотрясение воздуха.

— Конечно, я так и сделаю, — заверила его я. — Любимых людей всегда надо поддерживать несмотря ни на что.

Я сказала это и замерла, вдруг осознавая, что назвала Яна любимым. И это звучало как самое естественное на свете слово, как будто я повторяла его прежде уже с тысячу раз. Оно так легко сорвалось с языка, что я даже не усомнилась в нём. Да, люблю. Да, наверное, всегда и любила. И три дня понадобились не на то, чтобы влюбиться в него, а только чтобы сказать вслух то, что было на сердце.

— Обещаете? — серьезно спросил Дмитрий, словно планировал достать договор и вынудить меня поставить подпись, уж настолько явно прорезались в его тоне несколько угрожающие нотки.

— Конечно. Обещаю, — легко согласилась я. Он мог хоть нотариуса привести, чтобы заверить моё обещание, я бы не отказалась от своих слов.

— Хорошо, — более дружелюбно кивнул головой мужчина и немного посветлел лицом. — Теперь можно поговорить и о моём деде. Насколько я понял, вы уже побывали во Фрунзе?

— Да, мы с Яном, мои парнем, — уточнила я, так как не произносила его имени раньше, — переночевали у Татьяны Ивановны, а на следующий день она даже показала нам дом Бойко и зачем-то отвела на кладбище...

— Надо же, — улыбнулся Дмитрий. — Как интересно. Всё сходится.

— Что сходится? — не поняла я.

— Дед был таким чудачком, — покачал головой Видинский. — Он всегда говорил, что видел свой дом раньше, поэтому, когда увидел его вживую, сразу купил знакомое место. Хоть и не был во Фрунзе до этого. И за год до смерти он начал готовиться. Написал письмо. Подготовил завещание, по которому я и должен был с вами встретиться. Сказал звонить ему каждый день, и если он в течение какого-то дня не будет поднимать трубку, то срочно приехать, потому что его пес будет голодать. Даже перед смертью за свою собаку больше беспокоился, чем за себя. Он понадавал всем странных указаний, и Татьяне Ивановне тоже парочка досталась.

— Как он мог знать, что я приеду? Что вам придется со мной встретиться? — удивилась я.

— А вы не догадываетесь? Вам ничего не показалось знакомым? — пытливо спросил он, словно пытаюсь меня на чем-то подловить.

— Нет, — твердо ответила я.

— Так я и думал, — покивал головой Дмитрий в подтверждение своих мыслей. — Всё становится яснее с каждым вашим словом. Вы ничего не помните, но он помнил места, которые не посещал прежде. Значит, вы были раньше.

Я откинулась на спинку, оставив пиалу с мороженым. Весь этот бред начал порядком надоедать. Концы с концами не сходились, Дмитрий, серьезный взрослый мужик, нес какую-то околесицу, добавляя условий к загадке, и при этом ничего по сути не разъясняя. Я положила руки на колени, и легкая шероховатость ткани немного сбавила волну раздражения. Я сосредоточилась и попыталась всё же выяснить что-то более конкретное:

— Я была раньше кого? Или где? Простите, я ничего не понимаю.

— Да-да, ещё рано. Вы помните или считаете, что придумали, некий фантастический мир. Верно? — он начал говорить медленно и более вдумчиво, при этом всё так же не сводя с меня пристального взгляда.

— Да, мне он часто снится. Или же образы возникают, когда я беру кисть, — подтвердила его слова я. Наконец-то он начал вести себя подобающе своему внешнему виду, пытаясь в разговоре подвести меня к какой-то мысли.

— Но образы исключительно фантастические? Или же вам снится пшеничное поле или человек со светлыми волосами?

— Откуда вы знаете про поле? — его слова повергли меня в изумление. Кроме Яна я об этом никому не говорила и не рисовала. — Мне оно не снилось, но этот образ как-то важен. Когда я его представляю, то испытываю определенные чувства. А человек... может быть. В моих мыслях часто присутствует кто-то светлый, дающий надежду... но я никогда не давала ему внешнего описания. Мне казалось, что это что-то вроде второго я, той части, которая меня подбадривает, когда мне грустно. Правда теперь, когда я снова встретила Яна, меня подбадривают его улыбка и глаза.

Я улыбнулась, вспоминая лицо Яна. Его огненные волосы в ярком свете солнца звали в бой, пылали надеждой, а ироничная улыбка легко сменялась теплой и доброй, и больше не нужно было обращаться к чему-то ещё. Я не произнесла вслух этого Дмитрию, но иногда мне казалось, что тот светлый образ, оберегающий меня, — это бог или ангел, нечто сверхъестественное, не поддающееся житейским законам нашего мира. Это живет в моем сердце и одновременно присутствует рядом, и мне не нужно дотрагиваться до него, чтобы верить. Говорят, что бог — это любовь. И я постепенно начинала проникаться этой мыслью, чувствуя каждой своей клеточкой, что истина именно в этом.

— Возможно, вы вспомните это позднее и осознаете в полной мере. Дедушка пришел к этому очень поздно, его вынудили обстоятельства. Кто знает, если бы он не искал оправданий, дошел бы он вообще до этих мыслей? В любом случае, это случилось, и всё детство я слушал сказки. Отец думал, что его папа свихнулся, потому что вдруг ударился в религию, увлекся антропософией, изучал работы Яна Стивенсона, интересовался техникой «регрессия прошлой жизни»... Он боялся, что его настоящая жизнь и то, что он допустил в ней, скажется на нем в будущем или прошлом... Был уверен, что время для переселения душ — весьма относительная координата, так как душа, впервые появившаяся в будущем, вполне может потом возродиться прошлом, что собственно, с ним и произошло. И с вами.

Я замолчала. Дмитрий говорил совершенно невероятные слова. Я, конечно, любила фантастику, но всегда четко разграничивала выдуманный мир и реальный, но получается, что Бойко верил в реинкарнацию.

— Пойдите... Вы думаете, что я возродилась в прошлом? Из будущего? Почему вы так решили? — наверное, моё лицо отразило всю степень моего скептицизма, так как вдохновенное выражение лица Дмитрия сменилось более серьезным.

— Видимо, это и чувствовал дед, когда убеждал в чем-то моих родителей. Я тогда допускал возможность всего и одинаково не отдавал предпочтение ни одной из существующих религий, убеждающих в реальности Иисуса или реинкарнации душ... Но дедушка в завещании сказал, что если появится кто-то, кто будет говорить о каких-либо фантастических событиях, сходных с его сказками, или увидит в его рассказах или иллюстрациях что-то очень близкое себе, значит, этот человек — он сам в предыдущем или последующем воплощении. И теперь я ему верю. Я вижу в вас его, хоть вы и не помните своего внука. И я должен отдать вам это, — с этими словами он достал из кожаного, очень основательного на вид портфеля несколько альбомов, в которых мы рисовали на уроках ИЗО в школе, и обычный почтовый конверт и протянул их мне.

Конверт немного пожелтел от времени и оказался заклеен. Поля «кому» и «куда» были написаны на украинском, а маленькая картинка изображала советское знамя и несколько гвоздик. Я смотрела не него, не решаясь открыть, и думая о том, что сказал мне взрослый умный Дмитрий, не склонный верить в сказки. Я подняла голову и посмотрела в его серьезные зелено-карие глаза, смотрящие на меня с затаенной надеждой. Это последний рубеж, я действительно добралась до разгадки этой тайны. Теперь мой ход.

Голубой костюм абитуриента казался больше не препятствием, а временным неудобством. Совсем скоро он сменится на синий, а нашивка будет представлять меня как курсанта факультета космической биологии направления «внеземная этология». В оставшееся время до учебы я смогу отдохнуть с чистой совестью. Возможно, даже присоединюсь к родителям на Амазонии. Но сначала им нужно обо всем рассказать.

Я села на стул, завязала торчащие во все стороны волосы в строгий пучок и попыталась стереть идиотскую счастливую улыбку с лица, которая отказывалась оттуда уходить. Движение пальцами — галопроектор включен.

Через несколько секунд передо мной появились лица родителей в походной экипировке традиционного для этих целей цвета хаки. Они сидели за столиком у борта туристического катера, и я видела кусочек воды и джунгли вдали.

— Здравствуй, милая, — тепло улыбнулась мне мама. Этот взгляд был мне знаком, она всегда так обращалась ко мне, когда я получала плохую оценку, чтобы показать, что мне не стоит расстраиваться и всё поправимо.

— Привет, мам, пап... Натан, — лицо брата неожиданно появилось в поле моего зрения, видимо, его тоже успели позвать. Они знали, что раз я появилась — последнее испытание окончено.

— Хей, привет, сестричка! — Натан был слишком дружелюбен, что подтверждало мои подозрения о том, что они приготовились меня сейчас утешать.

— У меня есть для вас новости, — лица родителей тревожно вытянулись, а я наконец перестала сдерживать улыбку, которая так и просилась на губы. — Я теперь курсант!

Они словно окаменели. Кажется, родители и не предполагали подобный вариант развития событий.

— Правда? — удивился Натан, первым отошедший от ступора.

— Правда! — я рассмеялась, и они потихоньку стали отходить и тоже начали улыбаться, сначала только глазами, а потом и всеми мышцами лица.

— Мири, это просто невероятно! — мама поцеловала воздух, показывая, как хотела бы меня сейчас потискать.

— Ты наша умница, — улыбнулся папа. — Лети скорей к нам, нам интересно всё-всё услышать вживую!

— Я улетаю через час. Не так много флаеров летает через Айхал в Амазонию, — улыбнулась я, предчувствуя скорое возвращение к любимым людям.

Так хотелось всех обнять и сказать, как же я их люблю. Знаю, они боялись, что я сделаю сама себе больно, разочаруюсь в жизни и повзрослею раньше положенного срока, но их страхи оказались напрасными. Моя мечта исполнилась, и я наслаждалась этим самым лучшим днём в моей жизни.

Осталось только последнее дело — попрощаться с Атоном. Схватив рюкзак со своими маленькими пожитками и окинув напоследок взглядом эту маленькую комнату, которая за два месяца стала мне родной, я спустилась в пустынный холл. На улицах было очень мало людей, часть уже улетела, другая же ещё не завершила испытание.

Карта показывала, что Атон находится возле ангара. Теперь нам стала доступна информация о местоположении тренеров и прочих курсантов. Так, Шота и Иван уже

улетели, а Марина находилась в своем домике. Наверное, ей тоже было неблизко лететь, раз она всё ещё здесь.

Фигуру Атона у информационного стенда я заметила издалека. Вечернее солнце всё ещё ярко светило и, как и всегда, не оставляло в покое его волосы, заставляя их искриться золотистым светом. Он задумчиво смотрел на панель, сверяя какие-то данные с экраном планшета в руке, и ни на что не обращал внимания.

— Привет, Атон, — улыбнулась я. Он всегда вызывал во мне желание улыбаться и как будто наполнял радостью и светом.

Он вздрогнул от неожиданности, поднял на меня глаза и покачал головой, тоже улыбаясь:

— Скай, Мири, скай! Уже не «привет», — попенял он меня.

— Точно, — вспомнила я. — Скай, Атон!

Это было так приятно говорить. Даже не верится, что я теперь тоже имею право произносить это приветствие. Атон кивнул головой, убеждаясь, что последний его урок усвоен.

— Я пришла попрощаться. И поблагодарить тебя за всё. Ты даже не представляешь, как ты мне помог и сколько надежды дал! Наверное, не будь тебя, я бы ни за что не прошла испытание, не пробежала это огромное количество километров на тренировках и не поверила в себя. И спасибо за то, что ты мне вообще дал возможность проверить свои возможности, — я закончила и уставилась в его посерьезневшие глаза.

— Я очень рад, что у тебя всё получилось. Но ты достигла всего сама, и я горд, что я немного в этом поучаствовал, — он замолчал. Небесные глаза твердо и прямо смотрели на меня, и я в очередной раз удивилась тому, как он меня понимает. Атон не стал отшучиваться, осознавая, что для меня этот момент очень важен и что поблагодарить его — это необходимый этап для движения дальше.

— Спасибо, — тихо сказала я ещё раз и несмело улыбнулась.

Стингрей подхватил улыбку и вернул себе прежний веселый тон:

— А как ты накормила всех кашей! На моей памяти никто без риска для здоровья не ел ничего на испытании. Вкусная хоть была-то?

— Чем-то похожа на тыквенную. Вот добавить бы туда риса и хотя бы сахара — было бы вообще объедение!

— Кто бы мог подумать, что твоя чудо-модификация окажется просто незаменимой, — он весело хмыкнул.

— Ты мог, — подсказала я.

— Но всё же о таком исходе я не предполагал, — улыбнулся он. — Эх, был бы у меня корабль, я бы непременно взял тебя в биологи. Уж если не найдем зверушку, то хоть экзотической каши поедим!

— Ловлю на слове! — сказала я и не смогла сдержать смеха.

Мы так и стояли и смеялись некоторое время, не обращая внимания на периодически заходящих в ангар людей. Новоиспеченные курсанты косились в нашу сторону, но теперь Атон больше не был моим тренером, так что я могу с ним общаться как душе угодно.

Наконец мы успокоились, и я спросила:

— Ты сейчас уезжаешь?

— Да, проверка моего флаера завершена, сейчас отправляюсь на практику. Наш космолет отправляется через неделю, нужно ещё на месте всё проконтролировать и

освоиться, — Атон свернул планшет и положил в карман.

Пришел черед прощаться.

— Я желаю тебе, чтобы твоя практика прошла успешно и тот эксперимент непременно удался! — я знала, что это важно для него. Теперь пришло время и его мечте исполняться.

— А я тебе желаю хороших баллов и повеселиться там в академии. Тебя ждут интересные деньки, — он по-доброму улыбнулся и подошел ближе.

Атон опять же словно знал, что я безумно хочу его обнять на прощание, но стесняюсь это сделать. Когда он заключил меня в свои теплые объятия, я вдохнула такой знакомый запах мяты и солнца и попыталась отпечатать это мгновение в памяти. Если бы я могла пожелать чего-то в этот момент, я бы хотела, чтобы это объятие никогда не кончалось. В нем было нечто настолько родное и близкое, и так безопасно мне не было ещё никогда.

— До свидания, Атон, — пробормотала я в его плечо. — Мы ведь ещё увидимся?

— Конечно, увидимся, малышка, — он ласково погладил мою макушку и разомкнул руки. — Пока, Мири.

— Пока, — улыбнулась я, и не отводила глаз от его фигуры до тех пор, пока махина ангара не поглотила его.

Начиналась новая страница моей жизни. Но именно Атон был тем, что я бы хотела в ней сохранить. Может, мы ещё увидимся как-нибудь в Академии? Это глупая надежда, ведь он её уже окончил и теперь будет покорять неизведанные просторы, редко бывая на Земле.

Я стояла и смотрела на дверь ангара и чувствовала, что, несмотря на исполнение мечты, по сердцу разливается ощущение потери. Он важен, так важен для меня, как я буду жить, не видя по утрам его глаза цвета неба? Не слыша этого голоса? Не согреваясь теплом от улыбки? Это чувство было мне совершенно незнакомо, и я не находила ему названия. Почему на смену радости внезапно пришла боль?

Я повернулась спиной к двери ангара и побрела прочь, не разбирая дороги, полностью погрузившись в свои собственные мысли и краем глаза замечая оживление на улице. Постепенно здесь появлялись настоящие космические работники, которым и принадлежит этот лагерь. Мне же нужно скоротать последние полчаса, пытаюсь убежать от страшного чувства в груди. Больше всего на свете мне хотелось сесть на лавочку и позорно разреветься, не понимая, почему и зачем, но осознавая, что это единственный способ избавиться от комка в горле.

— С вами всё в порядке? — пожилой мужчина в форме исследователя остановился возле меня и тревожно вглядывался в моё лицо. — Вы не прошли? Ничего страшного, это всего лишь один отбор, есть масса других полезных...

— Я прошла, — отрезала я, и ответ мог бы выглядеть грубым, если в конце фразы голос не сорвался на плач.

— Это же прекрасно! Почему же вы плачете? — улыбнулся исследователь и покачал головой, дескать, кто этих подростков разберет. — Сходите лекцию послушайте что ли, успокойтесь.

Добродушный мужчина махнул рукой на дом прямо возле нас, и я, пробормотав «спасибо», последовала по движению его руки. Мне было совершенно всё равно, куда идти в данный момент.

Это был такой же домик, как у нас, и постепенно он наполнялся космическими работниками, которые приезжали провести время в кругу себе подобных. В холле были расставлены стулья, а стены стояла сухопарая женщина и что-то рассказывала на фоне

картинок, возникающих из галопроектора. Ей внимало всего около пяти человек, и лекция походила на какой-то междусобойчик.

Я села на самый дальний стул возле входа, и при моем появлении женщина приветливо улыбнулась. Я попыталась принять самый доброжелательный вид, но чувство горечи внутри меня не покидало и словно разъедало все внутренности, не давая даже сделать вдох. Да что же со мной происходит?

Я хорошо сдружилась за эти два дня с Шотой и даже с Мариной и Иваном, но при расставании с ними ничего подобного не чувствовала. И мне не хотелось никого из них обнять и не отпускать. И я не представляла их золотые волосы, закрывая глаза, и мне не хотелось плакать, думая, что я больше не увижу их улыбки. Почему же Атон стал каким-то особенным другом, разлука с которым так болезненна?

Я бездумно смотрела на сменяющиеся картинки, не вникая в смысл слов и не пытаюсь понять, что же объединяет все образы, но очередная картина, пришедшая на смену невнятной предыдущей, заставила меня похолодеть. Ногти впились в ладони до боли, я так и застыла с раскрытым ртом и выражением полнейшего шока на лице.

Лектор замолчала и странно на меня посмотрела. Остальные же проследили за её взглядом и обернулись на меня, но я всё это подмечала лишь боковым зрением, не в силах отвести взгляд от совершенно невозможной картины.

Этого просто не могло быть. Практически всё пространство холста занимало пшеничное поле, и в этом не было бы ничего удивительного, если бы оно не располагалось на равнине среди гор и если бы с самого края картины, я могла поклясться всей своей семьей, не торчала климатическая вышка. Но даже это не было самым странным. Посреди поля замерла мужская фигура в синем костюме со смазанным лицом. Человек поднял лицо к солнцу, и то золотило его пшеничные волосы, а ветер не смог удержаться и внес свою лепту, добавив ещё больший беспорядок в эту россыпь волнистых прядей.

Я знала этого парня. Я узнала бы силуэт Атона из миллиарда фигур. Но я никак не могла понять, как событие из моей жизни попало на картину? Кто влез в мою голову и нарисовал моё воспоминание?

— С вами всё в порядке? — спросила женщина-лектор. Второй раз за день мне задают этот вопрос, и опять же всё совсем, совсем не в порядке.

— А... — голосовые связки вместо слов выдали невнятный хрип, я откашлялась и повторила: — А что это?

— Перед вами картина «Сын Солнца», написанная в 2018 году Светланой Аркадьевой холст, масло...

Лектор намерилась продолжить, но я самым наглым образом её прервала:

— А какая тема лекции? Простите, пожалуйста, я пропустила начало.

— Лекция посвящена пророческим возможностям мозга, которые чаще всего появляются у людей искусства и страдающих психическими заболеваниями, — охотно пояснила женщина, а я сразу поняла, почему на её лекции так мало человек. В ясновидение мало кто верил из серьезных ученых, хотя я не могла отвергать такой возможности, зная, что мозг нашего вида использует не все свои функции. — Эта картина привлекает внимание наличием на ней климатической вышки. Можно было бы предположить, что это электрический столб, но в то время электричество передавалось по проводам, а проводов здесь нет. Но больше меня интересует ваше удивление... У вас есть какие-то мысли по этому поводу, курсант?

— Да, — кивнула головой я. Эта загадка сразу отвлекла меня от печальных мыслей, загнав боль в дальний закоулок сердца. — Наверное, это покажется странным... но я узнаю эту вышку и пшеничное поле. И горы. Это же местный пейзаж! А мужская фигура в синей форме напоминает какого-то исследователя, который... решил погулять.

— А и правда, — хмыкнул мужчина слева от меня. — Я же тоже так гулял.

Повсюду стало раздаваться согласное хмыканье и шепотки, а лектор смотрела на меня чуть ли не со священным ужасом. Видимо, она тоже гуляла по этому полю.

— Только вот волосы у мужчины какие-то странные. Вроде бы сейчас такие почти не встречаются, — скептически попытался опровергнуть наше озарение средних лет исследователь, который за всё это время не вымолвил и слова, а лишь недоверчиво качал головой.

— Почему же? Да хоть Стингрея возьмите, этого неугомонного курсанта. Может, это он и есть на картине! — резко ответила лектор, стремясь защитить свою теорию. Знала бы она, как близка к истине!

В кармане завибрировал свернутый планшет, значит, флаер уже подлетел. Я попросила прощения у читающей лекцию и ушла, объяснив, что мне пора отправляться домой. Аудитория неожиданно дружелюбно пожелала мне успехов в учебе, а женщина, узнав, что я буду биологом, пообещала скорую встречу на занятиях по основам нейробиологии, которые она ведет на втором году обучения у курсантов биологического направления.

Путь до Белена, где сейчас находились родители, предстоял неблизкий. Пять часов на маленьком флаере по пятому межгосударственному сектору — это не такая уж большая цена за встречу с родными, тем более что теперь мне было чем заняться.

Тем не менее, я не стала сразу открывать планшет, а позволила себе полюбоваться удаляющейся лентой Сохсолооха и кусочком золотого поля, мелькнувшим за цепью гор. Это место изменило мою жизнь, и оно достойно собственного прощания. Я не отводила глаз от стекла до тех пор, пока все климатические вышки не исчезли из вида и не сменились сплошной гористой местностью.

Чувствуя одновременно горечь от прощания с Атоном, радость от приближающегося будущего и нетерпение от желания разгадать тайный смысл картин малоизвестной художницы, я дрожащими руками развернула планшет и стала искать её имя. Но пока меня интересовала не биография, а картины.

Красный закат в пустыне с причудливыми растениями на длинных стебельках и остатками древних сооружений...

Вид с высоты четвертого сектора на гористую местность с двумя поселениями, разделенными узкой рекой...

Снова желтая пустыня и серебристая громада космолета, вся в красно-оранжевых бликах, и сидящий на трапе человек в золотисто-красноватыми с этим странным свете волосами...

Странное, непропорционально длинное существо, покрытое неким подобием материи, протягивающее семипалую, покрытую синеватым мехом, конечность к зрителю...

Двое маленьких золотовласых детей на одуванчиковой поляне, играющие в космопиратов...

Незнакомое лицо мужчины с рыжеватыми волосами и пронзительными серыми глазами...

Натюрморт из желто-фиолетовых фруктов и ножа на листе папоротника...

Все эти невероятные картины из моей жизни и жизни другого человека пугали, и я всё же решила почитать биографию художницы. Родилась, вышла замуж, творческая карьера, дети... Эти факты совершенно ни о чем не говорили, как и то, откуда эти образы возникли в её голове. Но в качестве источника была дана ссылка на её блог на древней платформе со старомодным дизайном...

Я пролистала посты в блоге, которые были посвящены каким-то официальным событиям: выставке картин, благотворительному аукциону, успехам сына на поприще ученого-физика...

Это не давало никаких ответов, и хотелось вышвырнуть злосчастный планшет в окно, но это бы никак не решило проблему. Итак, что бы сделал в такой ситуации Натан? Взломать блог я не могу, отпечаток моего пальца не даст мне допуск, ведь тогда вроде не так регистрировались в сети.

Мелькнула совершенно шальная мысль. Я ввела её имя пользователя и стала подбирать пароль. Раз она так много знает обо мне, может, я смогу угадать пароль?

Что самое важное в моей жизни? Все имена близких не подходили, я даже грешным делом попробовала имя Атона, раз он был на картинах, но и оно не подошло. А из головы не выходило пшеничное поле, как она могла о нём узнать? Атон и правда как сын Солнца, такое интересное сравнение, вернее, как будто скандинавский кеннинг... Я принялась искать все упоминания о Солнце и замерла, увидев, что Атон — древнеегипетский бог Солнца. Но если картина называется «сын Солнца», значит, паролем может быть либо сын этого бога, либо что-то производное от Атона. Список образованных от имени божества имен раскрылся на экране, и глаз сразу зацепился за женское имя Анхесенпаатон — «Её жизнь это Атон». Я ясно чувствовала, что в этом есть что-то важное, что моя жизнь связана с его жизнью и что эта горечь никуда не уйдет, покуда я снова с ним не встречу.

Я ввела «Анхесенпаатон» в строку пароля и вид блога вмиг изменился. Самая верхняя запись гласила «Если ты узнала/узнал его, то прочитай всю историю», и я сразу поняла, что это обращение ко мне. Одно движение рукой, и вся история открылась перед моими глазами — история жизни Светланы и Бойко, и даже немного моя.

Выходя из флаера в шумном Белене, я уже знала, что обязательно встречу Атона в будущем. Я должна прожить эти семь лет без него, получая специальность, а потом судьба возьмёт дело в свои руки и предоставит мне шанс. Неважно, кем он мне будет — другом или любимым, он всё равно будет рядом, и мы вместе переживем немало приключений. Но что-то мне подсказывало, что это только зарождающееся чувство внутри сердца — ещё неокрепший росток любви, и по мере того, как я буду взрослеть, подрастет и он. А дальше... всему своё время. Сейчас время жить в мечте.

— Она очень любила небо, моя Яра. Мало кто знал, но оно было её истинной страстью, — привычно начинаю рассказ я, немного придя в себя от укола. Воспоминания о жене давно уже вызвали светлое и теплое чувство вместо скорби, и я пытался его закрепить в своем сердце, не давая злым мыслям одержать верх.

Сегодня последний день, как иголка впивалась в мою вену, и с бледной кожи в коричневатых пигментных пятнах постепенно начнут сходить синяки. В молодости их бы и вовсе не было, а маленькие точки слились бы с веснушками, и их можно было бы разыскать разве что с лупой.

Таня жует пирог с ревенем и удивляется, как можно было приготовить его таким вкусным. А всего-то и секретов — цедра лимона да ванильный сахар. Лопухое растение со свекольно-красным корневищем заполонило всё пространство под грушей, и от него не было никакого спасения. Разве что соседский мальчик, свержившись с забора после неудачной охоты за грушами, наносил хоть какой-то урон этим зарослям. Хорошо, что скоро внуки приедут, будет хлестать компот из него только так.

— Вы иногда такие вещи рассказываете... Мне совсем другое про неё говорили, жаль, что я не успела с ней познакомиться и узнать её самостоятельно, — осторожно сказала Таня, убирая за ухо выбившуюся прядь волос. Брови сошлись к переносице, она словно боялась сказать что-то не то, наступить на больную мозоль. Прекрасная добрая Таня, она не только знала, как работает сердечная мышца, но и чувствовала эмоциональную боль в ней.

— И что же тебе говорили? Не стесняйся, вряд ли ты меня удивишь, — подбодрил её я.

— Говорили, что она очень любила детей и была любимой учительницей. Муж до сих пор с добротой про неё вспоминает и всё сожалеет, что нашим не попался такой ответственный и интересный педагог. Ещё он вспоминал, что любил её смены в школьном летнем лагере, так как они много куда ходили и ездили с ней, в то время как другие учителя ленились и разве что устраивали игры возле школы. Он уже не учился у неё, когда ей стало плохо. Она сразу взяла годичный отпуск, я так понимаю, а потом так и не вышла из него. У неё ведь было что-то не так с психикой? Поэтому она перестала работать с детьми? — уточнила Татьяна, мысля в правильном направлении, и посмотрела чуть правее меня, туда, где рядом с мятным чаем стояла в простой деревянной рамке наша черно-белая фотография со свадьбы. Яра лучисто улыбалась, и её кучерявые волосы образовали вокруг головы корону из-за сильного ветра. Она такой и была — само олицетворение природной стихии, постоянно пыталась обогнать время.

— Да. Сначала это казалось нервным расстройством, а потом оказалась неизлечимая болезнь мозга, — подтвердил я её подозрения. Яра была настоящим холериком, но эти постоянные перемены настроения были вызваны скорее внешними обстоятельствами, а не её сущностью. Сама по себе она была спокойной, открытой, дружелюбной, просто ей не повезло родиться тем, кем она являлась.

— Говорили, что она практически перестала выходить из дома, а если и решалась на прогулку, то шла к морю. Никто не решался составить ей компанию, так как она почти всё время молчала и теряла нить разговора, забывая, о чем же шла речь. А потом она уехала с вами в санаторий, и там умерла, — Таня судорожно сглотнула, и я пожалел, что спросил её об этом и что изначально поддержал этот разговор.

Горло сдавило, возвращая меня в те последние дни, наполненные тягостным ожиданием печального конца и одновременно робкой надеждой.

Мы уехали в Крым и расположились в санатории на берегу моря. Местность вокруг была скалистая, и это создавало прекрасные условия для чудодейственного лечения. Яра очень любила пешие походы, и каждый день мы подолгу гуляли или же поднимались на какую-нибудь невысокую гору и устраивали там пикник. Она была счастлива в эти мгновения, когда можно было подставить лицо порывистому морскому ветру и чувствовать себя на вершине мира. В эти моменты она становилась собой.

В другое же время Яра была невыносима. Работа с детьми сглаживала её характер, но каждый день своей жизни она ощущала себя запертой в этом теле, в этом времени. Она была женщиной, и после войны её долей было растить своих детей и учить чужих, и невозможно было отойти от этого женского предназначения в советской глубинке. Лишь море её спасало. И чем сильнее его штормило, тем более привлекательным казалось оно ей. Она заходила в буйную воду, и волны накрывали её с головой, а она смеялась им в ответ и пыталась грести против неистового потока морской стихии.

А потом Яра возвращалась домой, и до вечера не смолкали смех и рассказы о любой ерунде, которая с ней приключалась в школе. Мы зажигали керосиновую лампу, накладывали по куску ревеневого пирога и пили чай, перебивая друг друга и наслаждаясь любовью и радостью.

В Крыму моя дорогая словно ожила. Она с интересом рассматривала всё вокруг, и одно место на резком обрыве горы ей особенно понравилось, поскольку на его вершине можно было словно воспарить над бескрайней гладью моря.

Несколько дней врачи запрещали нам куда-либо выходить после очередного приступа, но Яра терпеливо ждала и развлекала и меня, и медицинских работников веселыми байками. Она много вспоминала нашу совместную жизнь, первую встречу, появление детей и размышляла о том, когда же сын женится на своей девушке, уж больно она ей понравилась. Единственное, что её огорчало — местная кухня, вдали от дома она с грустью вспоминала мою стряпню.

В тот день нам наконец-то разрешили выйти на прогулку, и Яра заявила, что хочет снова взобраться на тот обрыв. Она пребывала в приподнятом настроении, поэтому с шутками да прибаутками мы быстро собрались и отправились в место, которое приносило ей успокоение. Мне казалось, что она выздоравливает, и прогнозы врачей радовали — она вполне могла остаться со мной ещё на несколько лет, ей требовались лишь отдых и постоянный прием лекарств.

День был солнечный, но ветреный, море волновалось, грозясь к ночи взорваться штормом. Яра быстрее меня устремилась вверх, даже не останавливаясь, чтобы передохнуть. Я еле за ней поспевал и недоумевал, кто же из нас болен: она или я. Дыхание сбилось, я вдруг вспомнил, что мы даже не купили по дороге ничего поесть и попить, и от мыслей о глотке холодной воды горло пересохло.

Яра ждала меня у самого края обрыва. Она была похожа на сам ветер: длинные волосы развивались, платье колыхалось от порывистых струй воздуха, руки раскинуты в стороны, словно она просила забрать её из этого мира в обитель воздушной стихии. Я подошел к ней, и она обернулась, глядя на меня со счастьем в глазах и радостной улыбкой.

— Прости. Мне очень хочется пить. Ты не спустишься за водой? Пожалуйста, — она сказала это с такой мольбой в голосе, что я даже не подумал воспротивиться. Я вообще

никогда не мог отказать её просьбам.

Я кивнул и повернулся, чтобы направиться к пологому склону, по которому мы и поднимались. Она резко схватила меня за руку, а когда я недоуменно посмотрел на неё, быстро запечатлела на моих губах свой поцелуй.

— Люблю тебя, — тихо прошептала она и поцеловала ещё раз. Губы её были сухими, потрескавшимися, но их прикосновение было нежным и ласковым.

Уходя, я обернулся. Она стояла в той же позе, наслаждаясь порывами ветра.

Спускаться в этот раз было тяжелее, чем подниматься. Мне тоже хотелось пить, и почему-то ноги путались и так и норовили запнуться о нехстати подвернувшуюся кочку. Но чем дальше я отходил от Яры, тем тише становилась жажда воды и сильнее нарастало тревожное чувство чего-то безвозвратного.

Уже у самого низа я не выдержал и обернулся. Она всё так же стояла на том месте, а затем опустила руки и пошла прочь. Я подумал, что ей стало лень меня дожидаться и она решила последовать за мной. Но через несколько метров она остановилась и развернулась, и я уже знал, что будет дальше. Секунды показались вечностью, и моё сердце словно разрывалось на части, когда я следил за тем, как она быстро разбегается и прыгает со скалы. Светлое платье и распахнутые руки сделали её на мгновение похожей на птицу, но она не воспарила в небо, а стремительно рухнула вниз.

Я сказал всем жителям села, что она умерла в санатории, лишь от детей и медсестры, ставшей моим близким другом, не смог укрыть правду.

Чувство скорби смешалось со злостью, и я не знал, что сильнее чувствую к ней: любовь, жалость или ненависть. Каждый день мне казалось, что она меня предала, не став бороться ради нашей семьи, но песок времени измерял срок и ненависти, и вскоре осталось лишь опустошение.

Я миллион раз перебирал в голове эти последние секунды, вспоминал все эпизоды из нашей жизни, и постепенно ко мне приходило понимание, что, несмотря на редкие радостные минуты, она была очень несчастна. Её терзала невозможность быть собой, она металась, запертая в тесном приморском поселке, и её изначально добрый и благодушный характер ломался под натиском обстоятельств, не оставляя ничего от её исконной сущности.

Прошло пятнадцать лет. Боль утихла, и я помнил очень много положительных и счастливых моментов, пытаюсь жить этими воспоминаниями. Я искал ответы в разных религиях, я хотел последовать за ней, но боялся. Боялся не за свою жизнь, боялся не боли, а страшился нашего будущего.

Если христианская доктрина права, то её поступок означал, что мы больше никогда не встретимся. Самоубийцы сами выбирают свой путь и, пытаясь избежать от невыносимости жизни в настоящем, лишают любящих их людей возможности встретиться с ними в будущем.

Если прав я, если то, что чувствует моё сердце, верно и имеет право на существование, я должен как можно сильнее глушить все отрицательные эмоции, уничтожать ненависть в душе на корню, чтобы потом, когда придет мой черед переродиться, я не помнил о её предательстве. Это событие принесло ей освобождение, а я должен не ставить якорь в этом месте памяти и плыть как можно дальше, прочь от этих злых чувств. В противном случае мы оба будем несчастны, и этот круговорот никогда не закончится. Из жизни в жизнь мы будем бежать друг от друга и не находить успокоения.

Однажды я смогу победить свои воспоминания. Я должен в это верить.

Шероховатая бумага конверта немного холодит кончики пальцев. Мне кажется это символичным и в тоже время немного приземленным: конверт выступает в качестве способа связи между перевоплощениями одного человека, и я из будущего воплощения шлю себе привет в прошлое... Эти понятия смешались, и если спираль времени закручивается и стремится вперед со всё возрастающей скоростью, то моя душа устремляется назад, пытаюсь противостоять этому временному потоку и не потерять связь с самым важным, что только есть в жизни.

Мне кажется святотатством разрывать конверт, и я беру столовый ножик, который принесли Дмитрию для яблочного штурделя, подцепляю пожелтевший уголок и осторожно разрезаю бумагу на сгибе.

Тонкий лист А4 сложен втрое и тоже немного постарел. Я его разворачиваю и вглядываюсь в отрывистые буквы, немного вдавленные в толщину бумаги, что получается при использовании печатной машинки. Бойко так и не освоил достижения современного техногенного мира, хотя пришел из более совершенного времени.

И вот я уже вглядываюсь в строчки и читаю то, что мне только будет суждено написать:

«Дорогой читатель этого письма,
Дорогой я,
Дорогой ты,

Ты обнаружил это послание, прошедшее сквозь время и пространство, значит, мой след из хлебный крошек привел тебя ко мне.

Давай знакомиться. Я — Бойко Видинский, учитель истории, бывший археолог, заботливый отец, любящий муж, хозяин умнейшего пса по кличке Пират и скромный пенсионер, любящий свой огород и сад. Я — это будущий или прошлый ты.

Из моих отрывистых воспоминаний, снов и видений я могу предположить, что я уже прожил две жизни, и, вполне возможно, ты — из одной из них. К сожалению, я не знаю их очередности, но всё равно не могу удержаться и не поделиться этими клочками памяти.

В одной из жизней я любил кого-то с огненными волосами и прожил с ним долгую и счастливую жизнь. У нас была чудесная рыжеволосая девочка с зелеными глазами и красивый статный мальчик со светлым ежиком на голове. Я приезжал во Фрунзе с этим любимым человеком, я застал закат на море и вдыхал запах рыбы, я видел собственную могилу и свой будущий дом.

В другой я любил очень светлого человека, который дал мне надежду и заставил поверить в себя. Вместе мы пережили немало веселых приключений и добились того, чего никто прежде не достигал — встретили Их, разумных существ с другой планеты. Мы наслаждались каждой минутой нашей жизни, полной загадок, риска и любви. Из того воплощения я помню очень важный момент — пшеничное поле среди гор — одаривший меня теплом в сердце и невесть откуда появляющейся улыбкой всякий раз, как я вижу колосья пшеницы.

Возможно, была ещё и третья жизнь, но я не могу быть полностью в этом

уверен. Недавно я посмотрел интересный фильм — «Парк Юрского периода», — и это всколыхнуло во мне волну паники и страха, не имеющую под собой никакой подоплеки. Хотя это может быть старческим маразмом — видеть в любых эмоциональных состояниях какие-то знаки.

Скоро я умру. Но это меня совсем не печалит. Я лишь быстрее вновь встречу с ней — моей любовью, бог знает, как я по ней соскучился. Я на неё совсем не обижаюсь и понимаю каждой частичкой своего сердца. Я и сам нередко чувствовал, что моё место не здесь, что где-то ещё происходит что-то более важное или что я сам прежде был более важным, а не простым учителем истории. Я всё время искал ответы и теперь нашел. Можно отправляться дальше, но я не могу упустить этой возможности облегчить себе жизнь в будущем и не рассказать о самом главном.

Запомни и ни в коем случае в этом не сомневайся. Ты непременно столкнешься с человеком, который принесет тебе тепло и озарит надеждой всю твою жизнь. Ни в коем случае не отпускай его. Ни в коем случае не предавай его. Ни в коем случае не лишай его возможности быть собой. Ему твоя поддержка нужна так же, как тебе — его. И вся твоя жизнь без этой солнечной и согревающей любви не имеет смысла.

Ты обязательно встретишь его.

Я обязательно встречу её.

Давай просто поверим».

Тихое перешептывание за спиной не дает сосредоточиться. Сейчас, именно сейчас будет этот момент, который я пронесу через все последующие жизни. Пока я вижу только стальную стену, но осталось совсем чуть-чуть потерпеть до приземления.

Легкий толчок, практически неосязаемый. Я глотаю кислородную пластину и жду.

Створка шлюза едет вверх и с тихим шуршанием начинает двигаться трап.

Яркая звезда слепит глаза, и я на секунду закрываю глаза рукой, чтобы не дать политься слезам. А после вижу огромный серый спутник планеты на светло-желтом небе и этот долгожданный кроваво-красный закат, поражающий своей величественной красотой. Перья облаков окрасились в оранжево-фиолетовый цвет и напоминают экзотическую птицу, распутившую хвост посреди небесной тверди.

Исследователи начинают спускаться по трапу со своими приборами, но никто не приступает к делу. Все замерли, понимая, что отвести глаза от этого прекрасного зрелища будет святотатством.

Я остановилась у выхода, не желая делать этот важный шаг без него — человека, сдержавшего своё шутовское обещание, данное восемь лет назад, и взявшего меня на корабль. Он, мой капитан, контролирует посадку и должен прийти совсем скоро.

Через какое-то время я ощущаю каждой клеточкой своего тела, что он подходит сзади. Его пружинистую походку ни с чем не спутаешь. Мягкие руки обнимают за талию, губы щекочут шею, и я чувствую себя самым счастливым человеком на свете.

Сегодня исполнится ещё одна моя мечта, и мы встретим их.

Сегодня исполнится его мечта, и он войдет в историю как капитан корабля, первым обнаружившего наших братьев по разуму.

Сегодня величайший день для всего человечества, и я никогда его не забуду.

Больше книг на сайте - Knigoed.net